

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 1 (33) 2018
Выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX

Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.

**Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени канди-
дата наук, на соискание ученой степени доктора наук
(Распоряжение Минобрнауки РФ от 26.01.2016 № Р-4)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация

**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

Сайт издателя: www.niiapsp.ru; e-mail: nii.pravo@gmail.com

Сайт журнала: www.vzlaw.ru; e-mail: vzlaw@yandex.ru

Подписано в печать 27.03.2018. Формат 70×100 1/16. Объем 15.1 п. л. Тираж 1000 экз.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2018

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Андреев Владимир Константинович, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (РГУП), заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Кузнецова Ольга Анатольевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Лескова Юлия Геннадьевна, д. ю. н., доцент, заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ».

Филиппов Петр Мартынович, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», заслуженный юрист РФ.

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джемшед Саидалиевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета (Таджикистан).

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турдуковский Ярослав Владимирович, доктор права, доцент кафедры коммерческого права Института гражданского права Варшавского университета (Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Вавилин Евгений Валерьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», судья Высшего Арбитражного Суда РФ в отставке.

Дзидзоев Руслан Мухарбекович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Анисимов Алексей Павлович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления.

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., профессор Факультета права Департамента дисциплин частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

Рыжик Андрей Владимирович, к. ю. н., доцент кафедры права факультета бизнеса и права учреждения образования «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия» (Республика Беларусь).

Молчанов Александр Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ».

Морозов Сергей Юрьевич, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет».

Параскевова Светлана Андреевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

Рузанова Валентина Дмитриевна, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева».

Серова Ольга Александровна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта».

Тужилова-Орданская Елена Марковна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

Тычинин Сергей Владимирович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Харитоновна Юлия Сергеевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Editor-in-Chief

Kamyshansky Vladimir Pavlovich, D.J.S., professor, head of the department of civil law of the FSBEI of HE «Kuban state agrarian university named after I. T. Trubilin», head of ANO «Scientific Research Institute of Contemporary Issues Of Modern Law», Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, honorary scientist of Kuban.

Deputy Chief Editor

Rudenko Evgeniya Yurievna, Ph. D. (candidate) in Law, PhD in Judicial Science, associate professor of the department of civil law of the FSBEI of HE «Kuban state agrarian university named after I. T. Trubilin».

Editorial Council

Rasskazov Leonid Pavlovich, D.J.S., professor, head of the department of theory and history of law and state of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University», Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, honorary scientist of the Russian Federation, honorary scientist of Kuban.

Andreev Vladimir Konstantinovich, Ph. D in Law D.J.S., professor, head of the department of civil law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian University of Justice», honorary scientist of the Russian Federation.

Belykh Vladimir Sergeevich, D.J.S., professor, head of the department of business law of FSBEI of HPE «Urals State Law University», honorary scientist of the Russian Federation.

Gubin Evgeniy Parfiryevich, Ph. D in Law, professor, head of the department of business law of Federal State Educational Institution of Higher Education « M. U. Lomonosov Moscow State University».

Didenko Anatoly Grigoryevich, D.J.S., professor of the department of private law disciplines of Caspian Public University (Kazakhstan).

Kuznetsova Olga Anatolyevna, D.J.S., professor of the department of civil law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University».

Leskova Yulia Gennadyevna, D.J.S., associate professor, head of the department of entrepreneurial and corporate law of the Institute of Law and National Security for the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «President of the Russian Federation Academy of State Security and National Economy»

Filippov Petr Martynovich, D.J.S., professor of the Civil Law Department at the Astrakhan State University, Honorary Lawyer of the Russian Federation.

Malko Alexandr Vasilyevich, D.J.S., professor, head of Saratov Branch of Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of State and Law (Russian Academy of Science)», honorary scientist of the Russian Federation.

Murtazakulov Jamshed Saidalievich, D.J.S., professor of the department of civil law of Law Faculty of Tajik National University.

Popondopulo Vladimir Fedorovich, D.J.S., professor, head of the department of commercial law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «St.-Petersburg State University», honorary scientist of the Russian Federation.

Turlukovskii Yaroslav Vladimirovich, PhD in Judicial Science, associate professor of commercial law of Institute of Civil Law at Warsaw University (Poland).

Tsibulenko Zinoviyy Ivanovich, D.J.S., professor of the department of civil and family law of FSBEI of HPE «Saratov State Law Academy», honorary worker of higher professional education of the Russian Federation.

Editorial Board

- Barkov Alexey Vladimirovich**, D.J.S., professor, professor of the department of legal regulation of economic activities for the «Government of the Russian Federation Financial University»
- Vavilin Evgeniy Valeryevich**, D.J.S., professor of the department of civil and international private law of FSBEI of HPE «Saratov State Law Academy», former judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.
- Dzidzoev Ruslan Muharbekovich**, D.J.S., professor of the department of constitutional law and municipal law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University».
- Anisimov Aleksey Pavlovich**, D.J.S., professor, professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management
- Emelkina Irina Alexandrovna**, D.J.S., professor of the faculty of law for the department of private law of the National Research University «Higher School of Economics».
- Inshakova Agnessa Olegovna**, D.J.S., professor, head of the department of civil and private international law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Volgograd State University».
- Ryzhik Andrey Vladimirovich**, D.J.S., professor, associate professor of the Department of Law of the Faculty of Business and Law of the Educational Establishment "Belarusian State Orders of the October Revolution and the Red Banner of Labor Agricultural Academy" (Republic of Belarus).
- Molchanov Alexander Aleksandrovich**, D.J.S., professor, professor of the department of civil law and civil process of Federal State Owned Educational Institution of Higher Education «St.Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation».
- Morozov Sergey Yuryevich**, D.J.S., associate professor, head of the department of civil law and civil procedure of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ulyanovsk state university».
- Paraskevova Svetlana Andreevna**, D.J.S., professor, professor of the department of civil law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Astrakhan State University».
- Ruzanova Valentina Dmitrievna**, Ph. D. (candidate) in Law, associate professor, head of the department of civil law and business law of FSAEI of HE « Academician S. P. Korolev Samara National Research University».
- Serova Olga Aleksandrovna**, D.J.S., associate professor, head of the department of civil law and process of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Immanuel Kant Baltic Federal University».
- Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna**, D.J.S., professor, head of the department of civil law of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Bashkir state university», professor of the Civil Law Department of the State Educational Establishment of Astrakhan State University
- Tychinin Sergey Vladimirovich**, D.J.S., professor, head of civil law and procedure of Law institute of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National State Research University».
- Haritonova Yulia Sergeevna**, D.J.S., professor of the department of business law of Federal State Educational Institution of Higher Education « M. U. Lomonosov Moscow State University».

Содержание

Колонка главного редактора

Камышанский В. П. Риск в гражданском праве 14

Актуальные проблемы современного права

- Лескова Ю. Г.* Социально-экономическая эффективность института саморегулирования строительной деятельности и правовые методы (способы) ее повышения ... 21
- Дерюгина Т. В.* Проблемы определения условий гражданско-правовой ответственности при причинении вреда.. 31
- Филиппов П. М., Севастьянов В. В.* Частноправовые свойства правоотношения, обусловленного деятельностью по эксплуатации опасных производственных объектов..... 40
- Цечоев В. К., Рубан Д. Е.* Взаимовлияние преступлений и репрессивной системы наказаний в инквизиционной юстиции Российской Империи 1864-1890-х гг..... 53
- Шаронов С. А.* Антитеррористическая защищенность опасных производств как условие осуществления предпринимательской деятельности в преддверии чемпионата мира по футболу 2018 года..... 61
- Беляков А. А., Крипакова Д. Р.* Об опыте судов Астраханской области по применению медиации при рассмотрении гражданских дел..... 85
- Бутурлина Е. С., Безуглов С. В.* К вопросу о понятии, системе и классификации принципов правосудия..... 92
- Герасимов О. А.* Право собственности как средство обеспечения эффективности правового регулирования реального сектора экономики..... 104
- Гулик А. Г.* Методологические основания герменевтики в юридической науке. 124
- Иваненко И. Н., Чернов Ю. И., Пахомова К. Ю.* К вопросу о кадастровой стоимости земельных участков..... 132
- Кудрякова О. В., Звягинцева Д. В.* Проблемы соответствия административно-восстановительных мер Гражданскому кодексу Российской Федерации..... 144

<i>Мамедов С. Н.</i> Специфика конституционно-правового статуса личности в Российской Федерации: вопросы теории.....	153
<i>Микрюков В. А.</i> Отмена выхода из общества с ограниченной ответственностью с применением аналогии закона ..	160
<i>Османов М. Х.</i> Глобализация и права человека	179
<i>Харитонов А. Н., Корчагина И. В.</i> Неосторожные преступления в истории права России	185

Юридическая наука и практика стран СНГ

<i>Зухурзода Д. Ш.</i> О гражданско-правовой ответственности правоохранительных и судебных органов за незаконные действия	194

Юридическая наука и практика Республики Крым

<i>Латынин О. А.</i> О месте приказного производства в системе судопроизводства.....	210
<i>Семенова Е. Г.</i> Структура вещных прав на объекты недвижимости	219

Социально-правовые механизмы энергосбережения

<i>Камышанский В. П., Серебрякова С. А.</i> Ограничение режима потребления электрической энергии: социально-правовой аспект	231

Трибуна молодых ученых

<i>Абаринова М. Д.</i> О потестативных сделках в гражданском праве.....	240
<i>Ксенофонтова Ю. П.</i> Интересы собственников в непоименованных договорах.....	248
<i>Павлова Ж. Г.</i> Теоретико-правовые основы обязательного страхования профессиональной ответственности адвоката	256

<i>Рубан Д. Е.</i> Взаимовлияние преступлений и репрессивной системы наказаний в инквизиционной юстиции Российской империи (историография проблематики)	264
<i>Саров С. С.</i> Неосновательное обогащение как следствие неправомερных действий органов, осуществляющих принудительное исполнение судебных решений	271
<i>Татаринаова О. В.</i> Институт оценки регулирующего воздействия как инструмент реализации баланса частного и публичного интереса (анализ правоприменительной практики)	278
<i>Чиришьян А. Р.</i> Энергосбережение с использованием возобновляемых источников энергии: проблемы и перспективы	288
<i>Клещенко С. С.</i> Публичные и частные интересы собственников земельных участков	296

Критика и рецензии

<i>Камьшанский В. П., Марухно В. М.</i> Рецензия на учебное пособие А. Л. Корнеева «Особенности совершения сделок с земельными участками» (М.: Издательский дом «Городец», 2017. 304 с.)	305

Contents

Editor's column

Kamyshansky V. P. Risks in Civil Law 14

Actual problems of modern law

Leskova Y. G. Social and economic efficiency of the institution of construction activities self-regulations and legal ways of its improvement 21

Deryugina T. V. The issue of determining terms of civil liability for the infliction of harm 31

Filippov P. M. Sevastyanov V. V. Private properties of legal relationship, induced by the operation of hazardous production facilities 40

Tsechoev V.K., Ruban D.E. The interconnection of crimes and the repressive penal system in the inquisitorial justice system of the Russian Empire from 1864 till 1890 53

Sharonov S. A. Counter-terrorist protection of hazardous industries as an important condition of doing business in anticipation of the Football World Cup 2018 61

Belyakov A. A., Kripakova D. R. Concerning the experience of the courts of Astrakhan region on the use of mediation in civil process 85

Buturlina E. S., Bezuglov S. V. On the issue of the concept, system and classification of principles of justice 92

Gerasimov O. A. The right of ownership as a way to ensure the efficiency of legal regulations in the real sector of the economy 104

Gulik A. G. Methodological bases of hermeneutics in judicial science 124

Ivanenko I. N., Chernov Yu. I., Pakhomova K. Yu. On the issue of the cadastre value of the land lots 132

Kudryakova O. V., Zvyagintseva D. V. The issues of conformity of administrative and restorative measures to the Civil Code of the Russian Federation 144

<i>Mamedov S. N.</i> Specifics of the constitutional and legal status of individual in Russian Federation: the theoretical questions	153
<i>Mikryukov V. A.</i> Canceling withdrawal from OOO (Limited Liability Company) with the use of legal analogy	160
<i>Osmanov M. Kh.</i> Globalization and human rights	179
<i>Kharitonova A. N., Korchagina I. V.</i> Negligent crimes in the history of law of Russia.....	185

Legal science and practice of CIS countries

<i>Zuhurzoda D. Sh.</i> On civil and legal responsibility of law enforcement and judiciary for illegal actions	194

Legal science and practice of Republic of Crimea

<i>Latynin O. A.</i> Concerning the place of the writ proceedings in the system of legal proceedings	210
<i>Semenova E. G.</i> Structure of proprietary rights for the real estate	219

Socio-legal mechanisms of energy saving

<i>Kamyshevsky V. P., Serebryakova S. A.</i> Electric energy consumption constraints: social and legal aspects	231

Young scientists' tribune

<i>Abarinova M. D.</i> On the potestative agreements in civil law..	240
<i>Ksenofontova Yu. P.</i> On interests of proprietors in non-defined contracts.....	248
<i>Pavlova Zh. G.</i> Theoretical and legal bases of compulsory insurance of professional responsibility of the lawyer...	256
<i>Ruban D. E.</i> The interconnection of crimes and repressive penal system in inquisitional courts of the Russian Empire (historiography of the issue)	264
<i>Sarov S. S.</i> Unreasonable gains as a result of the misconduct by the authorities in charge of execution of judgment	271
<i>Tatarinova O. V.</i> Institution of regulatory impact assessment as a way of implementing the balance of private and public interest (regulatory enforcement analysis).....	278

Chirishyan A. R. Energy conservation by renewable energy resources: issues and prospects.....288
Kleshchenko S. S. Public and private interests of land owners ...296

Critique and Reviews

Kamyshansky V. P., Marukhno V. M. Review of the textbook "Peculiarities of land lots transactioning". (Moscow: Publishing house "Gorodetz", 2017. 304 p.)305

Колонка главного редактора

Камышанский Владимир Павлович
заведующий кафедрой гражданского права
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
директор Научно-исследовательского института актуальных
проблем современного права (Россия)
доктор юридических наук, профессор
vpkam@rambler.ru

РИСК В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

RISKS IN CIVIL LAW

Существенное обновление и последующая модернизация российского гражданского законодательства изначально были нацелены на обеспечение устойчивости, стабильности и предсказуемости правил поведения на рынках товаров работ и услуг, гарантированности прав для его участников. С закреплением в новейшем гражданском законодательстве права частной собственности наряду с государственной и муниципальной многократно возросли риски возможных имущественных потерь ввиду ряда обстоятельств, основанных на уже действующих законах, и с учетом постоянного, не всегда предсказуемого и последовательного обновления гражданского законодательства. В связи с этим существенно возрастает потребность в теоретических разработках проблем риска в гражданском праве с целью выбора путей его минимизации. Уместно вспомнить фундамен-

тальный труд Виктора Аркадьевича Ойгензихта, посвященный проблемам риска в гражданском праве, вышедший из-под его пера почти полвека назад¹. В этой работе он рассматривает традиционные определения и теории риска, понятие риска в гражданском праве, риск как основание гражданско-правовой ответственности и распределения убытков.

Понятие «риск» уже существовало в отдельных институтах римского права. В классической римской терминологии слово «*periculum*» означало опасность, риск, в обязательственных отношениях – ответственность за случай и вознаграждение за вред и убытки². Римские юристы писали о «риске транспорта», риске морского займа, когда занимаемые деньги назначаются для перевозки за море³. Описание некоторых теорий риска можно найти в известной книге Е. Годэмэ «Общая теория обязательств», где автор в качестве приоритетной определяет теорию риска, связанную с неисполнением, за которое должник не несет ответственности⁴.

Рассматривая случаи употребления термина «риск» в статьях Гражданского кодекса РФ, можно выделить четыре группы «рисков», принципиально различающихся между собой: риск предпринимательства, непосредственно связанный с осуществлением предпринимательской деятельности (ст. 2); «игровой риск» (ст. 1063); обязательственный риск (ст. 19, 312, 382 и др.); страховой риск (гл. 48) и др. Таким образом, совершенно разные правовые конструкции объединяет одна категория – категория «риск».

Не только для предпринимательской деятельности, но и всего современного гражданского оборота существует ряд проблем, связанных с невозможностью предварительного проведения оценки возможных рисков от совершаемых сделок. Последствия риска подлежат распределению по правилам, закрепленным в институтах гражданского права. Речь идет о способах распределения риска. Основанием для распределения риска между участ-

¹ См.: *Ойгензихт В. А.* Проблема риска в гражданском праве (общая часть). – Душанбе: Издательство «Ирфон». – 1972. – 225 с.

² См.: *Дыдынский Ф. М.* Латинско-русский словарь к источникам римского права (по изданию 1896 г.) – М.: Издательство «Спарк», 1998. – С. 405.

³ См.: *Барон Ю.* Система римского гражданского права. В 6 кн. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 547.

⁴ См.: *Годэмэ Е.* Общая теория обязательств / пер. И. Б. Новицкого. – М., Госюриздат, 1948. – С. 380–387.

никами гражданского оборота являются критерии экономической обоснованности и степени социальной значимости защищаемого интереса.

К основным способам распределения риска возможных потерь между участниками гражданского оборота следует отнести закрепление в гражданско-правовом статусе субъекта объем имущественной ответственности по обязательствам, законодательное закрепление вины в качестве обязательного условия наступления ответственности, установление ограничений размера ответственности по обязательствам, возложение убытков по неисполненному обязательству на третье лицо, расщепление последствий риска при множественности лиц на стороне должника, предоставление государственных гарантий участнику сделки ввиду ее особой социальной значимости и др.

Риски могут быть обусловлены обстоятельствами, которые можно подразделить на самостоятельные группы и представить в виде классификации.

В первую группу рисков, на наш взгляд, вполне логично внести так называемые алеаторные (рисковые) сделки. Их особенность в том, что уже при заключении невозможно предвидеть все правовые последствия ее совершения. Например, заключая договор страхования посевов сельскохозяйственных культур, сельхозпроизводитель не знает, наступит ли в период его действия страховой случай в виде неблагоприятных погодных условий, будут ли происходить природные катаклизмы в виде града, пожара или удастся собрать высокий урожай. В первом случае риск потери понесет страховщик, поскольку страховой взнос значительно меньше предусмотренной в договоре страховой суммы, подлежащей выплате при наступлении страхового случая. Во втором – риск потери страхового взноса несет страхователь, заключивший договор со страховой компанией.

Вторая группа рисков включает в себя действия органов государственной власти и местного самоуправления, которые своим вмешательством в деятельность предпринимателя под благовидным предлогом защиты публичных интересов могут принести убытки товаропроизводителю, а также лицам, оказывающим определенные услуги и выполняемые работы. Например, ужесточение требований к качеству оказываемых услуг в сфере общественного питания, отдыха, услуг по перевозке пассажиров такси и пр.

Третью группу рисков можно связать с обстоятельствами

международного правопорядка. Например, введение санкций в отношении отдельных российских физических и юридических лиц Конгрессом и Президентом США. Такие санкции не имеют под собой правовых оснований, поскольку они не санкционированы Советом Безопасности ООН. Однако они существенно повышают риски потерь у этих организаций, выступающих субъектами гражданского оборота. В отношении данных субъектов гражданского оборота не срабатывают традиционные механизмы защиты прав. Поэтому вполне уместна внятная позиция Правительства РФ, направленная на обеспечение мер компенсационного характера.

Четвертую группу рисков составляют последствия деятельности монополистов в ущерб малому и среднему бизнесу путем сговора. Например, при повышении цен на энергоносители, бензин, электрическую энергию по причинам, не связанным с объективными экономическими предпосылками, когда в приоритете, очевидно, только стремление повысить прибыль олигархов. В итоге сокращается сегмент рыночной экономики малого и среднего бизнеса, растет безработица и одновременно давление на бюджет.

Пятую группу рисков можно выделить в отношении потерь стоимости объектов недвижимого имущества, что связано, по нашему мнению, с непродуманной градостроительной политикой и отсутствием должного контроля за осуществлением застройки в городах. Вначале определенным лицам выделяют земельный участок под застройку определенного объекта на конкурсной основе, а затем победитель годами платит возрастающую ежегодно арендную плату и пытается получить разрешение на строительство. После получения разрешения на строительство и его завершения теряет время и несет убытки в поисках заключения о вводе объекта в эксплуатацию.

Транспортная инфраструктура поселений и вид из окна могут существенно влиять на цену объекта недвижимости. В данном случае собственник чаще всего не защищен и зависит от позиции муниципальной власти.

Участие в долевом строительстве многоквартирных жилых домов, которое охватило десятки миллионов россиян и продолжается годами, следует отнести к очень рискованным гражданско-правовым сделкам при, казалось бы, законодательно закрепленных правовых гарантиях. При всей очевидности и особой социальной значимости проблемы долевого строительства его участ-

ники рискуют остаться без инвестиций и жилья. Ужесточение требований к подрядчикам в части доступа к деньгам застройщиков, которые будут аккумулироваться на отдельном специальном счете, доступном подрядчику только после сдачи многоквартирного дома в эксплуатацию, позволит существенно снизить риск слабой стороны в обязательстве долевого строительства, но не обнулить его.

Качество образовательных услуг также пока не может быть обеспечено образовательными учреждениями с учетом ряда обстоятельств. Получатель образовательных услуг рискует получить образование, которое не позволит ему впоследствии обеспечить достойное рабочее место. В свою очередь образовательное учреждение, осуществив набор абитуриентов на основе показателей ЕГЭ при оказании образовательной услуги, рискует выйти за пределы допустимых показателей эффективности работы вуза и лишиться аккредитации, что повлечет за собой ликвидацию образовательного учреждения и потерю рабочих мест сотен преподавателей.

Отсутствие должного механизма защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц многократно повышает риски участников гражданского оборота. Судебная реформа пока не дает ожидаемых результатов. Чаще всего при конфликте публичных и частных интересов суд становится на сторону представителей публичной власти, что и не может не создавать определенные предпосылки для возрастания риска в деятельности участников гражданского оборота и возникновения социальных взрывов в обществе.

С одной стороны, само по себе гражданское право не может устранить либо уменьшить риски, возникающие в гражданском обороте на основании существующих правил. Однако, с другой - в своих нормах оно способно либо ограничить объем рисков, возлагаемых на одного из участников гражданского оборота, либо установить определенные правила распределения рисков, которые по природе могут носить императивный или диспозитивный характер. Кроме того, гражданское право может и порождать этот риск в связи с тем, что правовые конструкции некоторых институтов могут способствовать возникновению различных рисков ситуаций. К примеру, заключение договора аренды, договора долевого участия в строительстве многоквартирного жилого дома или отношения представительства на основании доверенности.

В качестве отличительного признака ситуаций, связанных с риском, можно выделить характер содержания возможных последствий. Они могут быть как благоприятными, так и неблагоприятными, носить имущественный и неимущественный характер. Пример благоприятных последствий риска – выигрыш по итогам игр или пари. К неблагоприятным последствиям следует отнести, на наш взгляд, случаи имущественных потерь, упущенной выгоды, утраты деловой репутации. Как справедливо отмечает О. Н. Садиков, неблагоприятные последствия риска могут выражаться в невозможности защитить свое право, прекращении действия определенных гражданских правоотношений¹.

Библиографический список

1. Барон Ю. Система римского гражданского права. В 6 кн. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 1102 с.
2. Годэмэ Е. Общая теория обязательств / пер. И. Б. Новицкого. – М.: Госюриздат, 1948. – 511 с.
3. Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права (по изданию 1896 г.). – М.: Издательство «Спарк», 1998. – 560 с.
4. Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве (общая часть). – Душанбе: Издательство «Ирфон», 1972. – 225 с.
5. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. – М.: Статут, 2009. – 221 с.

¹ Садиков О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. – М.: Статут, 2009. – С. 8.

Раздел

Актуальные проблемы современного права

Ю. Г. Лескова

заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
доктор юридических наук, доцент
yuliyaleskova@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ИНСТИТУТА САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ (СПОСОБЫ)
ЕЕ ПОВЫШЕНИЯ¹**

**SOCIAL AND ECONOMIC EFFICIENCY OF THE INSTITUTION OF
CONSTRUCTION ACTIVITIES SELF-REGULATIONS AND LEGAL
WAYS OF ITS IMPROVEMENT**

В статье исследуются особенности социально-экономического развития института саморегулирования в строительной отрасли с учетом закрепленных законодательных правил о правовом статусе саморегулируемых организаций и их членов. Отмечается, что для выполнения поставленных Президентом РФ перед Федеральным собранием РФ задач приближения России к мировым темпам развития экономики необходимо совершенствовать правовые способы реализации функционального предназначения саморегулируемых организаций в сфере строительства. Автор предлагает исключить возможность существования случаев несения дополнительных обременений со стороны членов саморегулируемых организаций для реализации ими права на осуществление строительной деятельности.

Ключевые слова: строительная отрасль; саморегулирование; экономическое развитие; правовые способы; компенсационные фонды; взно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Саморегулируемая организация как правовая модель внедрения и развития социального предпринимательства в строительной сфере» № 18-011-00974.

сы; Национальное объединение строителей.

The article explores the peculiarities of the social and economic development of the institution of self-regulation in construction industry by taking into account the fixed legislative rules regarding the legal status of self-regulating organizations and their members. It is stated that in order to accomplish the tasks set by the President of the Russian Federation before the Federal Assembly of the Russian Federation to bring Russia closer to the world economic development level, it is necessary to improve legal means for realizing the functional purposes of self-regulating organizations of the construction sector. The author proposes to exclude the possibility of the cases where additional burdens are placed upon the members of self-regulating organizations for the right to perform construction activities.

Keywords: construction industry; self-regulation; economic development; legal methods; compensation funds; contributions; National Association of Builders.

1 марта 2018 года Президент России обратился к Федеральному собранию и поставил ряд важнейших задач для развития социально-экономической составляющей России как государства: в частности, Россия должна обеспечить темпы экономического роста выше мировых, а через шесть лет войти в число пяти крупнейших экономик мира¹. Следует отметить, что эффективное развитие экономики немислимо без реализации сущностной характеристики России как социального государства. Как известно, в современных условиях социальные функции государства становятся доминирующими в экономиках развитых стран. В большинстве случаев считается «социальным» не то государство, которое взяло на себя множество социальных обязательств, а то, где взятые на себя обязательства выполняются повсеместно и результативно². Выполнение указанных социальных обязанностей государство может осуществлять не только и не сколько через государственные органы, но и путем их передачи иным субъектам права. Важным при решении передачи таких обязанностей государства будет тот факт, что в любом социальном государстве неотъемлемой составляющей его экономики является социально ответственный бизнес. Создание прочного фундамента для развития социально ответственного бизнеса представляется в настоящее время первостепенной задачей России как социального гос-

¹ Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01.03.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 12.06.2018).

² Лукашев И. И. Социальная компонента экономического развития: дис. ... канд. экон. наук. – Краснодар, 2007. – С. 54.

ударства, ставящего перед собой цель приближения к мировым темпам развития экономики. И с подобной задачей вполне могут справиться профессиональные объединения предпринимателей, в числе которых саморегулируемые организации в сфере строительства. В настоящее время строительство новых объектов недвижимости и функционирование в этой области профессиональных объединений строительства следует расценивать как «драйвер» экономики. Неслучайно в своем послании к Федеральному собранию 1 марта 2018 года Президент РФ обратил внимание также на то, что «нужно стремиться к увеличению объемов строительства с сегодняшних 80 до 120 миллионов квадратных метров в год»¹. Задача, поставленная Президентом, вполне понятна, но, на наш взгляд, без саморегулирования, которое в настоящее время зарекомендовало себя как неотъемлемый элемент рыночной экономики и общественно значимый институт, достичь цели введения в эксплуатацию качественного жилья, объектов социальной инфраструктуры и т.д., тем самым повысить уровень благосостояния как общества в целом, так и каждого гражданина, не так-то просто. Как справедливо отмечает первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по экономической политике Алексей Майоров, «чтобы постепенно приблизиться к мировым темпам развития, необходимо отойти от госрегулирования, дать больше преференций бизнесу и обеспечить ему доступ к недорогим ресурсам»². Безусловно, с помощью саморегулируемых организаций (далее – СРО) в сфере строительства можно и нужно повысить эффективность управляемости и регулирования отечественной экономики, уровень взаимодействия предпринимательского сообщества и органов государственной власти. Бизнес-сообщества в сфере строительства давно готовы не только к самоорганизации, стремлению к упорядочиванию деятельности, соучастию в процессах управления строительным рынком, но и к принятию на себя ответственности за ситуацию в своей отрасли. Но насколько это возможно с точки зрения закрепленных законодательных правил о правовом статусе СРО в сфере строительства и ее членов, и имеются ли право-

¹ Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 12.06.2018).

² Цит. по: Рейтер Т. Совфед и бизнес рассчитывают на саморегулирование [Электронный ресурс]. URL: <http://www.all-sro.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

вые способы (методы), реально повышающие социально-экономическую роль СРО в строительной индустрии? Ответ на поставленный вопрос не может быть однозначным, требует проведения анализа действующего законодательства РФ, закрепляющего отдельные аспекты деятельности СРО в сфере строительства в обновленном виде.

С 1 июля 2017 года законодателем установлены новые правила осуществления саморегулирования в сфере строительства, и в настоящее время мы наблюдаем их реализацию на практике, где возникают трудности и неоднозначность принятия ряда решений по их применению, что негативно влияет на социально-экономическое развитие России в целом, а также на строительную отрасль в частности.

Одной из проблем, с которой столкнулись в сфере строительства, стала реализация обеспечительной функции СРО при выполнении нового законодательного правила о применении регионального принципа функционирования СРО в сфере строительства. Региональный принцип саморегулирования в сфере строительства включает в себя следующие составляющие: 1) членами СРО, основанной на членстве лиц, осуществляющих строительство, могут быть только индивидуальные предприниматели и (или) юридические лица, зарегистрированные в том же субъекте РФ, в котором зарегистрирована такая СРО (ч. 3 ст. 55.6 Градостроительного Кодекса РФ (далее – ГрК)); 2) отсутствие у некоммерческой организации территориальных подразделений, обособленных филиалов и представительств, расположенных за пределами территории субъекта РФ, в котором такая некоммерческая организация зарегистрирована (ч. 3 ст. 55. 4 ГрК); 3) возможность быть членом только одной СРО в соответствующей области (ч. 14 ст. 55.6 ГрК).

Введение регионального принципа функционирования СРО в сфере строительства привело к массовым переходам строителей в СРО по месту их регистрации, которые должны были сопровождаться согласно ч. 13 ст. 3.3. ФЗ от 29.12.2004 № 191-ФЗ (ред. 28.12.2016) «О введении в действие ГрК РФ» перечислением взносов в компенсационный фонд СРО, где принято решение о приеме, в течение 7 рабочих дней со дня поступления в СРО соответствующего заявления и документов, подтверждающих факт принятия решения о приеме юридического лица, индивидуального

предпринимателя в члены иной СРО¹. Несмотря на указанное правило, достаточно часто СРО, членство в которых у индивидуального предпринимателя или юридического лица было прекращено, не выполняли указанных обязательств или выполняли их частично (не в полной сумме). Соответственно, индивидуальные предприниматели и юридические лица (строители) вынуждены были сами вносить взнос в компенсационный фонд возмещения вреда и при необходимости в компенсационный фонд обеспечения договорных обязательств СРО, в которую они осуществляли переход. В дальнейшем возникала ситуация, когда СРО (в которой ранее состоял как член СРО индивидуальный предприниматель или юридическое лицо) в нарушении сроков перечисления взноса в компенсационный фонд все-таки исполняли свою обязанность. В этой связи вставал вопрос: могут ли быть возвращены средства, уплаченные членом СРО в компенсационные фонды СРО, в которой был осуществлен переход, и каким образом? Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области в своем решении от 27.02.2017 по делу № А56-80687/2016² указал, что самостоятельно внесенный индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом взнос в компенсационный фонд региональной СРО рассматривается судами как убытки такого лица, причиненные СРО, членство индивидуального предпринимателя, юридического лица в которой было прекращено, вследствие неисполнения своих обязательств, предусмотренных ч. 13 ст. 3.3. ФЗ «О введении в действие ГрК РФ» (однако в данном случае допустимо ставить вопрос о выплате взноса с прежней СРО, непосредственно предъявляя именно к ней такое требование, то есть до момента перечисления прежней СРО взноса в компенсационный фонд СРО, в которой состоит предприниматель). В письме Минстроя России от 20.03.2017 № 8658-ХМ102 указано, что допускается возможность возврата внесшему такие взносы лицу со стороны СРО, в которой состоит такое лицо в качестве члена. При этом предлагается возврат самостоятельно внесенных индивидуальным предпринимателем, юридическим лицом взносов в указанном случае производить на основании п. 1 ч. 4 и п. 1 ч. 5 ст. 55.16 ГрК как возврат ошибочно перечисленных средств³.

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 1 (часть 1), ст. 17.

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ URL: <http://nostroy.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

Другая, не менее важная проблема, связанная с переводом средств компенсационного фонда из одной СРО в другую, обусловлена фактом исключения СРО из государственного реестра СРО в сфере строительства (в связи с несоответствием требований действующему законодательству РФ). Согласно положению п. 19 ст. 55.8 ГрК правовым последствием исключения сведений о саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций для членов СРО является прекращение права выполнения работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства по договору строительного подряда, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, являющимися членами такой организации. Частью 1 статьи 55.8 ГрК установлено, что индивидуальный предприниматель или юридическое лицо имеет право выполнять работы по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства по договору строительного подряда, заключенным с застройщиком, техническим заказчиком, лицом, ответственным за эксплуатацию здания, сооружения, или региональным оператором, при условии, что такой индивидуальный предприниматель или такое юридическое лицо является членом СРО.

Таким образом, после исключения сведений о СРО из государственного реестра СРО юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, являвшиеся членами такой СРО, чтобы исключить невозможность осуществления строительной деятельности, вправе вступить в члены СРО, сведения о которой включены в государственный реестр СРО по месту регистрации в соответствующем субъекте Российской Федерации. При этом согласно ч. 14 ст. 55.16 ГрК в случае исключения сведений о СРО из государственного реестра СРО средства компенсационных фондов в недельный срок с даты исключения сведений подлежат зачислению на специальный банковский счет Национального объединения строителей, членом которого являлась такая СРО. Указанные средства компенсационных фондов в дальнейшем могут быть использованы: 1) для осуществления выплат в связи с наступлением ответственности СРО по обязательствам своих членов, возникшим вследствие разрушения, повреждения объекта капитального строительства, а также в связи с причинением ущерба вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения членом СРО обязательств по договору строительного подряда, заключенного с использованием конкурентных способов определе-

ния подрядчика; 2) перечислены по заявлению члена СРО на счет СРО, в которой принято решение о приеме строителя в члены СРО, являющейся членом Национального объединения строителей (далее – Нострой). В последнем случае Нострой может отказать в перечислении средств на счет СРО, в которой принято решение о приеме строителя в ее члены, если Нострой не получил указанных средств от исключенной из реестра СРО (п. 15 Приказа Минстроя России от 08.09.2015 № 643/пр «Об утверждении порядка взаимодействия Национального объединения СРО и СРО в случае исключения сведений о СРО из государственного реестра СРО»)¹.

Таким образом, возможность осуществления определенных видов строительной деятельности, обусловленная фактом внесения средств на счет СРО в сфере строительства, подчинена действиям исключенной СРО, которые могут быть неправомерными, в результате чего строитель лишается права осуществлять определенные виды работ. И выход из создавшейся ситуации только один – строитель вынужден будет сам вносить соответствующую сумму денежных средств в компенсационный фонд той СРО, в которой принято решение о его приеме. Конечно, в дальнейшем не исключается предъявление требований к Национальному объединению строителей о зачислении соответствующих средств компенсационного фонда в СРО, в которой принято решение о принятии в члены строителя, в случае перечисления последних на его счета (п. 16 Приказа Минстроя России от 08.09.2015 № 643/пр «Об утверждении порядка взаимодействия Национального объединения СРО и СРО в случае исключения сведений о СРО из государственного реестра СРО»). Но тогда также встает вопрос: будут ли возвращены ранее выплаченные средства члену СРО? Судебная практика по этому вопросу пока не сложилась, но, как нам представляется, в ее основу также будут положены описываемые нами ранее положения письма Минстроя России от 20.03.2017 № 8658-ХМ102 (заметим, указанное письмо носит исключительно рекомендательный характер).

В двух нами описанных проблемных вопросах сферы саморегулирования строительной деятельности основная нагрузка по выполнению социального предназначения СРО и выполнения ею обеспечительной функции ложится на самих строителей, которые за свой счет должны «восполнить» несовершенство законодатель-

¹ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2016. – № 7.

ной техники и исключить экономические недостатки существования системы саморегулирования. Мы не исключаем справедливость замечания профессора В. П. Камышанского о том, что «освобождая предпринимателей и участников профессиональной деятельности от государственной опеки, на членов СРО возлагается бремя содержания СРО и стоящих над ним национальных объединений СРО...»¹. Однако пределы такого содержания должны быть разумными. Невыполнение обязанностей СРО в сфере строительства по перечислению средств, ранее уплаченных строителями в компенсационный фонд СРО, приводят к двойной выплате строителями (индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами) денежных средств за право осуществления строительной деятельности. Может ли подобное стать эффективным правовым способом (методом) в регулировании экономического развития России? Представляется, что вряд ли. Исключить подобное можно только путем совершенствования института саморегулирования строительной деятельности, путем введения законодательных правил, защищающих права и законные интересы строителей как «главных» участников (фигурантов) строительной отрасли. Исполнять социально-публичные функции, которые переданы государством СРО, должно в целом профессиональное сообщество предпринимателей, а не отдельно взятые ее члены.

Как известно, саморегулирование в сфере строительства включает в себя два уровня: СРО и Национальные объединения строителей. Последние в настоящее время наделены достаточно широкими возможностями, в том числе по определению правового статуса СРО в сфере строительства. На уровне Национального объединения строителей происходит выработка интересов всего профессионального сообщества, в числе которых защита прав не только самих членов СРО, но и прав третьих лиц (потребителей, пострадавших от действий членов СРО). В связи с реформированием градостроительного законодательства менее всех в строительной отрасли защищенными с правовой и экономической точек зрения стали сами строители (члены СРО), в том числе и от действий самих СРО. Кроме того, часто СРО в сфере строительства, чтобы не перечислять средства на счета СРО, в которую вступил строитель для реализации закрепленного законодателем

¹ Камышанский В. П. К вопросу об ограничении прав саморегулируемых организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 8. – С. 9.

регионального принципа, пытаются применять законодательные правила о добровольном выходе своего члена, в соответствии с которыми не установлена обязанность перечисления соответствующих средств в другую СРО, о чем говорится и в решении Арбитражного суда г. Москвы от 09.06.2017 по делу № А40-207712/16-58-1163. В этой связи интересной представляется точка зрения Е. Ю. Руденко об определении основной цели деятельности СРО. Решая вопрос о необходимости создания СРО в сфере торговли, Е. Р. Руденко приходит, по сути, к выводу о том, что саморегулирование должно защищать наиболее ущемленных в той или иной отрасли лиц, применительно к торговле – это сами производители, и только тогда, по ее мнению, саморегулирование будет эффективным в этой отрасли экономики¹. Применительно к строительной деятельности подобное умозаключение можно сделать с точки зрения материальных затрат строителей, оказавшихся «между двух огней» – обеспечением прав потребителей со стороны СРО и невыполнением последней своих обязательств. Само же строительство как вид экономической деятельности сопряжено с большими рисками, в том числе в плане причинения вреда жизни и здоровью человека. По официально опубликованным данным Национального объединения строителей, ежемесячно в России травмируется около 38 человек, из которых 20 погибают². Поэтому обеспечительная функция СРО должна «работать», она символизирует ответственность всего предпринимательского сообщества, позволяет говорить о социальном компоненте бизнеса, о выполнении предпринимателями взятых на себя обязательств. Однако это не должно быть за счет двойной уплаты средств со стороны самих строителей, которые, по сути, выполняют то, что должно быть, безусловно, выполнено непосредственно самими СРО в сфере строительства. На наш взгляд, решение этого вопроса возможно иным способом. В частности, Национальное объединение строителей вправе взять на себя основную нагрузку в решении указанных вопросов, и в этом случае возможно будет говорить о социально-экономической эффективно-

¹ Руденко Е. Ю. Саморегулирование торговой деятельности с участием хозяйствующего субъекта, осуществляющего торговую деятельность посредством организации торговой сети // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 8. – С. 59.

² Нострой. Мониторинг аварий и происшествий [Электронный ресурс]. URL: http://nostroy.ru/information-disclosure/monitoring_proishestviya (дата обращения: 09.06.2018).

сти саморегулирования строительной деятельности и о соответствующих ей правовых методах (способах), применяемых в действительности.

Библиографический список

1. Камышанский В. П. К вопросу об ограничении прав саморегулируемых организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 8. – С. 9–13.

2. Лукашев И. И. Социальная компонента экономического развития: дис. ...канд. экон. наук. – Краснодар, 2007. – 94 с.

3. Рейтер Т. Совфед и бизнес рассчитывают на саморегулирование. URL: <http://www.all-sro.ru> (дата обращения: 12.06.2018).

4. Руденко Е. Ю. Саморегулирование торговой деятельности с участием хозяйствующего субъекта, осуществляющего торговую деятельность посредством организации торговой сети // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 8. – С. 59–62.

Т. В. Дерюгина

проректор по научной работе
Волгоградского гуманитарного института
доктор юридических наук, профессор
sofia96@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УСЛОВИЙ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПРИ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА****THE ISSUE OF DETERMINING TERMS OF CIVIL LIABILITY FOR
THE INFLICTION OF HARM**

В научной статье рассмотрены проблемы возмещения вреда, причиненного в результате гражданского правонарушения. Исследуются такие условия гражданско-правовой ответственности, как правомерное и противоправное поведение, сделаны выводы об отсутствии их влияния на возникновение обязанности по возмещению вреда. Проводится разграничение понятия субъекта гражданско-правовой ответственности и субъекта, причинившего вред. Выделяются виды деликтных обязательств, ввиду которых обязанность возмещения вреда возникает не у причинителя вреда, а у лица, на которое прямо указано в законе, проводится их сравнительный анализ. На основании проведенного анализа законодательства, теории гражданского права, судебной практики сделан вывод об отсутствии вины причинителя вреда в качестве обязательного условия привлечения к гражданско-правовой ответственности. Обосновывается тезис о том, что в случае, если вина не названа в законе обязательным условием наступления ответственности, ее установление может влиять только на размер возмещения вреда.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность; причине-

ние вреда; возмещение вреда; вина; правомерное поведение; противоправное поведение; условие ответственности; правонарушение; субъект ответственности.

In this article the issues of compensation of harm caused by the civil offense are analyzed. Such conditions of civil liability as lawful and illegal behavior are investigated, conclusions on absence of their influence on emergence of the duty on compensation of harm are drawn. A distinction is made between the concept of the subject of civil liability and the subject who caused the damage. The types of tort obligations are distinguished by virtue of which the obligation of compensating for harm arises not from the Harmer, but from the person specifically designated by law, their comparative analysis is carried out. Based on the analysis of the legislation, the theory of civil law, judicial practice, we arrived at the conclusion that the absence of guilt of the tortfeasor is a mandatory condition for civil liability. The author substantiates the thesis that if the guilt is stated in the law as a mandatory condition for legal liability, it can only affect the amount of compensation for the infliction of harm.

Keywords: civil liability; harm; damages; guilt; compliance with the law; illegal behavior; condition; liability; offence; the subject of responsibility.

Проблемы возмещения вреда, причиненного в результате совершения гражданского правонарушения, имеют ключевое значение для института гражданско-правовой ответственности ввиду их компенсационной (восстановительной) направленности. Однако до настоящего времени проблемы определения условий наступления гражданско-правовой ответственности вызывают бурные дискуссии в научной литературе и неоднозначное толкование в судебной практике. Осложняют ситуацию и серьезные отличия гражданско-правовой ответственности от других видов ответственности с учетом поставленных целей – максимально восстановить нарушенное право.

Основанием гражданско-правовой ответственности, как и любой другой, является правонарушение (ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации). Важнейший элемент правонарушения – противоправность деяния. Но в отличие от других отраслей права законодательство допускает привлечение к гражданско-правовой ответственности и за правомерные деяния.

В частности, ч. 2 ст. 18 Федерального закона от 06 марта 2016 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» содержит норму о возмещении вреда, причиненного правомерными действиями при пресечении террористического акта. В п. 37 ч. 1 ст.

13 Федерального закона от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «О полиции» указывается на возможность возмещения вреда, причиненного изъятием сотрудниками полиции транспортного средства в целях пресечения преступления, преследования лиц, совершивших преступления и пр. Предусмотрена ответственность и за причинение вреда правомерными действиями органов регистрации прав (ч. 4 ст. 66 Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «О государственной регистрации недвижимости»).

Впрочем, последний пример не столь удачен, как предыдущие два, так как законодатель допускает возможность обращения в порядке регресса со стороны Российской Федерации к причинителю вреда, что наводит на мысль о том, настолько ли правомерны были действия причинителя вреда. Данные сомнения укрепляются при анализе подпунктов 1–3 ч. 4 ст. 66 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», где приведены случаи возможного регресса. Среди них – признание акта государственной власти или местного самоуправления судом незаконным; реестровая ошибка; незаконные действия третьих лиц. Таким образом, причинение вреда в данных случаях происходит вследствие противоправных действий, но не органа регистрации, а иных лиц. На орган же регистрации возлагается обязанность возместить вред и в порядке регресса обратиться к причинителю вреда. Тем самым законодатель совершает теоретическую ошибку, смешивая понятия субъекта ответственности и субъекта, причинившего вред.

Необходимо отметить, что сходная ситуация складывается во всех случаях, когда законодатель возлагает обязанность возмещения вреда на лицо, которое фактически вред не причиняло.

Действительно, в п. 1 ст. 1064 ГК РФ указано, что закон может возложить обязанность возмещения вреда на иное лицо, формально не являющееся причинителем вреда. Но даже в этой фразе законодатель не говорит о возложении ответственности, авторы закона указывают на возложение обязанности, что свидетельствует о том, что возмещение вреда потерпевшему не причинителем вреда, а иным лицом имеет цель не наказать это иное лицо, а обеспечить наиболее полную защиту прав граждан путем возмещения вреда с возможностью в последующем обращения в порядке регресса к причинителю вреда.

Более того, в данном случае ситуацию с возмещением вреда третьим лицам можно рассматривать с позиции того, что закон

указывает нам не субъекта ответственности, а на источник возмещения вреда потерпевшему. Если мы обратимся, например, к ст. 1069, 1070 ГК РФ, то, по сути, речь идет об источнике возмещения – казна Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования.

Анализ главы 59 ГК РФ позволяет выделить две группы деликтных обязательств, ввиду которых обязанность возмещения вреда возникает не у причинителя вреда, а у лица, на которое прямо указано в законе.

В частности, анализ ст. 1069, 1070 ГК РФ показывает, что вред, причиненный государственными и муниципальными органами, их должностными лицами, органами дознания, следствия, прокуратуры и суда, возмещается за счет казны Российской Федерации. Но означает ли это, что именно Российская Федерация является субъектом ответственности? На данный вопрос следует ответить отрицательно. Субъектом ответственности выступает непосредственный причинитель вреда. Состав указанного правонарушения, как следует из анализа статей, включает незаконные действия (бездействия) государственных и муниципальных органов, органов дознания, следствия, прокуратуры, наличие вреда и причинно-следственную связь между деянием и вредом. Таким образом, субъектом ответственности выступает причинитель вреда, а обязанность возмещения возлагается на иное лицо – Российскую Федерацию. Следовательно, речь идет как минимум о трех правоотношениях, складывающихся между: причинителем вреда и потерпевшим; причинителем вреда и Российской Федерацией; Российской Федерацией и потерпевшим.

Другая ситуация складывается при анализе ст. 1073, 1076 ГК РФ. На первый взгляд, речь идет о сходных ситуациях: возмещение вреда возлагается на иных лиц, непосредственно не причинивших вред. Однако эти составы отличаются кардинально. В ст. 1073, 1076 ГК РФ родители, опекуны несут ответственность за собственную вину (отсутствие должного воспитания или необходимого надзора), и, таким образом, именно они являются субъектами ответственности за данное правонарушение. В отличие от предыдущих случаев в этой ситуации тот, кто причинил вред, его и возмещает. В рассматриваемом правоотношении причинитель вреда совпадает с субъектом, обязанным возместить вред.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ приводит иную аргументацию существования в российском гражданском законодательстве ответственности третьих лиц за причиненный

вред. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 № 4-П авторы отмечают, что наступление гражданско-правовой ответственности иного лица, отличного от причинителя вреда, связано с наличием между ними устойчивых правоотношений (семейных, трудовых и пр.), предполагающих ответственность одних субъектов за деятельность других.

Действительно, необходимо согласиться с тем, что ответственность иных лиц за причинение вреда вызвана наличием определенных правоотношений между субъектами. Этот вывод крайне важен для правоприменительной практики. Однако невозможно не заметить, что в исследуемых составах субъектами ответственности выступают сами причинители вреда и отвечают за свои действия. При этом статьи 1069, 1070 ГК РФ допускают обращение к причинителю вреда в порядке регресса, что еще раз подтверждает вывод о том, что субъектами ответственности являются сами причинители вреда, а Российская Федерация возмещает вред, преследуя цели максимальной защиты прав граждан и юридических лиц. И, если толковать нормы закона именно так, то решится проблема с попыткой привлечения к ответственности широкого круга лиц за действия причинителей вреда, не являющихся субъектами правоотношений, описанных выше.

Пожалуй, только анализ ст. 1068 ГК РФ может привести к выводу о том, что ответственность за вред, причиненный одним лицом (работником, участником), возникает у другого лица (работодателя, юридического лица). Впрочем, данный вывод вытекает лишь из названия этой статьи. В самой же статье законодатель не говорит об ответственности, а употребляет термин обязанность. Совокупное же толкование статей 1068 ГК РФ и 1081 ГК РФ, позволяющее взыскать в порядке регресса всю сумму возмещения вреда, если иное не установлено законом, свидетельствует о том, что субъектом ответственности выступает сам причинитель вреда.

Нельзя не обратить внимание и на присутствие в Постановлении Конституционного Суда РФ № 4-П аналогичного вывода относительно ст. 1072 ГК РФ. Речь в данной норме идет о договорной ответственности страховой организации и деликтной ответственности причинителя вреда. Следовательно, рассматривать страховую организацию как третье лицо, ответственное за действие причинителя вреда, не следует, поскольку в рассматриваемой статье говорится о договорных правоотношениях и, соответственно, об исполнении страховой организацией своей обязанно-

сти по договору.

Возвращаясь к такому специфическому условию, как правомерные действия, хотелось бы отметить, что для возникновения гражданско-правовой ответственности важны следующие условия: наличие вреда, наличие причинно-следственной связи между поведением, вызвавшим причинение вреда, и вредом. При этом для наступления гражданско-правовой ответственности, на наш взгляд, совершенно неважно, правомерное поведение вызвало причинение вреда или противоправное.

Правомерность либо неправомерность деяния, вызвавшего причинение вреда, наличие или отсутствие вины причинителя вреда должны быть безразличны с точки зрения наступления гражданско-правовой ответственности. Если причинен вред, существует причинно-следственная связь между деянием субъекта и этим вредом, гражданско-правовая ответственность должна наступать. Правомерность либо неправомерность, наличие или отсутствие вины должны влиять только на размер возмещения вреда. Иная ситуация приведет и приводит к нарушению принципов справедливости, возмещения вреда в полном объеме и др.

В частности, рассматривая дело о причинении вреда в результате пожара, Верховный Суд РФ в своем Определении от 24 октября 2017 № 49-КГ17-21 указал, что при привлечении к ответственности суды не дали правовой оценки тому: «были ли ответчиками совершены какие-либо противоправные и виновные действия, находящиеся в причинно-следственной связи с возникновением пожара и причинением вреда квартире истца». Таким образом, отсутствие противоправности и (или) виновности ответчика может служить основанием для освобождения от ответственности при том условии, что причинен вред, установлен субъект, чьими деяниями причинен вред, установлена причинно-следственная связь.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» сделана попытка преодолеть данное правило: «То обстоятельство, что действия (бездействие) судебного пристава-исполнителя не были признаны незаконными в отдельном судебном производстве, не является основанием для отказа в иске о возмещении вреда, причиненного этими действиями (бездействием)».

В многочисленной судебной практике, в научных публика-

циях, как правило, сделан однозначный вывод о том, что вина является необходимым условием гражданско-правовой ответственности, за исключением случаев, установленных законом. Такие позиции высказываются на основании анализа ст. 1064 ГК РФ. Однако п. 1 ст. 1064 ГК РФ не позволяет нам сделать такой вывод.

Исследование п. 1 ст. 1064 ГК РФ показывает, что условиями ответственности за причинение вреда законодатель видит следующие: наличие вреда; наличие поведения определенного субъекта, приведшего к причинению вреда, и причинную связь между деяниями субъекта и наступлением вреда. То есть принцип генерального деликта, заложенный в п. 1 ст. 1064 ГК РФ, означает: если причинен вред, то возникает обязанность по его возмещению. Никаких иных условий для возникновения обязанности п. 1 ст. 1064 ГК РФ не предусматривает.

Вывод о наличии в условиях привлечения к ответственности такого элемента, как вина, сделан на основании п. 2 ст. 1064 ГК РФ, указывающего на такое основание освобождения от ответственности, как вина. Однако в гражданском законодательстве предусмотрены и другие основания освобождения от ответственности (например, необходимая оборона в ст. 1066 ГК РФ), но авторы их к числу условий наступления гражданско-правовой ответственности не относят. Полагаем, что здесь имеет место подмена понятий. Условия ответственности за причинение вреда смешиваются с основаниями освобождения от ответственности.

В целом анализ действующего законодательства показывает, что вина является не безусловным и обязательным условием наступления гражданско-правовой ответственности. Вина является условием ответственности только в том случае, если на это специально указано в законе, а не наоборот. К примеру, п. 9 ст. 8.1. ГК РФ указывает на наличие вины как обязательного условия наступления ответственности. Аналогичные правила содержатся в п. 7 ст. 51 ГК РФ, п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, п. 3 ст. 230 ГК РФ, ст. 1073 ГК РФ, п. 2 ст. 1074 ГК РФ, ст. 1076 ГК РФ и т.д.

Исследование статей 1068-1070, п. 1 ст. 1074, ст. 1077, 1079 и пр. показывает, что ответственность по этим составам наступает без вины. Таким образом, отсутствие специального указания в законе на вину приводит к тому, что ответственность должна наступать без вины.

Логику такого рассуждения нарушает норма, заложенная в ст. 401 ГК РФ, допускающая возможность наступления ответ-

ственности только при наличии вины. Исходя из этого, совокупное толкование приведенных норм показывает, что и в случае, когда в специальной норме предусмотрена ответственность за вину, и в случае, когда в специальной норме не предусмотрена ответственность за вину, вина является общим условием ответственности. Но логика законодателя в данном случае нарушена, так как возникает вопрос: если ответственность наступает только за вину, зачем в отдельных специальных составах законодатель еще раз делает акцент на наличии вины? Ответ, полагаем, кроется в приоритетности специальных норм над общей нормой, заложенной в ст. 401 ГК РФ. Безусловным является тот факт, что при конфликте общей и специальной нормы применению подлежит специальная.

Возвращаясь к анализу п. 2 ст. 1064 ГК РФ, следует подчеркнуть, что буквальное толкование формулировки, предложенной законодателем, показывает, что авторы закона говорят не об освобождении от ответственности в силу отсутствия вины, а указывают на возможность освобождения от обязанности возмещения вреда. Здесь необходимо отметить, что гражданско-правовая ответственность и возмещение вреда нами рассматриваются как разные понятия, где возмещение вреда является одной из составляющих частей ответственности, выполняющей в отличие от ответственности всего две функции, главная из которых – компенсаторная. Главная цель возмещения вреда – возместить и восстановить все, что было утрачено.

Верховный Суд РФ в одном из своих постановлений также приходит к сходному выводу, используя безукоризненную аргументацию. Так, по иску фирмы к обществу с ограниченной ответственностью и механизированной колонне о сносе гаража суды освобождали от ответственности Ответчиков в связи с отсутствием вины причинителей вреда, ссылаясь на п. 2 ст. 1064 ГК РФ. Отменяя постановления судов, Верховный Суд РФ указал: «Вывод об отсутствии вины ответчиков сделан судами без учета того, что закон, исходя из презумпции вины причинителя вреда и освобождения потерпевшего от доказывания его вины, преследует определенную цель – обеспечить тем самым восстановление имущественных прав потерпевшего лица... Поскольку причинение вреда другим лицам, в том числе и при выполнении своих обязательств перед контрагентами, является недопустимым, нарушенные при этом права потерпевшего подлежат восстановлению...».

Таким образом, на наш взгляд, четко прослеживается линия законодателя, понимающего вину не как необходимое условие гражданско-правовой ответственности, а как условие, влияющее на размер возмещения вреда (вплоть до отказа в возмещении). Этот вывод подтверждает и анализ ряда статей ГК РФ. Так, ст. 151 ГК РФ предусматривает необходимость учета степени вины причинителя при определении размера компенсации морального вреда. Ст. 404, п. 2 ст. 1081 и 1083 ГК РФ увязывают размер возмещения как со степенью вины причинителя вреда, так и со степенью вины лица, которому вред причинен.

Итак, исходя из установленной государством общей цели гражданско-правовой ответственности, возникающей из причинения вреда – наиболее полного возмещения вреда, условиями наступления гражданско-правовой ответственности являются наличие вреда и деяние субъекта (независимо от их характера – правомерное и противоправное), причинившее вред, находящееся в причинно-следственной связи с этим вредом.

П. М. Филиппов

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД России
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации
civillaw34@yandex.ru

В. В. Севостьянов

ассистент кафедры гражданского права и процесса
Волжского филиала Волгоградского государственного
университета
Vad1705@mail.ru

**ЧАСТНОПРАВОВЫЕ СВОЙСТВА ПРАВООТНОШЕНИЯ,
ОБУСЛОВЛЕННОГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ
ОПАСНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ**

**PRIVATE PROPERTIES OF LEGAL RELATIONSHIP, INDUCED BY
THE OPERATION OF HAZARDOUS PRODUCTION FACILITIES**

В статье аргументируется положение о том, что предпринимательская деятельность по эксплуатации опасных производственных объектов осуществляется в системе правоотношения, частноправовые свойства которого обусловлены гражданско-правовой природой его структурных элементов. Субъектами правоотношения являются индивидуальные предприниматели и коммерческие организации. Объект – фактические действия субъектов, направленные на извлечение полезных свойств от оборота опасных веществ посредством их производства, выполнения работ или оказания услуг. Содержанием отношения выступают находящиеся во взаимосвязи субъективные права и юридические обязанности лиц, эксплуатирующих опасные объекты, обусловленные целью предпринимательства. При этом специфика эксплуатации опасных объектов предусматривает обязательную трансформацию субъективного права лица в его юридическую обязанность в предусмотренных законом случаях. Установлены причины и квалифицирующие признаки трансформации.

Ключевые слова: правоотношение; предпринимательская деятельность; эксплуатация опасных производственных объектов; субъекты; объект; содержание; права и обязанности; трансформация.

The article centers around the fact that entrepreneurial activities related to the operation of hazardous production facilities are undertaken in terms of legal relationships, the private properties of which are induced by

the nature of the civil law and its structural elements. The subjects of legal relationships are individual entrepreneurs and commercial entities. The object of legal relationships is considered to be physical acts of the subjects which are aimed at gaining profits from the traffic of hazardous substances by means of their production, work execution and service provision. The content of relationship are determined to be interconnected legal rights and legal obligations of people managing hazardous facilities for the business purposes. At the same time, the specific character of hazardous facilities demands obligatory transformation of subjective rights of individuals into the legal obligations in specific cases stipulated by law. The reasons and qualifying elements of transformation are stated.

Keywords: legal relationship; entrepreneurial business; operation of hazardous production facilities; subject; object; content; rights and obligations; transformation.

Актуальность темы публикации обусловлена тем, что осуществление конституционного права граждан на занятие предпринимательством через деятельность по эксплуатации опасных производств происходит в системе базовой правовой конструкции – правоотношения. Цивилисты подчеркивают, что динамика гражданских прав и обязанностей неотчуждаема от правового отношения¹, при помощи которого достигаются цели отдельных видов предпринимательской деятельности и «регулируется поведение ее участников»². Вместе с тем стремительное развитие предпринимательской инициативы и, как следствие этого, совершенствование возникающих при этом отношений требует новаторского подхода к процессу их правового регулирования³.

В связи с изложенными аспектами целью публикации является определение частноправовых свойств рассматриваемого правоотношения на основании анализа его структурных элементов. Следует отметить, что методология исследования будет опираться на опыт накопленных знаний о понятии «правоотношение» как в области теории права, так и в сфере гражданского и предпринимательского права.

¹ Вавилин Е. В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – С. 23.

² Шаронов С. А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2015. – С. 137.

³ Лескова Ю. Г. Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – С. 13.

Теоретики права рассматривают правоотношение как правовую связь одного субъекта с «корреспондирующими обязанностями другого», как права и обязанности субъектов, представляющих собой «модель поведения»¹. Например, С. С. Алексеев видел в правовом отношении индивидуальную социальную связь между лицами, согласно которой у них появляются соответствующие права и обязанности и которая гарантируется государственным принуждением².

Гражданские правоотношения характеризуются особенностями предмета правового регулирования³, равноправием их участников, методами защиты гражданских прав⁴. При этом субъектами выступают индивидуальные и коллективные лица⁵, а объектами являются объекты гражданских прав⁶.

Вместе с тем перечисленные теоретические и гражданско-правовые положения еще не позволяют должным образом сформулировать понятие и определить структуру исследуемого отношения. Это можно сделать лишь в случае, когда субъекты, объект и содержание правоотношения будут привязаны к предпринимательской деятельности, обусловленной эксплуатацией опасных производств. Как отмечают ученые, особенности предпринимательских отношений заключаются в детализации их объектов, в конкретизации соответствующих прав и обязанностей их участников⁷.

В исследуемой сфере деятельности правоотношение проявляется посредством своей структуры. Для достижения цели пуб-

¹ *Вопленко Н. Н.* Правовые отношения: учеб. пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – С. 5–6.

² *Алексеев С. С.* Общая теория права. В 2 т. Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 81.

³ *Российское гражданское право: учебник.* В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. – М.: «Статут», 2011. – С. 111.

⁴ Там же. С. 112.

⁵ *Гражданское право России. Общая часть: учебник / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под общ. ред. А. Я. Рыженкова.* – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С. 69.

⁶ *Российское гражданское право: учебник.* В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. – М.: «Статут», 2011. – С. 121.

⁷ *Ершова И. В.* Предпринимательское право: учебник. 4-е изд., перер. и доп. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006. – С. 7, 20–21.

ликация обратим на нее внимание в двух аспектах – широком и узком. В широком смысле структура искомого отношения практически совпадает со структурой гражданского отношения, поскольку его субъектами выступают участники гражданского оборота (физические и юридические лица), объектами же являются объекты гражданских прав, а содержанием – права и обязанности названных лиц. Узкий аспект означает, что субъектами отношения являются не все граждане и организации, а лишь те из них, которые зарегистрированы в качестве субъектов предпринимательства. Они вступают между собой в правовые связи для удовлетворения «предпринимательского интереса», выступающего объектом отношения, достижение которого становится возможным посредством осуществления прав и исполнения обязанностей¹. Иными словами, в узком смысле объектом правоотношения являются те объекты гражданских прав, которые соотносятся с критериями предпринимательства: использованием вещей, в том числе их куплей и продажей, исполнением работ, оказанием услуг и др.

При этом содержание отношения зависит от правоспособности его участников. Например, коммерческая организация имеет права и исполняет обязанности согласно целям своей деятельности, закрепленным в ее учредительных документах², зависимым от сущности реализуемого вида предпринимательства.

Таким образом, опираясь на структуру гражданского правоотношения, нужно преобразовать деятельность предпринимателей по эксплуатации опасных объектов в структуру исследуемого правоотношения.

На основании изложенного выше можно дать авторское определение понятию *«правоотношение, обусловленное деятельностью по эксплуатации опасных производственных объектов»*. Под ним рассматривается *«упорядоченное нормами права отношение, выражающееся в форме устойчивой правовой связи между субъектами предпринимательства, возникающее по поводу эксплуатации опасных производственных объектов, проявляющееся посредством субъективных прав и юридических обязанно-*

¹ Пашков А. В. Субъекты предпринимательского права и правоотношения // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2015. – № 2. – С. 43–46.

² Андреев В. К. Юридические лица как субъекты экономической деятельности // Журнал российского права. – 2016. – № 5. – С. 35–44.

стей субъектов и гарантированное мерами государственного принуждения».

Рассмотрим подробнее *структурные элементы* этого правоотношения: субъекты, объект, содержание.

Первым элементом этой структуры являются *субъекты*. Их правовое положение как участников правоотношения имеет предпринимательский характер и должно быть подтверждено соответствующей государственной регистрацией. В соответствии с ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 50 Гражданского кодекса (ГК) РФ таковыми могут являться индивидуальные предприниматели и коммерческие организации. Вместе с тем в преамбуле Федерального закона от 21 июля 1997 года № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (далее – Закон о безопасности) названные субъекты определены как «организации, эксплуатирующие опасные производственные объекты». Таким образом, частнопровые свойства субъектов проявляются в признании их участниками предпринимательской деятельности, правовая природа которых определяется гражданским законодательством.

Вторым элементом рассматриваемой структуры является понятие «*объект*». Анализ научных исследований, посвященных различным аспектам деятельности по эксплуатации опасных производств, позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемый термин не подвергался анализу в качестве объекта правоотношения. Кроме того, в большинстве случаев внимание ученых было сосредоточено не на частнопровых свойствах процесса эксплуатации искомым объектов, а на их административных, экологических, экономических режимах или на их вредоносных признаках. Например, Н. Г. Кутьин, детализируя элементы административно-правового режима опасных объектов, отмечает, что их эксплуатация должна происходить без аварий и других подобных происшествий¹. По мнению Е. А. Максимовой, эксплуатация опасных объектов должна соответствовать требованиям экологической безопасности². С. К. Шишкин отмечает, что «вредоносный объект» обладает не подвластными человеческому контролю свой-

¹ См. подробнее: *Кутьин Н. Г.* Административно-правовой режим промышленной безопасности опасных производственных объектов в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – С. 24–25.

² *Максимова Е. А.* Экспертиза промышленной безопасности опасных производств и объектов в экологическом праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С. 3, 8.

ствами¹, а А. Д. Власова считает, что вредные свойства источника могут возникать лишь в ходе совершения над ним различных действий², то есть в процессе его эксплуатации.

Ввиду того, что диссертационные исследования не дают определение понятия «объект правоотношения, обусловленного деятельностью по эксплуатации опасных производственных объектов», установим его сущность на основе синтеза лексического и юридического анализа искомого термина. В контексте определения лексического значения слов «опасный», «производственный», «объект» и «эксплуатация»³ установлено, что словесное толкование термина «эксплуатация опасных производственных объектов» проявляется в «получении полезных свойств от воздействия на вещи, осуществляемого в целях появления материальных благ, при помощи совершения действий, в результате которых может быть причинен вред». В контексте определения юридического значения анализируемого термина обратимся к нормативным правовым актам, регулирующим различные отношения по эксплуатации опасных производств.

Базовый акт гражданского законодательства – ГК РФ – не закрепляет каких-либо норм в отношении искомого понятия. В то же время в кодексе содержатся термины «деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих» и «источник повышенной опасности» (ст. 1079). Представляется, что они непосредственно относятся и к понятию «эксплуатация опасных производственных объектов». Это обусловлено тем, что термин «деятельность» соотносится с термином «эксплуатация», а фраза «источник повышенной опасности» – с «опасными производственными объектами».

Ученые отмечают, что специальные признаки какой-либо опасной деятельности, как и ее правовой режим, устанавливают-

¹ Шишкин С. К. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, по российскому гражданскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 6.

² Власова А. Д. Гражданско-правовое регулирование обязательств вследствие причинения имущественного вреда жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004. – С. 6.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 439, 451, 609, 904.

ся в специализированных правовых актах¹. В контексте настоящей публикации таковым является Закон о безопасности, исследование которого позволяет сделать вывод о том, что он, хотя и не содержит буквального упоминания термина «эксплуатация опасных производственных объектов», все же конкретизирует их отдельные аспекты.

Как показывает анализ Приложений 1 и 2 к рассматриваемому правовому акту, составными элементами эксплуатации выступают не что иное, как различные объекты гражданских прав – «вещи», «результаты работ», «оказание услуг». Дадим небольшую характеристику этим объектам. Например, к недвижимым вещам относятся «цехи, предприятия, площадки, участки». В свою очередь движимые вещи представляют собой «горючие, взрывчатые, токсические и высокотоксические вещества, агрегаты, работающие под высоким давлением», а также некоторые виды механизмов для подъема грузов, расплавы различных металлов. Объект «результаты работ» проявляется в получении результата от работ по извлечению полезных свойств от вышеперечисленных вещей, проведением горных работ или работ по извлечению полезных ископаемых, а также ремонтных и монтажных работ. Процесс услуг характеризуется их оказанием в части хранения, транспортирования отдельных видов вещей, осуществления различного рода экспертиз в области промышленной безопасности и других.

Следует заметить, что любому объекту присущи определенные этапы своего существования, которые в совокупности представляют собой его «жизненный цикл»². Следовательно, в ходе своего «жизненного цикла» вышеназванные вещи будут обладать своими вредоносными свойствами и иметь правовой режим источников повышенной опасности.

Таким образом, с учетом изложенных аспектов можно дать определение понятия *«эксплуатация опасных производственных объектов как объект правоотношения»*. Этот объект представляет собой *«фактические действия субъектов, направленные на получение полезных свойств от воздействия на вещи с целью производства (создания) материальных благ при помощи выпол-*

¹ Соломина Н. Г. К вопросу о соотношении понятий «источник повышенной опасности» и «деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих» // Власть Закона. – 2015. – № 2. – С. 61–69.

² Мохов А. А., Филиппов П. М. Жизненный цикл товара: законодательство, доктрина, практика // Юрист. – 2016. – № 7. – С. 28–31.

нения работ (оказания услуг), в ходе которых увеличивается опасность причинения вреда окружающим лицам, их имуществу или природной среде».

Установленный объект правоотношения представляет собой процесс осуществления гражданских прав и характеризуется частноправовыми свойствами. Обратим внимание на то, что выявленные в публикации свойства объекта, в частности, его вредоносные черты, влияют на характер правового регулирования исследуемого правоотношения, который проявляется в сочетании публично-правовых (лицензирование) и частноправовых (договор) средств¹.

Следует заметить, что особенности деятельности по эксплуатации опасных производств могут привести к неизбежному преобразованию субъективного права субъекта этой деятельности в его юридическую обязанность в случаях, установленных законом.

Ученые отмечают, что юридическим содержанием правоотношения являются взаимосвязанные субъективные права и юридические обязанности субъектов². При этом право субъекта, не базирующееся на определенной юридической обязанности, преобразуется в «нормативные путы», которые препятствуют реализации гражданами их прав и свобод³.

Выполненный анализ научных и учебных источников позволяет сделать вывод о том, что субъективное право и юридическая обязанность имеют свою структуру. Например, по отношению к первой категории структура может рассматриваться в широком и узком смысле слова. В широком смысле – это «мера возможного поведения» субъекта, обеспеченная всей правоохранительной деятельностью государства⁴. В узком – это право на свое поведение, право на требование к контрагенту, право на защиту, а также право на пользование различными общественными благами⁵. При этом ученые определяют зависимость структурных элементов

¹ Губин Е. П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 13.

² Гражданское право: учебник. В 3 т. Т. 1. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – С. 97.

³ Вопленко Н. Н. Правовые отношения: учеб. пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – С. 50.

⁴ Вопленко Н. Н. Указ. соч. С. 46.

⁵ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. – С. 387.

субъективного права от того рода деятельности, который лицо осуществляет¹.

В связи с изложенным выше авторы публикации считают, что под субъективным правом лица, осуществляющим деятельность по эксплуатации опасных производств, следует понимать ту меру возможного поведения, которая дозволена законом или договором, в той степени, в которой это необходимо для осуществления своих гражданских прав посредством эксплуатации искомым объектов.

Структура юридической обязанности отличается от структуры субъективного права и проявляется в мере должного или необходимого поведения, основанного на правовых нормах и правомерной деятельности органов государства². Цивилисты выделяют две группы юридической обязанности: активная и пассивная. Первая группа предусматривает побуждение обязанных лиц совершать только те действия, которые направлены на реализацию интересов управомоченных лиц³. Вторая группа обязанностей преследует своей целью соблюдение субъектами соответствующих законодательных запретов. Обязанности групп в обоих случаях обусловлены содержанием того вида предпринимательской деятельности, которое обязанное лицо осуществляет, требованиями закона и условиями договора⁴.

Таким образом, в контексте рассматриваемых положений юридическая обязанность лиц, деятельность которых направлена на эксплуатацию опасных производственных объектов, представляет собой меру их должного активного и пассивного поведения, основанного на положениях законодательства и условиях договоров. При этом структура названной обязанности представляется как необходимость: 1) выполнять определенные действия; 2) реагировать на законные требования управомоченного лица и не препятствовать в осуществлении его прав; 3) нести соответству-

¹ Родионова О. М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. – М.: Статут, 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Вопленко Н. Н. Указ. соч. С. 48.

³ См. напр.: Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. – М.: «Статут», 2011. – С. 115.

⁴ Шаронов С. А. Юридическая обязанность охранной организации в контексте исполнения обязательств по договору охраны // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2014. – № 3. – С. 269–272.

ющие санкции юридической ответственности.

Ученые отмечают «динамичный» и «модификационный» характер содержания правоотношения, обусловленный преобразованием «социальной материи»¹. Не является исключением и содержание искомого правоотношения, которое в зависимости от состояния правового регулирования, динамики правового режима изучаемых объектов и других аспектов может быть подвержено соответствующей трансформации. В контексте содержания исследуемого правоотношения под «трансформацией» следует понимать «процесс изменения меры возможного поведения субъекта в меру его необходимого поведения, обусловленного должной эксплуатацией опасных производственных объектов, опирающегося на основные положения законодательства».

По своей сути рассматриваемый процесс представляет собой изменения структурных элементов субъективного права в определенные элементы юридической обязанности. Например, право на поведение, право на требование, право на притязание, а также право на защиту трансформируются в обязанность субъекта совершать необходимые действия, должным образом реагировать на обоснованные требования управомоченного лица и не препятствовать в осуществлении его прав.

Трансформационный процесс зависит от состояния правового регулирования отношений на различных этапах общественного развития и характеризуется наличием соответствующих причин. Проведенный анализ позволяет выявить эти причины и классифицировать их по группам, базирующимся на категории «необходимость»: 1) должным образом осуществлять гражданские права в сфере предпринимательства; 2) обеспечить защиту материальных и нематериальных благ людей от вредоносного воздействия опасных производств; 3) пресекать злоупотребление правом; 4) решать социально-экономические задачи государства; 5) в пределах своей компетенции обеспечить определенный уровень антитеррористической защищенности и охраны объектов.

Трансформационному процессу присущи и свои квалифицирующие элементы, позволяющие отличить его от иных преобразовательных процессов при осуществлении предпринимательства. Этими элементами являются: субъекты, объект, трансформационный фактор и основание. Так, к субъектам относятся индивидуальные предприниматели и коммерческие организации,

¹ Вавилин Е. В. Указ. соч. С. 23–24.

осуществляющие деятельность по эксплуатации опасных производств. Под «объектом» следует понимать процесс эксплуатации объектов, в отношении которых законом установлен правовой режим «опасный производственный объект». Сущность трансформационного фактора заключается в появлении у субъектов в собственности (пользовании, владении) вещей, в отношении которых установлен вышеназванный правовой режим, а также оказание услуг (выполнение работ) в отношении этих вещей. Под «основанием» рассматривается установленная нормативным правовым актом России мера необходимого поведения субъекта, обусловленная должной эксплуатацией соответствующих объектов.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

1. Предпринимательская деятельность, направленная на эксплуатацию опасных производственных объектов, осуществляется в системе устойчивой правовой конструкции – правоотношения, представляющего собой объект правового регулирования.

2. Дано определение понятия «правоотношение, обусловленное деятельностью по эксплуатации опасных производственных объектов» и определена его структура.

3. Установлено, что объектом исследуемого отношения является эксплуатация опасных производственных объектов, представляющая собой фактические действия субъектов, направленные на извлечение полезных свойств от оборота опасных веществ, посредством их производства, выполнения работ или оказания услуг. Эти структурные элементы обладают частноправовыми свойствами, поскольку представляют собой отдельные объекты гражданских прав.

4. Аргументировано, что содержанием искомого правоотношения выступают находящиеся во взаимосвязи субъективные права и юридические обязанности организации, эксплуатирующей опасный производственный объект, имеющие свою структуру. При этом специфика эксплуатации опасных производственных объектов предусматривает обязательную трансформацию субъективного права организации в ее субъективную обязанность в установленных законом случаях. Определены причины и квалифицирующие признаки трансформации: субъекты, объект, трансформационный фактор и основание.

5. Ввиду того, что структурные элементы правоотношения (субъекты, объект, содержание) обладают ярко выраженными гражданско-правовыми признаками, то и само правоотношение имеет частноправовые свойства.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права. В 2 томах. Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1982. – 360 с.
2. *Андреев В. К.* Юридические лица как субъекты экономической деятельности // Журнал российского права. – 2016. – № 5. – С. 35–44.
3. *Вавилин Е. В.* Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 48 с.
4. *Власова А. Д.* Гражданско-правовое регулирование обязательств вследствие причинения имущественного вреда жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004. – 22 с.
5. *Вопленко Н. Н.* Правовые отношения: учебное пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – 64 с.
6. Гражданское право: учебник. В 3 т. Т. 1. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – 776 с.
7. Гражданское право России. Общая часть: учебник / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под общ. ред. А. Я. Рыженкова. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 463 с.
8. *Губин Е. П.* Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 47 с.
9. *Ершова И. В.* Предпринимательское право: учебник. 4-е изд., перер. и доп. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006. – 560 с.
10. *Кутьин Н. Г.* Административно-правовой режим промышленной безопасности опасных производственных объектов в Российской Федерации: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 38 с.
11. *Лескова Ю. Г.* Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 61 с.
12. *Максимова Е. А.* Экспертиза промышленной безопасности опасных производств и объектов в экологическом праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 24 с.
13. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. – 528 с.

14. Мохов А. А., Филиппов П. М. Жизненный цикл товара: законодательство, доктрина, практика // Юрист. – 2016. – № 7. – С. 28–31.

15. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с.

16. Пашков А. В. Субъекты предпринимательского права и правоотношения // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2015. – № 2. – С. 43–46.

17. Родионова О. М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М.: Статут, 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. – М.: «Статут», 2011. – 958 с.

19. Соломина Н. Г. К вопросу о соотношении понятий «источник повышенной опасности» и «деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих» // Власть Закона. – 2015. – № 2. – С. 61–69.

20. Шаронов С. А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: дис. ...д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2015. – 445 с.

21. Шаронов С. А. Юридическая обязанность охранной организации в контексте исполнения обязательств по договору охраны // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2014. – № 3. – С. 269–272.

22. Шишкин С. К. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, по российскому гражданскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 22 с.

В. К. Цечоев

профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
доктор юридических наук
профессор
cechvk53@mail.ru

Д. Е. Рубан

соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
donskoi.rostov@yandex.ru

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И РЕПРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ В ИНКВИЗИЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1864-1890-Х ГГ.

THE INTERCONNECTION OF CRIMES AND THE REPRESSIVE PENAL SYSTEM IN THE INQUISITORIAL JUSTICE SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE FROM 1864 TILL 1890

В статье рассмотрена проблематика влияния системы преступлений на развитие системы наказаний в инквизиционном суде Российской империи 1860–1890 гг., когда значительно усилились репрессии за преступления против государства. Формированию репрессивной сущности отечественного досоветского права способствовали внутривластные, внешнеэкономические и социально-экономические факторы, что наглядно видно в общеисторической канве обозначенного времени. В работах классических авторов и в трудах современных юристов рассмотрены такие понятия, как общественный строй, государственность и развитие законодательства. Отчасти прослеживается и формирование

репрессивной основы в праве Российской империи. Заложенная на заре имперской эпохи тенденция репрессивных санкций получила дальнейшее развитие в российском праве, в том числе в периодах, выходящих за рамки рассмотрения в данной статье.

Ключевые слова: репрессии; Уложение; Уложение о наказаниях; контрреформы; смертная казнь; каторга; ссылка; тюрьма; пытки; внесудебная расправа; произвол.

The article studies the influence of criminal system on the development of penal system of inquisitional justice of the Russian Empire from 1864 till 1890 when repressions for crimes against the state were on the rise. Internal political, external economic and social-economic factors contributed to the formation of repressive nature of the domestic law, which can be seen in general historic outline. In works by classical and contemporary authors we can see the development of such terms as social structure, statehood and development of the legislative system. We also noticed the ground work and eventual rise of the repressive system in law of the Russian Empire. These repressive tendencies further developed in law over time and its influence can be seen in all consecutive periods.

Keywords: repressions; Code; Penal Code; counter-reforms; death penalty; penal servitude; banishment; prison; torture; extrajudicial killing; abuse of power.

Судебная реформа Александра II и следующая за ней судебная контрреформа Александра III – значимые темы в отечественной юридической науке. Им посвящено неограниченное количество публикаций, отражающих весь плюрализм историографии, как отечественной, так и зарубежной. Исследование взаимовлияния системы преступлений и репрессивной системы наказаний в Российской империи выявляет новый подход в осмыслении сущности судебных преобразований в течение пореформенного периода второй половины XIX столетия.

Судебная реформа зарождалась в 1861–1864 гг. вследствие тщательной подготовительной работы. Ее подготовкой и проведением, основываясь на зарубежном опыте, занимались бюрократические отделения судоустройства, уголовного и гражданского судопроизводства, комиссии Государственной канцелярии. Российские чиновники, которых нельзя было соотнести с либералами, рассмотрели множество теоретических разработок, предложений, проектов и поправок, которые поступали из судебных учреждений, от юристов и из-за рубежа. Госслужащие подготовили несколько вариантов законопроектов, которые после их синтеза, обсуждения в Государственном совете были подписаны 20 но-

ября 1864 г. монархом Александром II¹. Акты, принятые царем, получили общее название Судебные уставы: «Учреждение судебных установлений»; «Устав уголовного судопроизводства»; «Устав гражданского судопроизводства»; «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (опубликованы в ПСЗ, т. XXXIX, собрание 2-е, отделение 2-е).

Новая система не была либеральной, но упрощала и делала эффективнее архаичную громоздкую судебную систему, тем более что вводилась не повсеместно, а к концу 1870-х гг. распространилась на 44 губернии. Судом высшей инстанции оставался аристократический, верный царю Правительствующий Сенат.

По реформе 1864 г. создавались местные и общие (коронные) суды. Их создание связывается с низкой эффективностью и злоупотреблением в дореформенных судах. К местным судам относились мировые судьи и съезды мировых судей. Мировой судья являлся первой инстанцией. В его компетенции были незначительные преступления и проступки, за которые назначались денежные взыскания до трехсот рублей, незначительные штрафы, административный арест до полугода или заключение в тюрьму до года. Облегченный порядок судопроизводства означал, что мировые судьи рассматривали большинство дел (подсудных прежде многочисленным сословным судам) единообразно, на принципах бессловности, примирения сторон, объективно, без излишней волокиты и судебных издержек. В мировые судьи избирались на три года на Уездных Земских собраниях, а в столичных городах – на заседаниях Городской Думы с последующим их утверждением Сенатом. Право избираться на должность мирового судьи получали местные уездные жители, достигшие 25 лет, с высшим или средним образованием или с опытом в судопроизводстве и выдержавшие «соответствующее симу испытание». Вводился и высокий имущественный ценз. Претендующий на должность мирового судьи должен был соответствовать требованиям имущественного ценза первой курии гласных в Уездные Земские собрания. Лица, имевшие судимость, в мировые судьи не избирались. Таким образом, к мировым судьям предъявлялись высокие требования и критерии, что, как правило, гарантировало честность и объективность должностного лица.

В качестве второй инстанции выступал Уездный съезд Ми-

¹ Бабенко В. Н. Судебная система России: история и современность. – М.: Статут, 2005. – С. 87.

ровых судей, он состоял из уездных Мировых судей и выборочно «почетных уездных» Мировых судей. На съезде избирался председатель «мирового» съезда. Съезды мировых судей собирались «в назначенные сроки для окончательного решения дел», находившихся в их компетенции, «а также для рассмотрения в кассационном порядке просьб и протестов об отмене окончательных решений Мировых судей». Институт мировых судей упразднен в 1889 г. и вновь учрежден только в 1912 г.¹ Другими словами, задачей реформы была не либерализация судебной системы, а минимизация бюрократических издержек и злоупотреблений.

Структура пореформенного суда России отвечала обозначенным требованиям минимизировать бюрократические проволочки. К общим судам относились Окружной суд как первая инстанция и Судебная палата (бывшая второй инстанцией по важным уголовным делам). Окружные суды состояли из председателя и членов суда. Окружной суд являлся частью коронного, состоявшего из трех судей². При этом вводился институт присяжных заседателей, избиравшихся из числа местных жителей. Функции присяжных заседателей заключались в объективном рассмотрении и оценке фактов и обстоятельств дела, на основании которых выносился вердикт в виновности или невиновности обвиняемого. Если был вынесен вердикт о невиновности, подсудимый оправдывался и освобождался из-под стражи. В противном случае дело решал общий (коронный) суд, который без присутствия присяжных заседателей определял тяжесть содеянного и назначал наказание. Хотя решения, принятые судом с участием присяжных заседателей, были окончательными и обжалованию не подлежали, однако при обнаружении нарушений процессуальных действий или получения новых обстоятельств дело поступало в уголовный департамент Сената, обладавший правом кассации.

Судебная палата являлась судом первой инстанции по делам о государственных и должностных преступлениях. Дела по особо важным уголовным преступлениям рассматривались с участием сословных представителей. К членам суда предъявлялись высокие требования. Председатель должен был иметь высшее об-

¹ Бабенко В. Н., Слободянюк И. П. История суда России (IX – начало XXI в.). – М.: Статут, 2005. – С. 116; Цечоев В. К. История суда России: учеб. пособие. 2-е изд. – М.: Проспект, 2017. – С. 127.

² Цечоев В. К. Указ. соч. С. 127.

разование, а члены суда – трехлетний практический опыт судебной работы.¹ Обязательное юридическое образование было желательно, исходя из ряда критериев. Прежде всего, направления в образовании не настолько разграничивали, как в настоящее время. Уровень образования был достаточно высоким по всем гуманитарным направлениям, высоко ценилось самообразование, а личностные качества судьи ценились не меньше профессиональных знаний (последние считались достижимы, в отличие от личностных).

К нововведениям этого периода можно отнести институт судебных следователей. Квалификационные требования к судебным следователям предусматривали стаж судебной практики от четырех лет и более, назначенные на должность относились к министерству юстиции, их руководство осуществляли в судебных палатах и окружных (коронных) судах прокуроры. Судебные следователи получали право возбуждать и проводить досудебное расследование, производили возбуждение уголовного преследования, процедуры дознания, осуществление обысков, имели право проводить выемку переписки, могли назначать различные меры пресечения, арест имущества, освидетельствования, даже ходатайствовать о прекращении уголовного дела. Перечисленные действия судебные следователи проводили самостоятельно, согласно законодательству, а в некоторых случаях – в соответствии с решением суда. При этом следователи должны были сотрудничать с полицией, другими силовыми структурами, часто ограничивая их произвол². Поскольку судебные следователи получили полномочия (ранее дозволенные лишь полиции и чиновникам), их действия вызывали резонное сопротивление со стороны правоохранительных органов, ограниченных компетенцией. Появилась здоровая конкуренция в действиях правоохранительных органов. Каким образом оценивать введение института судебных следователей, однозначного ответа юридическая историография не предлагает. Несомненна либерализация уголовного права и процесса, исходя из отказа от архаичных феодальных норм, при сохранении жесткой установки правительства об охране основ самодержавия.

¹ Власов В. И. История судебной власти в России. Книга первая (1019 – 1917). – М.: Статут, 2003. – С. 67–79.

² Железко И. М. Органы и учреждения юстиции России: история становления и развития / под общ. ред. П. П. Сергуна. – М.: Статут, 2009. – С. 56–59; Цецов В. К. Указ. соч. С. 124; История российского правосудия: учеб. пособие / под ред. Н. А. Колоколова. – М.: Статут, 2009. – С. 87–88.

Нововведения в системе исполнения наказаний также показывают торжество общечеловеческих, гуманных ценностей. По закону 17 апреля 1863 г. отменялись архаичные средневековые телесные наказания, клеймение по приговорам гражданских и военных судов, запрещались телесные наказания женщин. Розги оставались лишь в местах заключения (окончательно отменены только в 1917 г.), на каторге еще применялись шпицрутены (отменены только в 1871 г.), похожие наказания еще оставались по отношению к крестьянам (по приговорам волостных судов). В 1885 г., наконец, отменили наказание розгами. По тюремной реформе 1879 г. несколько улучшились условия содержания заключенных. Главное тюремное управление курировало тюремные заведения России (тюремь, исправительные дома, места отбывания ссылки и каторги). Реформы 1860-70-х гг. затронули всю судебную систему и репрессивно-карательные органы Российской империи. Если период буржуазных реформ в 1860-е гг. отличался либерализмом, то с 1870-х гг. реформы были уже менее радикальны, и начинаются реакционные меры – таким образом самодержавие реагировало на рост в стране социальных протестов¹. Например, в России в ходе реформ приняты процессуальные законы, а Уложение о наказаниях дополнено пореформенным законодательством и издано в редакциях 1866г. и 1885г. В 1863-1880-х гг. в России еженедельно выходило «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате». Публикуемые законодательные акты порой противоречили старым законам. Сенат, как высшая судебная инстанция, выносил решения по конкретным делам, и государственные органы считали эти решения обязательными для руководства. Такими «буферными» решениями Сенат как бы приспосабливал законодательство к новым буржуазным условиям. Некоторые постановления Сената становились после утверждения императора законами.²

Судебные уставы 1864 г. освобождали суд от опеки администрации, прокуратура и адвокатура становились самостоятельными институтами с собственными функциями. Следствие отде-

¹ *Цечоев В. К.* Указ. соч. С. 127.

² *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семизин Г. Ю.* Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. 4 / ред. Е. А. Скрипилев, Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин. – М.: Статут, 2003. С. 68–134; *Слободянюк И. П.* Суд и закон в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): монография. – М.: Статут, 2005. – С. 186.; *Цечоев В. К.* Указ. соч. С. 127.

лялось от судебного разбирательства, закон предписывал ценз грамотности для судей и вводил уголовную ответственность за нарушение установленных правил процесса.¹

Пореформенные десятилетия, как и вторая четверть XIX в., ознаменованы крупными политическими процессами, наиболее известны из которых процесс по делу Чернышевского, Нечаева, процесс «50-ти», процесс «193-х», процесс Веры Засулич, процесс «Первого марта» (по делу об убийстве Александра II). Особенно крупные – процессы «50-ти» и «193» 1877 и 1878 годов. В 1874 году произошел массовый исход интеллигентской молодежи из городов в деревни («хождение в народ») с целью пропаганды социально-революционных идей в крестьянстве. Сотни агитаторов с дипломами инженеров, врачей, акушеров, учителей или переодетые мастерами пошли по России. Они проникали в самые глухие деревни, иногда – поодиночке, иногда – парами, соединенные фиктивным браком. Пользуясь своими знаниями, они пытались завоевать доверие крестьян, толковали с ними о революции и социализме. Но крестьяне не понимали «бар» с их господской, избоблающей иностранными словами речью. Чаще всего мужики первыми и доносили на них в полицию. «Хождение в народ» провалилось – народники оказались чуждыми жившему своей особой жизнью народу. Полиция арестовала более 1600 человек. Предварительное следствие тянулось с грубыми процессуальными нарушениями более трех лет и закончилось выше названными процессами.²

В названных процессах с участием известных русских адвокатов В. В. Стасова, В. Д. Спасовича, Е. И. Уткина и других деятельность народников была представлена в самом выгодном свете, в противовес жестокости полиции, что ударило по престижу царского правительства. В ходе процесса «193-х» зафиксировано 93 случая сумасшествия, самоубийств и смерти за время предварительного следствия! В зале суда 90 человек оправдали, но 80 из них Александр II приказал схватить и отправить в ссылку, ужесточив представленный на высочайшее милосердие приговор 28 наиболее активным деятелям. Это было еще более крупной ошибкой императора, чем процесс по делу петрашевцев³.

¹ Цечоев В. К. Указ. соч. С. 125.

² Цечоев В. К. Указ. соч. С. 127.

³ Цечоев В. К. Указ. соч. С. 127.

Библиографический список

1. *Бабенко В. Н.* Судебная система России: история и современность. – М.: Статут, 2005. – 268 с.
2. *Бабенко В. Н., Слободянюк И. П.* История суда России (IX – начало XXI в.). – М.: Статут, 2005. – 352 с.
3. *Власов В. И.* История судебной власти в России. Книга первая (1019–1917). – М.: Статут, 2003. – 368 с.
4. *Железко И. М.* Органы и учреждения юстиции России: история становления и развития / под общ. ред. П. П. Сергуна. – М.: Статут, 2009. – 452 с.
5. История российского правосудия: учебное пособие / под ред. Н. А. Колоколова. – М.: Статут, 2009. – 568 с.
6. *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. / ред. Е. А. Скрипичев, Р. С. Мудукаев, А. Я. Малыгин. – М.: Статут, 2003. – 464 с.
7. *Слободянюк И. П.* Суд и закон в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): монография. – М.: Статут, 2005. – 220 с.
8. *Цечоев В. К.* История суда России: учебное пособие. 2-е изд. – М.: Проспект, 2017. – 197 с.

С. А. Шаронов

профессор кафедры гражданского права и процесса
Волжского филиала Волгоградского
государственного университета
доктор юридических наук, доцент
Sharonov345@mail.ru

**АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ
ОПАСНЫХ ПРОИЗВОДСТВ КАК УСЛОВИЕ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРЕДДВЕРИИ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО
ФУТБОЛУ 2018 ГОДА**

**COUNTER-TERRORIST PROTECTION OF HAZARDOUS INDUS-
TRIES AS AN IMPORTANT CONDITION OF DOING BUSINESS IN
ANTICIPATION OF THE FOOTBALL WORLD CUP 2018**

В период проведения чемпионата мира по футболу 2018 года на территориях субъектов Российской Федерации, где будут проводиться игры, государством планируется приостановка деятельности опасных производств. В статье аргументируется положение о том, что продолжение эксплуатации названных производств как процесса осуществления конституционных и гражданских прав в области предпринимательства становится возможным при условии соблюдения требований антитеррористической защищенности этих объектов. Дано определение понятия «антитеррористическая защищенность опасных производств» как системы организационных, охранных, промышленных, инженерно-технических, трудовых мероприятий, надлежащее осуществление которых позволяет исключить (минимизировать) угрозу террористического

акта. Выявляются гражданско-правовые аспекты исследуемой защиты, что позволяет установить проблемы в изучаемой сфере и предложить пути их разрешения.

Ключевые слова: антитеррористическая защищенность; опасные производства; предпринимательская деятельность; правовой режим; объекты; безопасность; осуществление гражданских прав.

For the duration of the 2018 FIFA World Cup Russian government plans to suspend the activities of hazardous industries in all the regions of the Russian Federation where the football games will be held. The present article argues that the continuation of the work of these industries as a process of the exercise of constitutional and civil rights in the field of entrepreneurship becomes possible if these industries comply to the requirements of counter-terrorist protection. The concept «counter-terrorist security of hazardous industries» is defined as a system of organizational, security, industrial, engineering, technical and labor activities, the proper implementation of which allows us to eliminate (minimize) the threat of a terrorist attack. The article pinpoints the civil and legal aspects of the subject under study, which allows to identify problems and suggest ways to solve them.

Keywords: counter-terrorist security; hazardous industry; entrepreneurship; legal regime; objects; security; the exercise of civil rights.

Актуальность темы обусловлена пятью факторами.

Первый из них связан с совершенствованием механизма реализации конституционных прав граждан на занятие предпринимательством, существенные свойства которого – свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств – выступают одной из основ конституционного строя России (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ).

Второй фактор обусловлен необходимостью решения приоритетной государственной задачи по возобновлению социально-экономического развития страны на основе фундаментальных цивилистических ценностей – свободного предпринимательства и частной собственности¹. Сложность решения этой задачи определяется активизацией санкционной политики зарубежных государств по отношению к России и возросшей угрозой террористических актов.

Третий фактор продиктован необходимостью учета тех мер безопасности, без соблюдения которых осуществление предпринимательской деятельности, связанной с опасными производствами, в преддверии чемпионата мира по футболу 2018 года

¹ Путин В. В. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 04 дек. 2014 г. // Рос. газ. – 2014. – № 278. – 05 дек.

становится **невозможным**. Так, согласно п. 8 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07.06.2013 № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о чемпионате мира) среди таких мер предусмотрена «**приостановка деятельности опасных производств**». На первый взгляд, такое положение порождает дилемму: что важнее для современной России – достойное проведение престижного спортивного соревнования мирового уровня или соблюдение норм основного закона государства в области предпринимательства, часть из которых затрагивают и основу конституционного строя. Однако так ли это на самом деле? В словаре С. И. Ожегова термин «дилемма» определяется как умозаключение, содержащее два противоположных положения, исключающих появление третьего, а равно выбор одного из этих положений, сделать который становится крайне затруднительно¹. Проведенный анализ законов и подзаконных актов в изучаемой сфере позволяет сделать вывод о том, что никакой дилеммы не существует, поскольку при соблюдении определенных условий ставится возможным и надлежащее проведение названного спортивного соревнования, и осуществление искомого вида предпринимательской деятельности.

Четвертый фактор обусловлен акцентом в правовой регламентации антитеррористической защиты преимущественно на основании публично-правовых средств, способов и приемов ее обеспечения. Это реализуется посредством деятельности специализированных государственных органов и организаций (ФСО, МВД, ФСБ и др.), для которых антитеррористическая деятельность является одной из основ их учреждения, и осуществляется при помощи особых публично-правовых мер (военной службы, оперативно-розыскных мероприятий, разведки и др.). Вместе с тем перечисленные меры не могут быть реализованы участниками предпринимательской деятельности, на которых законом² также возлагаются обязанности по обеспечению искомого вида безопасности. Безусловно, все это требует поиска той модели ан-

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 169.

² О противодействии терроризму: Федер. закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 11, ст. 1146.

титеррористической защиты, которая может быть использована в пределах правоспособности указанных субъектов.

И, наконец, **пятый фактор** связан с неоднозначными подходами к антитеррористической защите опасных производств в целом и к структуре этой защиты в частности. Так, у федеральных надзорных и контролирующих органов, у руководителей охранных организаций, созданных с участием государства, получил широкое применение подход в отождествлении рассматриваемого вида защиты исключительно с охранной деятельностью. Эти лица считают, что если владельцы опасных производств заключили договоры на оказание охранных услуг, разумеется, с указанными организациями охраны, то тем самым они обеспечили надлежащую антитеррористическую защиту объекта.

Второй подход в большей степени присущ субъектам предпринимательства, эксплуатирующим опасные производства. Его суть заключается в том, что они признают обязанности по АТЗ названных объектов исключительной прерогативой государства, которые ни в коей мере не могут быть возложены на коммерческие организации и индивидуальных предпринимателей.

Как показывает практика, оба этих подхода не отвечают потребностям современного гражданского оборота и влекут за собой появление проблем, связанных с понуждением в заключении договора или с прекращением (ограничением) права на занятие предпринимательской деятельностью.

Таким образом, **целью** публикации является аргументация положения о том, что на территориях тех субъектов Российской Федерации, на которых будут проводиться игры чемпионата мира по футболу 2018 года, антитеррористическая защищенность выступает обязательным условием осуществления предпринимательства в рассматриваемой области. Для достижения этой цели нужно найти решения целого ряда **задач**, в частности: 1) обосновать применение понятия «антитеррористическая защищенность опасных производств» и сформулировать его определение в изучаемой области; 2) детализировать правовой режим объектов, к которым относятся «опасные производства»; 3) определить структурные элементы антитеррористической защищенности и дать им краткую характеристику. Решение этих задач позволит выявить проблемы в рассматриваемой сфере и предложить пути их решения, что, безусловно, будет способствовать реализации предпринимательской инициативы граждан посредством эксплуатации опасных производств.

В качестве **методологической базы** исследования будет использоваться структура правоотношения, возникающего в процессе деятельности опасных производств. В этой структуре в качестве объектов выступают «опасные производства», под субъектами понимаются участники гражданского оборота, предпринимательская деятельность которых направлена на эксплуатацию названных объектов – лица, имеющие в собственности или на ином законном основании опасные производства, а под содержанием отношения рассматриваются права и обязанности субъектов, обусловленные сущностью искомого вида предпринимательства.

В контексте решения **первой задачи** публикации следует заметить, что Закон о чемпионате мира непосредственно не содержит каких-либо условий продолжения деятельности искомым производств. Напротив, исследуемые положения закона изложены достаточно категорично – *прекратить деятельность опасных производств*, и не предлагают при этом какой-либо альтернативы для субъектов рассматриваемого вида деятельности.

В то же время механизм реализации закона предусматривает принятие подзаконных источников, нормы которых имеют смешанный (императивно-диспозитивный) характер. Например, п. 13 Указа Президента РФ¹ содержит императивную норму о приостановке на территориях соответствующих субъектов России деятельности производств, связанных с использованием отдельных видов опасных веществ. В свою очередь акт Правительства РФ², напротив, допускает продолжение названной производственной деятельности при соблюдении определенных условий. Выполненный анализ позволяет классифицировать их по трем группам: 1) условия об обеспечении безопасности объекта; 2) условия о сохранности опасных веществ и иного имущества, находящегося на объекте; 3) условия, направленные на преду-

¹ Об особенностях применения усиленных мер безопасности в период проведения в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года и Кубка конфедераций FIFA 2017 года: указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 202 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 20, ст. 2900.

² О некоторых мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 202 «Об особенностях применения усиленных мер безопасности в период проведения в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года и Кубка конфедераций FIFA 2017 года»: постановление Правительства РФ от 09 июня 2017 г. № 689 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 19.06.2017. – № 25, ст. 3686.

преждевание аварий и других чрезвычайных ситуаций. Автор настоящей публикации обращает внимание на то, что обеспечение второго и третьего условий осуществляется лицами, эксплуатирующими опасные объекты, самостоятельно, на основании соответствующего штата работников, либо на основании договора хранения и договоров на оказание услуг (выполнения работ) с аварийно-спасательными службами (организациями). Изучение этих условий не является целью проводимого исследования и в публикации не рассматривается.

Обратим внимание на условие «**обеспечение безопасности**», чья правовая природа основывается на понятии «безопасность», которое, несмотря на свою «базовую общественную ценность»¹, не детализируется ни в названном акте Правительства РФ, ни в фундаментальном правовом акте – Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (далее – Закон о безопасности). Все это требует научного осмысления и детализации искомого термина применительно к соответствующей сфере правового регулирования.

Проведенный анализ научных исследований, обусловленных понятием «безопасность», позволяет сделать вывод о том, что его сущностным элементом выступает термин «защищенность». Например, В. М. Редкоус, отмечая административно-правовой характер национальной безопасности, понимает и определяет ее как «деятельность уполномоченных субъектов», в результате которой создается необходимый уровень защищенности «объектов безопасности государства»².

По мнению Д. В. Пожарского, дефиниция «безопасность» устанавливается «через категорию «защита» (состояние защищенности)», что с «филологической точки зрения» в большей степени оправдано, чем подход к определению искомого термина через понятие «охрана»³.

Дальнейшее толкование рассматриваемого термина приводит к тому, что под «защищенностью» понимается определенное

¹ Пожарский Д. В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – С. 13.

² Редкоус В. М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах-участниках. Содружества Независимых Государств. – М., 2011. – С. 11.

³ Пожарский Д. В. Указ. соч. С. 167.

«состояние», при котором отсутствует опасность¹. Вместе с тем свое практическое применение категория «безопасность» находит в области соответствующих правовых отношений, характеризующихся субъектным составом, объектом и содержанием. Ученые объясняют это сложным характером рассматриваемой категории, а также проявлением ее свойств в системе различных «социальных отношений (хозяйственных, экологических и др.) и в определенной публично-правовой и частноправовой «сфере жизнедеятельности»².

В настоящее время действующая система средств правового регулирования различного рода общественных отношений позволяет заявлять и о различных видах безопасности – национальной, промышленной, пожарной, транспортной, экологической и других. При этом согласно ст. 1 Закона о безопасности, ее конкретные виды определяются соответствующим законодательством государства. Например, национальная безопасность устанавливается как состояние защищенности «личности, общества и государства» от разного вида угроз, позволяющее реализовать основные права и свободы граждан, обеспечить суверенитет, оборону и устойчивое развитие государства³. В свою очередь «транспортная безопасность» означает защищенность объектов этого вида инфраструктуры от противозаконного вмешательства⁴, а под пожарной безопасностью понимается обеспечение защиты «личности, имущества, общества и государства от пожаров»⁵.

Подводя промежуточные итоги публикации, необходимо отметить следующие аспекты, присущие «обеспечению безопасности» как условию деятельности опасных производств. Во-первых, понятие «безопасность» базируется на термине «защищенность», то есть таком состоянии объекта защиты, при котором отсутствует опасность. Во-вторых, конкретный вид безопасности опреде-

¹ Рыженков А. Я. Необходимость судебной защиты как принцип гражданского законодательства // Современное право. – 2013. – № 12. – С. 57.

² Пожарский Д. В. Указ. соч. С. 163, 166.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 20, ст. 2444.

⁴ О транспортной безопасности: Федер. закон от 09 февр. 2007 г. № 16-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 7, ст. 837.

⁵ О пожарной безопасности: Федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 69-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 35, ст. 3649.

ляется характером деятельности или действий субъектов, а по сути, структурой общественного отношения, подлежащего защите. В-третьих, опасность представляет собой различного рода противоправные посягательства или вмешательства в отношении структурных элементов правоотношения (субъектов, объектов, содержания). В-четвертых, правовая природа различных видов безопасности базируется на публично-правовых и частноправовых средствах обеспечения состояния защищенности, включая правовое регулирование, и обусловлена характером противоправных посягательств (вмешательств). В-пятых, принятие субъектами определенных мер безопасности обусловлено их правомочиями, в том числе и возможностями применения тех или иных средств правового регулирования, а также правовым режимом объектов, которые нуждаются в непосредственной защите.

Таким образом, несмотря на различные виды безопасности, в настоящей публикации речь должна идти о том ее виде, который обладает *комплексным характером, может осуществляться субъектами предпринимательства и характеризуется его привязкой к конкретному объекту защиты – опасным производствам.*

Представляется, что таковым видом является **антитеррористическая защищенность** (далее – АТЗ). Авторский вывод обосновывается следующими аргументами: 1) согласно Закону о противодействии терроризму¹ обязанности по обеспечению АТЗ могут возлагаться на граждан и организации, то есть на потенциальных субъектов предпринимательства; 2) названный вид безопасности непосредственно направлен на защиту опасных производств, правовой режим которых установлен различными законами и предусматривает их обязательную АТЗ; 3) АТЗ, как вид безопасности, предусмотрена п. 9 Указа Президента РФ² для иных объектов инфраструктуры, в той или иной степени задействованных для проведения рассматриваемых спортивных мероприятий, что дает основание для применения соответствующей аналогии.

Таким образом, «обеспечение безопасности» как условие сохранения деятельности опасных производств имеет антитеррористический характер и представляет собой АТЗ искомых объектов.

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 11, ст. 1146.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 20, ст. 2900.

Следует заметить, что в настоящее время определение понятия «антитеррористическая защищенность» получило законодательное закрепление в правовых актах, как правило, имеющих публично-правовую природу и регулирующих соответствующие виды правоотношений. Так, в ст. 3 Закона о противодействии терроризму¹ под ней понимается состояние защищенности объекта, не позволяющее совершить акт терроризма. Подобный подход используется законодателем и в отношении АТЗ объектов топливно-энергетического комплекса, под которой понимается тот уровень защиты названных объектов, который препятствует проведению «на нем террористического акта»². Вместе с тем названные правовые акты не отвечают в должной мере решению поставленной в публикации задачи. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, общим подходом к определению исследуемого понятия, в котором не содержатся структурные элементы рассматриваемой защиты и не детализируются приемы и способы ее обеспечения. Во-вторых, правовой режим опасных производств устанавливается Федеральным законом от 21.07.997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (далее – Закон о промышленной безопасности), и этот закон не дает определения понятию «антитеррористическая защищенность опасных производств». Такое положение не предоставляет возможность субъектам искомого вида предпринимательства в должной мере обеспечить реализацию условия о продолжении деятельности по эксплуатации этих объектов как во время проведения чемпионата мира по футболу, так и в последующие периоды.

На основании проведенного в публикации анализа предлагается авторское определение понятия «антитеррористическая защищенность опасных производств», то есть *«система организационных, охранных, промышленных, инженерно-технических, трудовых и иных мер, направленных на обеспечение состояния безопасности опасных производств, преследующая своей целью создание препятствий для совершения на них террористических актов»*.

Значимость решения **второй задачи** публикации обусловлена далеко неоднозначным, а иногда и противоречивым подхо-

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 11, ст. 1146.

² О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: Федер. закон от 21 июля 2001 г. № 256-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 30 (ч. 1), ст. 4604.

дом к определению правового режима исследуемых объектов, оказывающим влияние на содержание АТЗ. Сложившееся положение представляет собой одну из проблем в изучаемой сфере.

С одной стороны, в акте Правительства, принятом во исполнение Закона о чемпионате мира, содержится Перечень опасных производств, деятельность которых должна быть приостановлена¹. Так, согласно п. 1 названного перечня к ним относятся производства, в отношении которых установлен правовой режим **«опасный производственный объект»**. Его сущность раскрывается в Законе о промышленной безопасности. Названные объекты характеризуются тем, что в процессе их эксплуатации (производства, выполнения работ или оказания услуг) применяются радиоактивные, взрывчатые, биологически и химически опасные вещества.

С другой стороны, опасные производства, одновременно могут подпадать и под действие иных правовых режимов, например, режимов **«объект топливно-энергетического комплекса»** (объект ТЭК), **«критически важный объект»** (КВО) или **«объект транспортной инфраструктуры»** (ОТИ) и других. Так, объектами ТЭК признаются объекты, где деятельность связана с производством электроэнергии, добычей или переработкой нефти, газо- и теплоснабжением, а также на которых осуществляется деятельность в области угольной, торфяной и иных видах промышленности².

Правовой режим КВО, несмотря на свое существование в течение последнего десятилетия, длительное время не получал легального закрепления. Например, названный режим без детализации его правовой природы и, как следствие этого, без должной идентификации правового положения субъектов, эксплуатирующих КВО, создавал серьезные проблемы в области реализации конституционных прав граждан на занятие предпринимательством. Это было обусловлено тем, что рассматриваемый режим устанавливался не федеральным законом, на основании которого допускается ограничение прав участников гражданского оборота (ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ – далее ГК РФ), а всего лишь перечнем КВО, составленным Министерством по делам ГО и ЧС, утвержденным распоряжением Правительства РФ, и, кроме того, имеющим еще и гриф секретности. Наличие такого режима воз-

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 25, ст. 3686.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 30 (ч. 1), ст. 4604.

лагало на собственников и владельцев этих объектов дополнительные обязанности в области обеспечения безопасности, о которых субъекты предпринимательства, с учетом наличия соответствующего грифа, зачастую узнавали только из предписаний надзорных и контролирурующих государственных органов. Во многих случаях лица, эксплуатирующие КВО в целях осуществления своих уставных видов предпринимательской деятельности, вследствие административного давления названных органов государства, под принуждением заключали договоры с охранными организациями, учрежденными государственными органами власти. С одной стороны, сложившееся положение приводило к монополии названных охранных организаций. С другой – противоречило основам конституционного строя России о свободном передвижении услуг и поддержке конкуренции (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ), а также нормам гражданского законодательства в части заключения договора (ч. 1 ст. 421 ГК РФ).

Несмотря на наличие методики определения правового режима КВО, имеющей юридическую силу акта федерального органа исполнительной власти¹, рассматриваемый режим легально был закреплен законом только в марте 2015 года. Согласно этому режиму под КВО понимаются те объекты, сбои в функционировании которых могут привести к утрате управления экономическими процессами как в России, так и в ее субъектах или в их иных административно-территориальных образованиях. Такой сбой характеризуется негативным разрушением экономики или значительным уменьшением состояния защищенности «жизнедеятельности населения»². Вместе с тем в соответствии с законом рассматриваемый режим действует в области защиты населения и территорий от опасностей природного, технологического, но не террористического характера³.

ОТИ представляют собой комплекс технологически взаимосвязанных между собой движимых и недвижимых вещей, предназначенных для решения транспортных задач (железнодорож-

¹ Методика отнесения объектов государственной и негосударственной собственности к критически важным объектам для национальной безопасности Российской Федерации, утв. МЧС России 17 окт. 2012 г. № 2-4-87-23-14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 68-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 35, ст. 3648.

³ Там же.

ные и автомобильные вокзалы, тоннели, мосты, участки дорог различного вида, здания, строения и др.)¹. В исследуемой сфере названные объекты могут быть использованы для перевозки различного рода веществ, полученных в процессе опасного производства. Но на современном этапе общественного развития именно мобильность различного рода транспортных средств, в частности автомобилей, делает эти объекты наиболее уязвимыми для совершения террористических актов и наиболее сложными для их надежной антитеррористической защиты².

Наряду с перечисленными режимами в отношении опасных производств законом могут устанавливаться и другие правовые режимы, обусловленные правовой природой отдельных объектов гражданских прав (например, ядерных материалов, радиоактивных веществ и других подобных объектов). Поскольку такие объекты ограничены в гражданском обороте и в большинстве своем могут находиться только в федеральной собственности³, то их использование (производство, купля-продажа, выполнение работ или оказание услуг) в предпринимательской деятельности носит ограниченный характер. В настоящей публикации АТЗ названных объектов не рассматривается.

Резюмируя сказанное о правовом режиме опасных производств, следует отметить, что он самым непосредственным образом влияет на права и обязанности субъектов, занимающихся деятельностью по их эксплуатации, то есть на содержание соответствующего правоотношения. В настоящее время любой из перечисленных правовых режимов взаимосвязан с АТЗ объектов. Следовательно, неисполнение (ненадлежащее исполнение) субъектами своих «антитеррористических» обязанностей может повлечь приостановку или прекращение определенного вида предпринимательской деятельности.

Решение **третьей задачи** публикации базируется на содержании понятия «антитеррористическая защищенность опасных производств» и установленных правовых режимов искомых объектов. Таким образом, структурными элементами АТЗ опасных производств являются: 1) организационные мероприятия; 2)

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 7, ст. 837.

² *Дмитриев С. Н.* Потемкинские деревни транспортной безопасности // *Транспортное право.* – 2015. – № 2. – С. 14–18.

³ Об использовании атомной энергии: Федер. закон от 21 нояб. 1995 г. № 170-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 48, ст. 4552.

охранные мероприятия; 3) мероприятия промышленной безопасности; 4) инженерно-технические мероприятия; 5) трудовые мероприятия.

Структурные элементы АТЗ характеризуются общими и специальными аспектами. При этом общий характер защиты обусловлен основными положениями указанных в настоящей публикации законов и подзаконных актов с учетом соответствующих правовых режимов объектов. Специальный характер АТЗ опасных производств находит отражение в специализированных актах Правительства РФ¹ и приказах Ростехнадзора² – федерального органа исполнительной власти, в функции которого входит государственный контроль деятельности рассматриваемых производств.

Рассмотрим последовательно содержание структурных элементов АТЗ опасных производств и акцентируем внимание на их гражданско-правовых свойствах.

Организационные мероприятия преследуют своей целью упорядочивание действий по планированию и контролю проведения АТЗ опасных производств в пределах гражданской и трудовой правоспособности субъектов предпринимательства.

Проведенный анализ позволяет классифицировать эти меры по следующим основаниям: 1) назначение должностных лиц, отвечающих за обеспечение АТЗ объекта; 2) разработка экономической обоснованности проводимых мероприятий и их финансирование; 3) подготовка проектов локальных нормативных актов, обусловленных АТЗ; 4) поддержание взаимодействия с правоохранительными органами и антитеррористическими комиссиями различного уровня; 5) разработка и актуализация паспорта безопасности объекта; 6) прогнозирование, анализ и оценка террористических угроз; 7) информационно-просветительские и другие мероприятия.

¹ См. напр.: Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств железнодорожного транспорта: постановление Правительства РФ от 26 апр. 2017 г. № 495 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 19, ст. 2835.

² Общие требования по обеспечению антитеррористической защищенности опасных производственных объектов: приказ Ростехнадзора от 31 марта 2008 г. № 186. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Игнорирование субъектами, эксплуатирующими опасные производства, организационных мероприятий не будет способствовать достижению надлежащего уровня обеспечения иных мер АТЗ. Например, разработка паспорта безопасности позволит определить и реализовать «инженерно-технические мероприятия», меры по обеспечению «охраны объекта» при различных видах террористических угроз¹.

Основой **охранных мероприятий** является организация и осуществление охранной деятельности, исходной предпосылкой которой выступает понятие «**охрана**», получившее неоднозначное толкование в теории и практике гражданского оборота. Например, это понятие в большей степени исследовалось в контексте соотношения с термином «защита», выступающим составным элементом структуры субъективного права физических и юридических лиц. При этом цивилисты отмечают, что «охрана» является более широким понятием, чем «защита», носит предупредительный характер и применяется для пресечения правонарушений². Однако в научной и учебной литературе не уделяется должного внимания содержательным элементам исследуемого понятия. Кроме того, его легальное определение в различных источниках российского права носит дифференцированный характер по отношению к соответствующим видам правоотношений (трудовым, земельным, экологическим и др.) и определяется как «охрана труда», «охрана земель» и т.п.

Проведенные автором публикации многолетние научные исследования позволяют сделать вывод о том, что понятие «охрана» как исходная предпосылка охранной деятельности и как основа рассматриваемой группы мероприятий представляет собой *фактическую деятельность (действия) субъектов, направленную на защиту объектов от противоправных посягательств, осуществляемую на основе правовых средств*. Охрана обладает двойственной правовой природой, проявляющейся через ее структурные элементы (действия субъектов, правовой режим объектов, правовые средства) и, тем самым, имеет публично-правовой или частноправовой характер. Таким образом, базиру-

¹ Болтанова Е. С. Правовой режим имущественных комплексов энергетического сектора экономики России // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2013. – № 11. – С. 50–62.

² Молчанов А. А. Гражданская правосубъектность коммерческих организаций: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2002. – С. 10, 380–381, 394.

ясь на этой правовой природе, можно констатировать наличие и соответствующих видов охранной деятельности. Например, действия федеральных органов власти (ФСО, МВД, Росгвардии и др.), выполняемые на основе несения военной службы, осуществления оперативно-розыскных и иных подобных мер, направленные на защиту государственной границы, Президента РФ, государственного имущества, регламентированные административно-правовыми средствами, позволяют констатировать наличие публично-правовой охранной деятельности.

И, напротив, деятельность коммерческих охранных организаций, имеющих лицензию на ее осуществление, направленная на защиту отдельных объектов гражданских прав (имущества граждан и организаций, жизни и здоровья людей), преследующая своей целью извлечение прибыли от оказания охранных услуг на основе возмездного договора, именуется частной охранной деятельностью.

Однако в настоящее время на рынке охранных услуг действуют охранные организации, обладающие противоречивыми правовыми свойствами и по этой причине занимающие «промежуточное» положение в контексте вышеуказанных аспектов. Речь идет об организациях ведомственной и вневедомственной охраны в лице ФГУП «Охрана» Росгвардии. Эти юридические лица, хотя и учреждены органами государства, все же не подпадают под легальное определение понятия «государственная охрана», закрепленное одноименным законом¹. Суть противоречия заключается в том, что, с одной стороны, они учреждены в форме коммерческой организации – «государственное унитарное предприятие» и действуют на основании возмездного договора оказания охранных услуг. С другой – обладают административно-властными полномочиями, характерными для сферы публично-правового регулирования. Следует обратить внимание на тот факт, что деятельность этих организаций еще не получила должного научного цивилистического осмысления. Но на современном этапе отчетливо ясно, что сложившееся положение позволяет им доминировать на рынке охранных услуг и монополизировать их, особенно в период стремительно возрастающих требований по АТЗ опасных объектов, что в отдельных случаях приводит к злоупотреблению правом в исследуемой области.

¹ О государственной охране: Федер. закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 22, ст. 2594.

Таким образом, охранные мероприятия как элемент АТЗ представляют собой организацию, осуществление и контроль соответствующих видов охранной деятельности. Их выбор зависит не только от определенного правового режима опасных объектов, но и от вида права собственности. Так, объекты, находящиеся в собственности государства, но не обладающие правовым режимом «объекты государственной охраны», «охраняемые объекты»¹ или объекты, входящие в соответствующий перечень², защищаются организациями ведомственной охраны или Росгвардии. Все иные объекты, находящиеся в собственности граждан и юридических лиц, могут защищаться частными охранными организациями.

Поскольку основным правовым средством осуществления охранной деятельности вышеперечисленных организаций выступает гражданско-правовой договор возмездного оказания охранных услуг, то сущность охранных мероприятий будет заключаться в следующих аспектах.

Во-первых, ввиду непоименованного характера искомого договора, отсутствия ГОСТов и иных государственных стандартов оказания услуг охраны их заказчик (собственник или владелец опасного производства) должен сформулировать задание на оказание этих услуг. Задание заказчика является существенным условием договора, поскольку выступает составным элементом его предмета – действий по оказанию определенного вида охранных услуг (например, услуг по охране имущества, услуг по обеспечению пропускного и (или) внутриобъектового режимов и др.).

Во-вторых, заказчик услуг, исходя из правового режима объекта охраны, должен определиться с потенциальным исполнителем услуг – охранный организацией, обладающей соответствующими правомочиями по защите объекта. При наличии у заказчика нескольких опасных производств, подпадающих под различные режимы охраны (например, объекты, на которые не распространяется частная охранная деятельность), возможен выбор нескольких охранных организаций различной правовой природы (организации ведомственной и вневедомственной охраны, частные охранные организации).

¹ Там же. Ст. 1, 6 и др.

² Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности: постановление Правительства РФ от 14 авг. 1992 г. № 587 // Собр. актов Президента и Правительства РФ. – 1992. – № 8, ст. 506. – Приложение 1.

В-третьих, для оказания вида охранных услуг «обеспечение пропускного и внутриобъектового режимов» заказчик должен установить эти режимы на опасном объекте. Это становится возможным посредством принятия соответствующих локальных нормативных актов (например, положений, инструкций и др.), содержание которых в дальнейшем трансформируется в задание заказчика и, как следствие этого, в предмет договора оказания охранных услуг.

В-четвертых, исходя из организационно-штатных возможностей заказчика, он может создать специальное структурное подразделение (например, службу, отдел, бюро безопасности и др.), в функции которого будет входить организация и контроль оказания охранных услуг, а также другие действия, обусловленные защитой объектов. Как отмечает А. А. Мохов, эти структурные подразделения обеспечивают «комплексную безопасность» коммерческой организации¹, ее составной частью является и АТЗ.

Нельзя не учитывать, что перечень охранных мероприятий является динамично развивающимся элементом АТЗ опасных объектов, не может быть изучен в рамках отдельного раздела публикации и является перспективной темой для дальнейших исследований.

Как было установлено в настоящей публикации, промышленная безопасность, как и любой вид безопасности, базируется на понятии «защищенность». В связи с этим **мероприятия промышленной безопасности** обусловлены достижением того уровня защиты опасного производства, при котором отсутствует (минимизируется) опасность для общества и важных для жизни интересов человека от возможных аварий на этих объектах и их последствий. Рассматриваемая группа мер характеризуется длительным периодом времени их применения – от момента проектирования опасного производства до момента его исключения из соответствующего реестра.

Мероприятия промышленной безопасности характеризуются своей технологичностью и императивностью и в большинстве своем базируются на нормах Закона о промышленной безопасности. Анализ главы 2 этого правового акта позволяет классифицировать их по следующим видам: 1) строительные (проектирование, строительство, реконструкция объекта и др.); 2) эксплуата-

¹ Мохов А. А. Служба безопасности коммерческой организации: правовой аспект // Безопасность бизнеса. – 2015. – № 1. – С. 31–34.

ционные (извлечение полезных свойств от оборота опасных веществ, выполнение работ или оказание услуг, связанных с этими веществами); 3) экспертные (проведение экспертиз и разработка декларации промышленной безопасности); 4) технические (оборудование объекта различными техническими устройствами, повышающими эффективность его эксплуатации); 5) противоаварийные (поддержание в готовности сил и средств для ликвидации аварий и их профилактики, проведение учений, тренировок и др.).

Среди мероприятий промышленной безопасности отдельно следует выделить *две группы мер*, характеризующихся ярко выраженными гражданско-правовыми аспектами: *страхование гражданской ответственности владельца опасного производства и хранение опасных веществ*, находящихся на объекте. В первом случае отношения страхования возникают на основании соответствующего договора и согласно закону¹ носят обязательный характер.

Отношения, обусловленные *хранением опасных веществ*, зачастую носят дискуссионный характер, обусловленный подменной этого понятия понятием «охрана», сущность которого была рассмотрена в разделе «охранные мероприятия». Поскольку проведение детального соотношения указанных понятий не является целью публикации, обратим внимание лишь на то, что хранение опасных веществ может осуществляться собственниками (владельцами) опасных производств самостоятельно, в то время как легальные охранные услуги могут быть оказаны только специализированными охранными организациями. В связи с этим в практике рассматриваемых отношений существует и получает дальнейшее развитие проблема, обусловленная подходом государственных контролирующих и надзорных органов к исключительному преобладанию «охранных» отношений над отношениями хранения. Суть проблемы заключается в том, что названные органы предписывают субъектам искомого вида предпринимательства в обязательном порядке заключать соответствующие договоры на оказание охранных услуг, что не предусмотрено ни ГК РФ, ни иными законами, и может осуществ-

¹ Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте: Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 31, ст. 4194.

ляться только на основании добровольно принятого обязательства. Таким образом, владельцы опасных производств вместо принятия самостоятельных мер по хранению опасных веществ в целях сохранения искомого вида предпринимательства вынуждены заключать указанные договоры, роль которых в исполнении обязанности по хранению опасных веществ ничтожно мала. Нетрудно заметить, что надлежащая организация хранения обязывает собственников (владельцев) объектов вести учет опасных веществ, соблюдать определенную технологию хранения (поддерживать соответствующую температуру, контролировать химическое состояние веществ, давление, концентрацию и другие подобные параметры). Такой подход к хранению опасных веществ позволяет не только исключить их негативное воздействие на жизнь и здоровье граждан, имущество, окружающую среду, но и обеспечить осуществление предпринимателями своих гражданских прав в изучаемой области. В этой связи становится совершенно очевидным тот факт, что ни одна охранная организация, ни один охранник физически и технологически не способны, и юридически неправомочны обеспечить исполнение какой-либо части вышеуказанных обязанностей собственника (владельца) объекта по хранению опасных веществ. Следовательно, подмена хранения оказанием охранных услуг не может в должной мере обеспечить защиту опасных веществ от их негативного воздействия на различные объекты гражданских прав.

Основная цель проведения **инженерно-технических мероприятий** заключается в предотвращении несанкционированных проникновений на опасный объект, а также в выявлении по отношению к нему несанкционированных действий посредством использования инженерно-технических средств. Достижение этой цели возможно за счет принятия следующих мер: 1) оборудование специальных пропускных пунктов, оснащенных различными инженерными средствами (противотаранными устройствами, устройствами принудительной остановки транспорта и др.); 2) оборудование периметрального ограждения объекта и его оснащение средствами охранной сигнализации и различными барьерами безопасности; 3) размещение на объекте средств видеонаблюдения и контроля; 4) оборудование специальных площадок и эстакад для проведения досмотра (осмотра) различных видов транспортных средств, и другие.

Основным гражданско-правовым средством реализации рассматриваемых мероприятий является договор подряда

(например, предметом которого может выступать оборудование объекта средствами охранной сигнализации и др.) и договор возмездного оказания охранных услуг (например, предметом которого является реагирование на сигнальную информацию средств сигнализации и др.). Среди других цивилистических аспектов изучаемых мероприятий следует отметить их повышенный уровень опасности, способный причинить вред жизни и здоровью людей, имуществу граждан и организаций, природной среде. В этой связи проведение таких мероприятий необходимо признать деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. В то же время ввиду стремительного развития науки и техники перечень инженерно-технических мероприятий не может быть завершен, он является динамично развивающимся средством обеспечения АТЗ объектов.

Осуществление гражданских прав в области эксплуатации опасных производств не может осуществляться одним лицом (физическим или юридическим). Напротив, этот процесс представляет собой совместную деятельность нескольких лиц, как правило, базирующуюся на трудовых и иных, непосредственно связанных с ними отношениях, правовое регулирование которых является основой для проведения **трудовых мероприятий** как составных элементов АТЗ объектов. Обратим внимание на указанные группы трудо-правовых отношений.

Исследователи предпринимательской деятельности отмечают, что существенное «развитие гражданского оборота», наличие достижений науки, появление новых технологий отдельных видов производств не позволяют субъектам предпринимательства осуществлять свою деятельность единолично, без привлечения наемных работников, обладающих соответствующими профессиональными знаниями и навыками¹. В этом случае организация или индивидуальный предприниматель, эксплуатирующие опасные производства, обладают правовым положением работодателя. В практике исследуемых отношений очень остро стоит вопрос о трансформации публично-правовых норм законов и подзаконных актов об АТЗ в систему частноправового регулирования **трудовых отношений**. Сложность проблемы состоит в том, что основ-

¹ *Бабайцева Е. А.* Участие индивидуального предпринимателя в трудовом отношении как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2015. – № 3. – С. 236–239.

ная направленность трудовой деятельности работников заключается в исполнении ими своей трудовой функции, выступающей предметом трудового договора. Эта функция, в отличие от контракта военнослужащих государственных органов, специально предназначенных для противодействия террористическим проявлениям, должна быть направлена на исполнение своих трудовых обязанностей, а не на борьбу с терроризмом.

Представляется, что решение рассматриваемой проблемы – в использовании элементов метода правового регулирования трудовых отношений, в частности, сочетании централизованного и локального регулирования. Основой для такого регулирования являются особенности содержания трудового отношения. Например, согласно ст. 15 Трудового кодекса (ТК) РФ работник обязан лично исполнять возложенную на него трудовую функцию, делая это в интересах, под управлением и контролем работодателя, в то же время подчиняясь правилам внутреннего трудового распорядка. В соответствии со ст. 22 ТК РФ работодатель вправе принимать локальные нормативные акты, являющиеся обязательными для исполнения работниками.

Итак, специальная гражданская правоспособность организации (индивидуального предпринимателя) по надлежащей эксплуатации опасных производств и обусловленные этим обязанности по АТЗ названных объектов могут быть реализованы посредством *локального нормативного регулирования трудовых отношений*. Предметом такого регулирования выступают отношения, обусловленные проведением вышеуказанных структурных антитеррористических мероприятий, а само регулирование может носить *общий и специальный* характер. Так, в первом случае «антитеррористические обязанности» работников могут получить закрепление в базовом локальном нормативном акте – правилах внутреннего трудового распорядка работодателя. Во втором случае характер локального нормативного регулирования подразумевает принятие специальных, обусловленных АТЗ объекта актов. Например, организационные меры по порядку перемещения по территории объекта людей, вещей и транспорта, осмотру зданий, строений, сооружений и других вещей могут быть реализованы посредством принятия работодателем положения (инструкции) по внутриобъектовому режиму. В свою очередь меры промышленной безопасности в части проведения специальных учений и тренировок на объекте могут осуществляться на основании соответствующих приказов (распоряжений) в части исключения до-

стуга посторонних лиц к автоматизированным системам управления производства – посредством принятия локальных актов в форме процедур, регламентов и др.

Важными системными признаками локального нормативно-регулирующего регулирования АТЗ объекта являются обязанности работодателя по письменному ознакомлению работников с содержанием названных актов и по проведению ряда инструктажей (первичного, повторного, целевого и др.). Таким образом, вышеуказанные особенности правового регулирования трудовых отношений в должной мере позволяют организации (индивидуальному предпринимателю), эксплуатирующей опасные производства, реализовать свои обязанности по АТЗ объекта.

Среди **отношений, непосредственно связанных с трудовыми**, следует акцентировать внимание на отношениях, обусловленных *подготовкой и профессиональным обучением работников* с целью осуществления ими своей трудовой функции в контексте надлежащей эксплуатации опасных производств. Несмотря на преобладание в трудовом праве диспозитивного характера правового регулирования, названная группа отношений обусловлена своей императивностью. Это объясняется тем, что, согласно ст. 9 Закона о промышленной безопасности, работодатель обязан обеспечить комплектование соответствующего штата работников опасного объекта, отвечающих определенным квалификационным требованиям и прошедшими в установленном порядке обучение и аттестацию в изучаемой сфере. Гражданско-правовым средством исполнения этой обязанности работодателя является договор на оказание образовательных услуг.

Резюмируя сказанное в публикации, можно констатировать получение следующих **научных результатов**, представляющих собой решение поставленных задач.

1. Аргументирован вывод о том, что реализация гражданской правоспособности коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в области эксплуатации опасных производств в преддверии чемпионата мира 2018 года по футболу становится возможной при условии соблюдения требований АТЗ объектов.

2. Обосновано положение о том, что АТЗ опасных производств представляет собой систему специальных мер, принятие которых базируется на гражданской и трудовой правоспособности субъектов искомого вида предпринимательства.

3. Разработаны структурные элементы АТЗ опасных производств, содержащие ярко выраженные гражданско-правовые аспекты. Эти аспекты представляют собой элементы гражданского правоотношения, в котором субъекты – участники предпринимательской деятельности, объект – процесс осуществления гражданских прав по эксплуатации опасных производств, содержание – права и обязанности субъектов, реализуемые и исполняемые при помощи договоров подряда и возмездного оказания услуг, иных обязательств.

4. Установлено, что правовое регулирование отношений по АТЗ опасных производств представляет собой синтез публично-правовых (закон, указ, постановление, приказ и др.) и частно-правовых (договор) средств. Преобладание одного вида средств над другими не позволит в должной мере обеспечить надлежащую АТЗ искомых объектов и тем самым реализовать собственникам и владельцам опасных производств свою гражданскую правоспособность в рассматриваемой сфере.

5. Выявлены проблемы, препятствующие осуществлению гражданских прав субъектов предпринимательства в изучаемой области. Эти проблемы обусловлены неоднозначным подходом к определению структуры АТЗ опасных производств, неопределенностью и противоречивостью правового режима отдельных видов объектов (например, КВО) в системе изучаемой сферы правового регулирования, секретностью установления некоторых режимов, понуждением к заключению договоров с охранными организациями, учрежденными государственными органами, и их доминированием на рынке охранных услуг. Все это не позволяет субъектам предпринимательства должным образом осуществлять свои гражданские права, как это предписано ст. 34 Конституции РФ, ст. 9 ГК РФ и другими актами гражданского законодательства.

Библиографический список

1. *Бабайцева Е. А.* Участие индивидуального предпринимателя в трудовом отношении как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2015. – № 3. – С. 236–239.

2. *Болтанова Е. С.* Правовой режим имущественных комплексов энергетического сектора экономики России // имуще-

ственные отношения в Российской Федерации. – 2013. – № 11. – С. 50–62.

3. *Дмитриев С. Н.* Потемкинские деревни транспортной безопасности // Транспортное право. – 2015. – № 2. – С. 14–18.

4. *Молчанов А. А.* Гражданская правосубъектность коммерческих организаций: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2002. – 453 с.

5. *Мохов А. А.* Служба безопасности коммерческой организации: правовой аспект // Безопасность бизнеса. – 2015. – № 1. – С. 31–34.

6. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с.

7. *Пожарский Д. В.* Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – 418 с.

8. *Путин В. В.* Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 04 декабря 2014 г. // Рос. газ. – 2014. – № 278. – 05 декабря.

9. *Редкоус В. М.* Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах-участниках. Содружества Независимых Государств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 56 с.

10. *Рыженков А. Я.* Необходимость судебной защиты как принцип гражданского законодательства // Современное право. – 2013. – № 12. – С. 55–60.

А. А. Бемяков
судья Астраханского областного
суда

Д. Р. Крипакова
и.о. заведующего кафедрой
гражданского права ФГБОУ ВО
«Астраханский государствен-
ный университет»
кандидат юридических наук
kripakova2013@mail.ru

**ОБ ОПЫТЕ СУДОВ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПО ПРИМЕНЕНИЮ МЕДИАЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ**

CONCERNING THE EXPERIENCE OF THE COURTS OF ASTRAKHAN REGION ON THE USE OF MEDIATION IN CIVIL PROCESS

В статье на примере опыта Астраханского областного суда проанализированы аспекты деятельности по применению процедуры медиации при рассмотрении различных категорий гражданских дел. Выявлены преимущества процедуры медиации как альтернативного способа разрешения споров перед судебным разбирательством, рассмотрены отдельные проблемы применения этого института на основе изучения практики судов Астраханской области. На примере категорий споров определены некоторые тенденции применения примирительных процедур, в том числе актуальная тенденция осознания важности внедрения внесудебных примирительных процедур. Они представляют собой одну из форм проявления повышения правовой культуры граждан, предпола-

гающую наличие навыков и желания разрешать конфликты во внесудебном порядке путем осуществления цивилизованных переговоров, направленных на достижение взаимовыгодного компромисса.

Ключевые слова: медиация; гражданский процесс; досудебный порядок рассмотрения споров; правовой конфликт; законные интересы; примирение сторон; мировое соглашение; медиативное соглашение; право общей долевой собственности на жилое помещение.

This article contains an analysis of the experience of the Astrakhan regional court on the use of the mediation procedure in dealing with various types of civil cases. The advantages of the mediation procedure are noted, and individual problems of the application of this procedure are examined on the basis of the study of the court practice in the Astrakhan region. Advantages of the procedure of mediation are highlighted as an alternative method of dispute resolution before legislation. On the example of specific categories of disputes, certain tendencies in the application of conciliation procedures are defined. At present, there is a clear recognition of the importance of introducing extrajudicial conciliation procedures as they represent one of the manifestations of increasing the legal culture of citizens, implying the existence of skills and the desire to resolve conflicts out of court by means of civilized negotiations aimed at achieving a mutually beneficial compromise.

Keywords: mediation; civil process; pre-trial settlement of disputes; legal conflict; legitimate interests; reconciliation of the parties; an amicable settlement; mediation agreement; the right of common shared ownership of a dwelling.

В постановлении VIII Всероссийского съезда судей от 19 декабря 2012 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития» отмечается, что внедрение и развитие альтернативных способов разрешения споров по различным категориям дел позволит повысить качество правосудия и обеспечить надежные гарантии прав граждан на судебную защиту в разумные сроки. С учетом этого одним из приоритетных направлений совершенствования существующих механизмов урегулирования споров и защиты нарушенных прав граждан является развитие примирительных процедур, в том числе посредничества (медиации). Как известно, защита прав и законных интересов субъектов спорных правоотношений может осуществляться различными способами: спор может быть разрешен судом; производство по делу может быть окончено в связи с примирением сторон. И в первом, и во втором случае достигается цель правосудия – защита нарушенных прав.

Об опыте судов астраханской области
по применению медиации при рассмотрении гражданских дел

Один из способов разрешения правового конфликта – примирение сторон. Гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает меры, направленные на примирение сторон в ходе судебного разбирательства, к числу которых относит заключение сторонами мирового соглашения, в том числе по результатам проведения в порядке, установленном федеральным законом, процедуры медиации.

Изучение практического опыта судей Астраханской области в урегулировании гражданско-правовых споров с участием медиатора, выявление потенциала и преимуществ использования процедуры медиации, подготовка предложений по ее развитию и применению, является основной задачей обобщения опыта работы судейского корпуса в сфере применения альтернативных процедур урегулирования споров. Анализ статистических данных за период с 2014 по 2016 год позволяет сделать вывод об увеличении количества дел, рассмотренных судами области, где применялись примирительные процедуры. В отношении мировых судей количество данных дел носит стабильный характер.

2014 год		2015 год		2016 год	
Районные суды	Мировые судьи	Районные суды	Мировые судьи	Районные суды	Мировые судьи
1,2 %	0,4 %	1,5 %	0,3 %	2,0 %	0,3 %

Несмотря на то, что в таблице отражено не более двух процентов, выраженных в соотношении количества дел, поступивших в суды области, с делами, оконченными примирением, в численном выражении количество этих дел исчисляется сотнями. В 2014 году районными судами города Астрахани и Астраханской области рассмотрено 32 963 дела, в 2015 году – 34 833 дела, в 2016 году – 28 871 дело. Мировыми судьями за указанные периоды рассмотрено 64 015 дел, 76 736 дел, 71 130 дел соответственно.

На примере конкретных категорий споров тенденция применения примирительных процедур является более наглядной. Так, в 2016 году по 586 делам районными судами утверждены мировые соглашения, из них по трудовым спорам 112 соглашений, то есть каждое пятое соглашение заключено судами по делам, возникающим из трудовых споров.

Статистические данные свидетельствуют о том, что стороны готовы услышать друг друга и прийти к примирению. Астраханским областным судом проведено обобщение судебной практики применения примирительных процедур с участием медиатора по делам, рассматриваемым в порядке гражданского судопроизводства, за 2015 и 2016 годы. При проведении обобщения изучено 242 гражданских дела, находившихся в производстве мировых судей и судей районных судов области в этот период. В 2015 году по 122 делам стороны изъявили желание пройти процедуру медиации, 120 из них – это дела, вытекающие из семейных отношений, по одному делу – споры о порядке пользования жилым помещением и возмещение ущерба.

Из семейных правоотношений наиболее распространенными категориями дел, по которым стороны не возражали против процедуры медиации, являются дела о расторжении брака (46 дел от общего количества дел, где стороны изъявили желание пройти процедуру медиации), определении порядка общения с ребенком (27 дел), о разделе имущества между супругами (26 дел), определении места жительства ребенка (14 дел).

Например, только с 1 января по 31 декабря 2016 года процедуру медиации пожелали пройти участники процесса по 120 делам, из которых 93 – дела, вытекающие из семейных отношений. Наиболее распространенной категорией споров с учетом применения медиативных процедур по-прежнему остаются споры, вытекающие из семейных правоотношений, в числе которых дела о расторжении брака (53 дела от общего количества дел, где стороны изъявили желание пройти процедуру медиации); определении порядка общения с ребенком (21 дело); взыскании (изменении) размера алиментов (7 дел); определении места жительства ребенка (5 дел); разделе имущества между супругами (3 дела); лишении родительских прав (3 дела); установлении отцовства (1 дело).

К другим категориям споров, по которым стороны изъявили желание пройти процедуру медиации, относятся дела о взыскании ущерба – 6 дел, взыскании сумм по договору займа – 9 дел,

прочие исковые – 12 дел (истребование имущества из чужого незаконного владения, взыскание неосновательного обогащения, признание недействительными результатов межевания, прекращение права собственности на долю в жилом помещении, признание недействительным договора дарения и другие). Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что по сравнению с 2015 годом увеличилось число споров различных категорий, где применялась процедура медиации. Наибольшее количество дел, по которым была инициирована процедура медиации в 2015 году, находилось в производстве Советского районного суда г. Астрахани – 55 дел, Кировский районный суд г. Астрахани – 6 дел, Приволжский районный суд г. Астрахани – 4 дела, Лиманский районный суд – 2 дела. В остальных судах города и области количество таких дел незначительно или отсутствует. В 2016 году процедура медиации инициирована больше всего по делам, находившимся в производстве Ленинского районного суда г. Астрахани – 16 дел, Кировского районного суда – 15, Советского районного суда – 10 дел, увеличилось количество дел в Ахтубинском районном суде (5 дел) и Лиманском районном суде (4 дела).

51 дело (41 %) из 122 дел находилось в производстве мировых судей, при этом наибольшее количество дел (17) – в производстве мировых судей Кировского района г. Астрахани, Трусовского и Советского районов (по 11 дел), Ленинского района (8 дел), Ахтубинского (2 дела). 67 дел (56 %) из 120 дел находились в производстве мировых судей, что свидетельствует об активности мировых судей в применении процедуры медиации при разрешении споров, преимущественно относящихся к категории семейных. Из них в производстве мировых судей Ахтубинского районного суда находилось 20 дел, Советского района г. Астрахани – 15, Трусовского – 12, Ленинского района – 9, Кировского – 8.

Способы процессуального оформления результатов медиации в рамках рассматриваемого гражданского дела сводятся к следующему:

– оставление искового заявления без рассмотрения в связи с неявкой сторон либо неявкой истца (поскольку спор полностью исчерпан, у сторон отсутствует мотивация в продолжении судебного разбирательства);

– заключение мирового соглашения (мировое соглашение заключается по условиям медиативного соглашения, если сторо-

ны желают заручиться судебной гарантией исполнения медиативного соглашения);

– признание иска ответчиком или отказ ответчика от иска (соглашение достигнуто, но разрешение инцидента возможно только таким путем);

– уменьшение исковых требований или отказ от части исковых требований.

В то же время, если по каким-либо причинам медиативное соглашение не достигнуто, участники процесса не лишены возможности продолжить рассмотрение дела в судебном порядке. В 2015 году по 90 делам (74 % от общего количества дел, находящихся в производстве судов, по которым стороны были направлены на медиацию) участники судебного разбирательства отказались от процедуры медиации после встречи с медиатором, а также по причине неявки одной стороны или обеих сторон к медиатору.

Медиативные соглашения, которые стали основанием для заключения мировых соглашений и прекращения производства по делу, заключены по 11 делам (9 %). 5 исковых заявлений (4 %) оставлены без рассмотрения в связи с неявкой истца: поскольку спор полностью исчерпан, у сторон отсутствует мотивация в продолжении судебного разбирательства. Ситуация, когда истцы отказались от иска, так как соглашение достигнуто, но разрешение инцидента оказалось возможным только таким путем, имела место по 16 делам (13 %). Приведенные данные свидетельствуют о том, что по каждому четвертому делу, где стороны намеревались пройти процедуру медиации, – положительный результат.

В ряде случаев (19 дел, что составляет 16 %) по спорам, вытекающим из семейных правоотношений, стороны после проведения информационных встреч с медиатором не согласились на заключение медиативного соглашения, однако в судебном заседании производство по делу прекращено в связи с заключением мирового соглашения, что также свидетельствует о результативности процедуры медиации при разрешении конкретного спора.

В 2016 году по 59 делам (49 % от общего количества дел, находящихся в производстве судов, по которым стороны были направлены на медиацию) участники судебного разбирательства отказались от процедуры медиации после встречи с медиатором, а также по причине неявки одной стороны или обеих сторон к медиатору.

По сравнению с 2015 годом в 2016 году в три раза увеличилось количество медиативных соглашений, которые были основанием для заключения мировых соглашений и прекращения производства по делу, медиативные соглашения заключены по 31 делу (26 %). 5 исковых заявлений (4 %) оставлены без рассмотрения в связи с неявкой истца: поскольку спор полностью исчерпан, у сторон отсутствует мотивация в продолжении судебного разбирательства.

Ситуация, когда истцы отказались от иска, так как соглашение достигнуто, но разрешение инцидента оказалось возможным только таким путем, имела место по 15 делам (13 %); по 10 делам (8 %) по результатам проведения процедуры медиации ответчик признал иск. По каждому второму делу, где стороны намеревались пройти процедуру медиации, производство окончилось положительным результатом, а в 2015 году результативным было каждое четвертое дело.

В настоящее время находит отражение тенденция осознания важности внедрения внесудебных примирительных процедур как одного из способов повышения правовой культуры населения, умения и желания разрешать конфликты путем цивилизованных переговоров. Безусловно, законодательство о медиации нуждается в совершенствовании, а сфера применения медиации может и должна быть расширена.

С. В. Безуглов

доцент кафедры государственного и международного права
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
кандидат юридических наук
nebo2000@list.ru

Е. С. Бутурлина

доцент кафедры государственного и международного права
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
кандидат юридических наук
buturlinaes@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ, СИСТЕМЕ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT, SYSTEM AND CLASSIFICATION OF PRINCIPLES OF JUSTICE

В статье рассмотрены некоторые аспекты, связанные с определением понятия «принципы правосудия». Авторами предложено определение понятия «принципы правосудия», на основе анализа нормативных правовых актов и теоретических источников охарактеризована система принципов правосудия как совокупность основных правил организации и деятельности судебной власти. Раскрыто содержание отдельных принципов правосудия. Выявлены некоторые особенности действия исследуемых принципов в рамках конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Предложены критерии классификации принципов правосудия с учетом различных подходов к данному вопросу.

Ключевые слова: правосудие; принципы правосудия; судебная власть; судоустройство; гражданское общество; принцип законности; гласность; состязательность; независимость; классификации принципов правосудия.

The article studies several aspects of the definition of the "principles of justice". The definition of "principles of justice" is proposed by the authors of the article. Based on the analysis of normative legal acts and theoretical sources, the system of principles of justice as a set of basic rules for organizing activities of the judiciary is defined. The contents of individual principles of justice are discovered. Some peculiarities of the principles within the constitutional, civil, administrative and criminal proceedings are defined. Various approaches to the classification of principles of justice are proposed.

Keywords: justice; principles of justice; judicial power; judicial system; civil society; the principle of legality; publicity; contentiousness; independence; classification of principles of justice

Анализ действующего законодательства, учебной и научной литературы позволяет определить судебную власть как самостоятельную и независимую ветвь го-сударственной власти, главной и важной функцией которой является осуществление правосудия.

С точки зрения Основного закона Российской Федерации правосудие — это исключительная деятельность, реализуемая только государственными органами судебной власти в четырех ее формах, в частности, гражданского, уголовного, административного и конституционного судопроизводства. На наш взгляд, можно назвать и еще одну форму – арбитражное судопроизводство. Но поскольку арбитражные суды осуществляют гражданское и административное судопроизводство в соответствии с подведомственностью споров, чаще употребляется термин «арбитражный процесс».

Следует признать обоснованной и заслуживающей внимания точку зрения, в соответствии с которой правосудие характеризуется следующими признаками: судоустройством, статусом судьи и судопроизводством. Речь идет, по нашему мнению, об элементах правосудия, находящихся во взаимосвязи друг с другом, в зависимости друг от друга и вместе с тем составляющих единое целое.

Поскольку любые принципы можно определить в качестве основных руководящих начал, положений, лежащих в основе чего-либо, выражающих сущность и определяющих содержание данного явления или процесса, то можно утверждать, что правовой статус судебной власти раскрывается путем формулирования и закрепления принципов правосудия, в первую очередь в Конституции РФ и других нормативных правовых актах. Считаем

важным отметить, что понятие «судебная власть» охватывает как организацию судебной власти, так и принципы деятельности судов. Нельзя не согласиться с утверждением профессора Л. П. Рассказова, который считает, что «...существенная особенность судебной власти состоит в особой процедуре (методах) ее осуществления», а среди признаков судебной власти выделяет гласность, состязательность, независимость, коллегиальность¹. На наш взгляд, эти и другие признаки судебной власти находят свое выражение в принципах правосудия.

Согласно общетеоретической характеристике исследуемой нами категории принципы права представляют собой исходные положения, лежащие в основе правового регулирования общественных отношений в различных сферах. При этом выделяются общие принципы права, характерные для регулирования отношений, независимо от того, предметом какой отрасли они являются, а также принципы отраслевые и принципы, характерные для отдельных правовых институтов (специальные). Правосудие осуществляется в большей степени на основе специальных принципов. Это доказывает особенный характер и исключительность данной деятельности.

Определяя понятие принципов правосудия, необходимо отметить их значение для успешного выполнения судебными органами своих функций. Заслуживающими внимания в связи с этим, на наш взгляд, представляются выводы С. В. Нарутто о ценности принципов конституционного судопроизводства. Автор считает, что эти принципы «...отражают модель справедливого процесса, являются показателем степени защищенности прав и свобод человека, выступают индикатором демократичности и цивилизованности судебной процедуры, эффективности судебной власти в целом»². Можно утверждать, что данная характеристика применима к принципам, реализуемым во всех видах судопроизводства.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным определить принципы правосудия как закрепленные в Конституции РФ и других законах основные, исходные, руководящие нор-

¹ Рассказов Л. П. Теория государства и права. 4-е изд. – М.: Инфра-М, РИОР, 2013. – С. 162.

² Нарутто С. В., Несмеянова С. Э., Шугрина Е. С. Конституционный судебный процесс: учебник для магистрантов, аспирантов, преподавателей. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – С. 69.

мативные положения наиболее общего характера, выражающие демократическую сущность российского правосудия, образующие единую систему, определяющие организацию и деятельность судебной власти по выполнению стоящих перед ней задач. Учитывая все составляющие правосудия, названные нами выше, полагаем, что принципы правосудия также можно определить как основополагающие начала, в соответствии с которыми строится система судебных органов, обеспечивается их формирование и осуществляется их деятельность. Считаем, что ввиду этого при рассмотрении вопроса о классификации принципов правосудия можно выделить три группы принципов, которые вместе с тем представляли бы собой единое целое, то есть систему.

Организация и деятельность судов в нашем государстве строится на основе закрепленной в Конституции РФ, федеральных конституционных и федеральных законах системы принципов, представляющей совокупность связанных между собой, взаимозависимых друг от друга элементов. Эта совокупность основных правил организации и деятельности судов отражает определенные объективные внутрисистемные закономерности организации и функционирования органов судебной власти как целостного образования по осуществлению правосудия.

Система принципов правосудия включает: судебную защиту прав человека; равенство граждан перед судом и законом; осуществление правосудия только судом; осуществление правосудия в точном соответствии с законом; самостоятельность судов и независимость судей, присяжных и арбитражных заседателей; неприкосновенность и несменяемость судей; участие граждан в осуществлении правосудия; состязательность и равноправие сторон; национальный язык судопроизводства; открытое разбирательство дел во всех судах; единство судебной системы и ее установление конституцией и федеральным конституционным законом; гласность судопроизводства. Но данный перечень нельзя считать исчерпывающим. Так, в качестве самостоятельного принципа правосудия в научной литературе предлагается выделить принцип компетентности, объективности и беспристрастности суда.

Поскольку судебные органы являются органами государственной власти, их деятельность основывается, прежде всего, на принципах, являющихся общими для всех органов государства. На наш взгляд, к ним относятся принцип разделения властей, принцип законности, принцип участия населения и обществен-

ности в организации и деятельности органов, осуществление контроля над ними, принцип единства системы органов государственной власти, принцип федерализма.

Действие принципов правосудия проявляется по-разному в рамках различных видов судопроизводства. При этом, если при осуществлении конституционного, гражданского, административного судопроизводства принципы правосудия действуют в ходе судебных заседаний при разбирательстве дел, то в уголовном судопроизводстве не только в судебном разбирательстве, но и на предварительных этапах, то есть в ходе дознания и предварительного следствия. Хотя степень их действия на разных этапах судопроизводства различна. А, например, при реализации в конституционном судопроизводстве общие для всех видов судопроизводства принципы правосудия имеют определенные особенности, наполняясь при этом собственным содержанием. Так, состязательность и равноправие сторон применительно к конституционному судопроизводству означают, что судебное разбирательство инициируется установленными в законе заявителями, но не самим Конституционным Судом РФ. Судебно-конституционный процесс также осуществляется в виде состязания между сторонами. Но при этом в отличие от сторон в гражданском судопроизводстве, которые руководствуются различными собственными интересами, в конституционном судебном процессе стороны или их представители отстаивают не только свои интересы, но также и общие интересы, связанные с защитой Основного закона государства¹.

В современной юридической литературе нет однозначного подхода к вопросу классификации принципов правосудия. Большинство авторов не выделяют отдельные группы принципов правосудия, а рассматривают их как единую систему. Но при исследовании различных источников по выбранной нами теме встречаем и другие взгляды.

Так, например, представляется интересной и заслуживающей внимания классификация, приведенная В. С. Киселевым. Автор выделяет две группы принципов правосудия: принципы организации судебной системы и принципы функционирования судебной системы. Заметим, что, предлагая данную классифика-

¹ Бутурлина Е. С., Митрясова А. В. Принципы конституционного судопроизводства: понятие, система и значение // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 4 (34). – С. 137.

цию, автор применяет термин «судебная система», а не «судебная власть»¹. Но данная классификация, по мнению самого же автора, носит весьма условный характер, с чем мы также согласны.

Рассматривая вопрос о классификации принципов правосудия, по нашему мнению, представляется возможным выделить конституционные принципы правосудия и принципы правосудия, закрепленные в иных нормативных правовых актах. Вместе с тем, не забывая при этом, что содержащиеся в Конституции РФ принципы являются базовыми, основополагающими, лежащими в основе тех, которые закреплены в иных нормативных правовых актах. Поэтому в этих источниках конституционные принципы могут дублироваться и детализироваться. В свою очередь в системе конституционных принципов правосудия можно выделить конституционные принципы организации судебной власти и конституционные принципы функционирования судебной власти. Этот же критерий применим и к разделению на группы принципов правосудия, закрепленных в иных нормативных правовых актах. Однако данная классификация, по нашему убеждению, также условна, поскольку один и тот же принцип можно отнести к различным группам, и все они в целом составляют единую систему, а их реализация обеспечивает выполнение основной функции судебной власти – осуществление правосудия. Поэтому в юридической науке и преобладает подход, в соответствии с которым принципы правосудия рассматриваются как единая система.

Но все-таки, выделяя конституционные и иные принципы организации судебной власти, считаем необходимым остановиться на термине «судоустройство», который содержится в Конституции РФ и в действующем законодательстве. Следует заметить, что ни содержание, ни объем признаков, характеризующих это правовое явление (речь идет о судоустройстве), в российском действующем законодательстве до сих пор не раскрываются. Не разработана и дефиниция. И поскольку термин «судоустройство» не воспринимается однозначно, он наполняется различным содержанием. При отсутствии единого подхода в юридической литературе судоустройство рассматривается и как совокупность правовых норм, и как совокупность судебных учреждений. На

¹ Киселев В. С. К вопросу о классификации конституционных принципов организации и функционирования судебной власти // Государство и право. – 2015. – № 6. – С. 102.

наш взгляд, разработка данного понятия могла бы внести ясность, в частности, в отношении вопроса о классификации принципов правосудия. Нам представляется более точным определение данного понятия как системы судебных органов, организации судебной системы или организации судебной власти.

Принципы организации судебной власти в общем виде закреплены в Конституции Российской Федерации и в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации»¹. Среди них – самостоятельность судов и независимость судей; обязательность судебных постановлений; равенство всех перед законом и судом; участие граждан в осуществлении правосудия в порядке, предусмотренном федеральным законом; гласность в деятельности судов; язык судопроизводства и делопроизводства в судах. Можно назвать также принцип доступности правосудия и принцип компетентности, объективности и беспристрастности суда. Но, как уже отмечалось выше, названные нами принципы проявляют себя не только в организации судебной власти, но и в процессе ее функционирования, то есть в процессе осуществления правосудия. А это значит, что выделение данных принципов в отдельную группу также имеет условный характер.

Среди принципов функционирования судебной власти, составляющих еще одну группу рассматриваемых нами принципов, в первую очередь назовем принцип осуществления правосудия только судом, закрепленный в ч. 1 ст. 118 Конституции РФ. На наш взгляд, одним из важных принципов осуществления правосудия, как и организации судебной власти, является принцип законности. В связи с этим заслуживает внимания утверждение К. И. Амирбекова, согласно которому «законность как социальное явление имеет правовое, политическое, идеологическое, нравственное и психологическое составляющие»². Данный базовый принцип деятельности судов предполагает и неукоснительное соблюдение всех принципов правосудия. Не будем забывать о том, что рассматриваемый принцип относится и к организации су-

¹ О судебной системе Российской Федерации: Федер. конст. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 13, ст. 1447.

² Амирбеков К. И. Трансформация взглядов на понимание законности как правовой категории // Российская юстиция. – 2016. – № 4. – С. 2.

дебной власти, а точнее судебной системы, что еще раз доказывает условность любой классификации в исследуемой сфере.

Еще один не менее значимый принцип правосудия – независимость судей и подчинение их только Конституции РФ и Федеральному закону. По нашему твердому убеждению, данный принцип связан с предыдущим более, чем все остальные. Согласимся с утверждением, согласно которому в концепции совершенствования судебной системы обеспечение независимости судей является первостепенной, приоритетной задачей¹. Судья должен находиться только в одной зависимости – в зависимости от закона. В связи с этим важная роль отводится гарантиям независимости судей, закрепленным в принципах неприкосновенности судей, их несменяемости, а также в принципе финансирования судов только из федерального бюджета. Должен быть закреплен такой порядок финансирования судебной власти, который, прежде всего, обеспечивал бы реализацию принципов правосудия, а тем самым возможность полного и независимого осуществления правосудия. Но, как было отмечено на IX Всероссийском съезде судей, объем финансирования для выполнения мероприятий, предусмотренных федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», является недостаточным². В связи с этим съезд счел необходимым обратиться к Президенту РФ с просьбой дать поручение Правительству РФ рассмотреть вопрос о выделении из федерального бюджета дополнительных денежных средств³.

Гласность судебного разбирательства – еще один конституционный принцип осуществления правосудия. Правосудие должно быть прозрачным и ясным, прежде всего, для тех, чьи интересы оно призвано защищать. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»⁴, проект которого разработан Верховным Судом РФ, уста-

¹ Макарова О. В. Обеспечение независимости судей в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 95.

² Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе: постановление IX Всероссийского съезда судей. 08 дек. 2016 г. г. Москва // Российская юстиция. – 2017. – № 2. – С. 46–47.

³ Там же.

⁴ Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федер. закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1), ст. 6217.

новил основные принципы обеспечения доступа к информации о деятельности судов.

Принцип состязательности и равноправия сторон представляет собой важнейшее демократическое и процессуальное начало, которое создает максимально благоприятные условия для установления истины и вынесения справедливого судебного решения. Как институт, призванный обеспечивать состязательность процесса, современная концепция судебной реформы в России рассматривает присяжных заседателей, отводя ему заметную роль в демократизации уголовной юстиции. На современном этапе по инициативе Президента РФ скорректировано количество присяжных заседателей в судах и введен институт присяжных в районные, а также гарнизонные суды¹. По нашему мнению, эти изменения в законодательстве и практика их реализации должны способствовать развитию судебной системы.

Важным принципом и организации судебной власти, и осуществления правосудия является принцип государственного языка судопроизводства. Судопроизводство в судах Российской Федерации ведется на русском языке. В республиках судопроизводство может вестись также на государственном языке республики.

Еще один принцип – принцип презумпции невиновности, означающий предположение невиновности, на наш взгляд, справедливо признается основополагающим принципом уголовного судопроизводства. Данный принцип считается важнейшим условием неприкосновенности личности и является важнейшим принципом осуществления правосудия. Согласимся с утверждением, в соответствии с которым тот факт, что данный принцип закреплен в важнейшем главном нормативно-правовом акте России, обуславливает гуманность политики нашего государства по отношению к личности². Это утверждение соотносится с принципом недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление, о чем гласит ст. 50 Конституции РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В действующем законодательстве содержатся и другие положения, являющиеся принципами правосудия. Например,

¹ Максимов В. В. IX Всероссийский съезд судей // Российская юстиция. – 2017. – № 2. – С. 1.

² Вакарина Е. А. Право на сочетание государственной защиты с возможностями самозащиты // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: матер. 6-ой Всерос. науч.- практ. конф., 20 мая 2016 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – С. 80.

принцип осуществления правосудия на началах равенства всех перед законом и судом, закрепленный в ст. 19 Конституции РФ¹. Обеспечение каждому гражданину судебной защиты его прав и свобод впервые в нашем государстве предусмотрено Конституцией 1993 года. Признание права на судебную защиту в качестве принципа осуществления правосудия означает, что правосудие является наиболее эффективным средством защиты прав личности, а порой и единственным. Следует признать, что судебное разбирательство в наибольшей степени гарантирует объективное и беспристрастное рассмотрение дела, принятие законного и обоснованного решения. Свободу доступа к защите, осуществляемой судами, принято считать одним из элементов демократии, признаком правового государства.

Совершенствование эффективности судебной системы – необходимое условие модернизации России. Одним из путей повышения качества осуществления правосудия и совершенствования судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций стало утверждение федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы». Ее задачи – обеспечение открытости и доступности правосудия; создание необходимых условий для осуществления правосудия; обеспечение независимости судебной власти; построение эффективной системы исполнительного производства, повышение открытости и доступности системы принудительного исполнения; модернизация судебно-экспертной деятельности, осуществляемой государственными судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции РФ². Как видим, первоочередной задачей является обеспечение реализации принципов, лежащих в основе правосудия.

О значении принципов правосудия говорил В. В. Путин на торжественном заседании по поводу 95-летия Верховного Суда России 23 января 2018 года, отметив, что «...в начале 1990-х годов Верховный Суд, по сути, стал движущей силой тех преобразований, которые кардинально изменили российскую судебную систему, заложили в ее основу такие базовые принципы, как независимость, доступность, открытость правосудия, несменяе-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 года. – М.: Проспект, 2017.

² О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы»: постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 14.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 1, ст. 13.

мость и неприкосновенность судей, состязательность судебного процесса. Разумеется, проблем еще достаточно, но базовые принципы были заложены, и они совершенствуются, укрепляются». Президент подчеркнул, что правоприменительная практика должна формироваться с учетом самой жизни, поэтому работа Верховного Суда РФ по толкованию нормативных актов обязательно должна отвечать «запросам граждан, экономике и современной эпохе»¹. Обобщение судебной практики Верховным Судом РФ, в особенности после объединения его с Высшим Арбитражным Судом РФ, обеспечивает единообразное понимание и применение норм права, тем самым способствуя реализации конституционных принципов верховенства закона и равенства перед законом и судом, как и всех других принципов правосудия.

Завершая рассмотрение темы, важно отметить, что вся сознательная человеческая деятельность, в том числе деятельность судебных органов по осуществлению правосудия, базируется на определенных принципах, создающих в ней определенный необходимый порядок. По мнению Г. Т. Чернобель, задача научных принципов – элиминировать единичное, случайное, ложное посредством глубинного и объективного обобщения, отразить нечто типичное, всеобщее, закономерное в социальной универсальности и на этой основе осуществлять определенную целевую деятельность в соответствии с теми или иными человеческими потребностями, интересами². Соглашаясь с автором, добавим, что, по нашему твердому убеждению, самое главное, чтобы принципы, а в нашем случае это принципы правосудия, закрепленные в законе, независимо от того, к какой группе согласно классификации они относятся, всегда соблюдались.

Библиографический список

1. Амирбеков К. И. Трансформация взглядов на понимание законности как правовой категории // Российская юстиция. – 2016. – № 4. – С. 2–5.

¹ Президент выступил на торжественном собрании, посвященном 95-летию Верховного Суда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/56688> (дата обращения: 24.01.2018).

² Чернобель Г. Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 85.

2. *Бутурлина Е. С., Митрясова А. В.* Принципы конституционного судопроизводства: понятие, система и значение // Ленинградский юридический журнал. – Санкт-Петербург, Пушкин АОУ ВПО «ЛГУ им. А. С. Пушкина». – 2013. – № 4 (34). – С. 133–139.

3. *Вакарина Е. А.* Право на сочетание государственной защиты с возможностями самозащиты // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: матер. 6-ой Всерос. науч.- практ. конф., 20 мая 2016 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – С. 78–81.

4. *Киселев В. С.* К вопросу о классификации конституционных принципов организации и функционирования судебной власти // Государство и право. – 2015. – № 6. – С. 102–104.

5. *Нарутто С. В., Несмеянова С. Э., Шугрина Е. С.* Конституционный судебный процесс: учебник для магистрантов, аспирантов, преподавателей. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2014. – 432 с.

6. *Макарова О. В.* Обеспечение независимости судей в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 95–104.

7. *Максимов В. В.* IX Всероссийский съезд судей // Российская юстиция. – 2017. – № 2. – С.1.

8. *Рассказов А. П.* Теория государства и права. 4-е изд. – М.: Инфра-М, РИОР, 2013. – 463 с.

9. *Чернобель Г. Т.* Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 84–94.

О. А. Герасимов

доцент кафедры предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»
кандидат юридических наук, доцент
goa@e-tagil.ru

**ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ**

**THE RIGHT OF OWNERSHIP AS A WAY TO ENSURE THE EFFI-
CIENCY OF LEGAL REGULATIONS IN THE REAL SECTOR OF
THE ECONOMY**

В статье рассматривается право собственности как средство обеспечения эффективности правового регулирования имущественных отношений, возникающих в реальном секторе экономики. Эффективность правового регулирования реального сектора экономики может быть обеспечена за счет умелого взаимодействия правовых средств между собой и укрепления их системной взаимосвязи. Право собственности в реальном секторе экономики имеет свои особенности. В отличие от права собственности в процессе потребления в производственном цикле оно переплетается со множеством иных правоотношений, которые опосредуют производственный процесс в целом. Суть формационных и цивилизационных различий права собственности кроется именно в пределах осуществления права собственности и запретах, которые установлены для собственника. Отношения собственности в реальном секторе экономики нуждаются в специальном правовом регулировании. Объекты права собственности в реальном секторе экономики имеют, помимо частного, особое общественное значение. Запреты и обязанности должны были быть направлены на обеспечение общественных интересов. Необходимо установить дополнительные обязанности собственника по содержанию имущества, используемого в предпринимательской деятельности. Должны быть установлены критерии оборотоспособности отдельных промышленных объектов, а для каждой сферы реального сектора экономики – публично-правовой порядок правонаделения. Отсутствие развитого правового регулирования возникновения права собственности свидетельствует о неэффективности.

Ключевые слова: эффективность правового регулирования; средства правового регулирования; частноправовые средства; предпринимательская деятельность; право собственности; содержание права собственности; ограничения права собственности; пределы осуществления права собственности; правонаделение; пределы осуществления права собственности; производственный цикл.

The article examines the right of ownership as a way to ensure the effectiveness of legal regulation of property relations in the real sector of the economy. The effectiveness of the legal regulations of the real sector of the economy can be ensured through the skillful interaction of legal means among themselves and by strengthening their systemic relationship. The property right in the real sector of the economy features its own unique characteristics. Unlike the property right in the process of consumption of the production cycle, it is intertwined with many other legal relationships that intermediate the production process as a whole. The essence of formational and civilizational differences in property rights lies in the implementation of property rights and restrictions that are established for the owner. Property relations in the real sector of the economy require special legal regulation. Items of property in the real sector of the economy have, in addition to private, a special social significance. In this regard, bans and duties should serve the public interest. It is necessary to establish additional duties of the owner on the maintenance of the property which is used in entrepreneurial activity. Criteria for the tradability of individual industrial facilities should be established. For each sphere of the real sector of the economy, it is necessary to establish a public legal order for appropriation. The lack of a developed legal regulation of the emergence of property rights testifies to its inefficiency.

Keywords: efficiency of legal regulation; means of legal regulation; private legal means; business activity; property rights; content of ownership; restriction of property rights; limits of the exercise of property rights; right assignment; limits of the exercise of property rights; production cycle.

Правовое регулирование отношений собственности в реальном секторе экономики имеет свои особенности. К основным частноправовым средствам повышения эффективности правового регулирования предпринимательских отношений в реальном секторе экономики относятся нормы института права собственности. Собственность является базовым экономическим отношением, пронизывающим всякую экономику. Понятие собственности многозначно, но нам представляется правильным использовать его в виде экономического отношения. Собственность как отношение проистекает из общеправового гегельянского воззрения о том, что собственность – это продолже-

ние личности человека в вещах¹. С юридической точки зрения совершенно неважно, о какой именно личности идет речь – о физическом лице, юридическом лице или отделяемом российским гражданским законодательством от юридических лиц публичном образовании.

Будучи продолжением личности в вещах, совершенно логичен вывод о том, что личности вступают в отношения между собой через свои вещи. Совокупность таких отношений образует экономический оборот всей страны.

Первичность собственности означает с философских воззрений рост личности в материальном мире, распространение себя во все большее количество вещей. Психологически даже простое осознание чьей-либо собственности дает представление о самой личности, обладающей той или иной вещью. Проекция социально-экономической и психической действительности в право означает наличие определенных правовых норм, регулирующих соответствующие отношения. Таким образом, право собственности получает закрепление в нормах гражданского права.

В правовой системе мы видим, что право собственности стоит несколько особняком в силу своей абсолютности от всех остальных прав, в том числе вещных. Абсолютное правоотношение собственности понимается как противостояние определенному управомоченному собственнику неопределенному кругу пассивно обязанных лиц. Но поскольку понятие «неопределенности» для человеческой психики немыслимо и само по себе понятие в действительности не получает никакого определения, представляется правильным понимать «неопределенный круг лиц» как исключительно правовое понятие, обозначающее безразличное отношение объективно-правовых норм к лицам, с которыми вступает в правоотношение собственник.

Иными словами, право собственности представляет собой по своему существу отношение, при котором собственник хотя и вступает в отношения с большим количеством лиц путем, к примеру, пользования вещью, тем не менее для права данное число лиц и их качество не имеет правового значения².

¹ Соловьев В. С. *Оправдание добра: сочинения*. В 2 т. Т. 1. – М., 1988. – С. 432.

² Карнушин В. Е. Абсолютное правоотношение права собственности через призму его ограничений // *Власть Закона*. – 2014. – № 1. – С. 91–101; Камышанский В. П., Карнушин В. Е. *Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект*. – М.: Статут, 2016. – С. 80.

Несмотря на эту уникальность правоотношения собственности и его обособленность от всех других правоотношений в экономике, данные отношения не существуют изолированно. По указанию С. И. Аскназия, вещные права призваны выражать социально-экономические отношения производства и потребления, а обязательственные права – обращения и распределения¹. В своей совокупности экономические отношения образуют единый воспроизводственный цикл материальных благ. Право собственности, наряду с другими вещными правами, выражает лишь отдельный участок данного воспроизводственного цикла. При этом на практике далеко не всегда возможно выделить данный участок. Ранее попытка выделения экономических отношений, входящих в производственный цикл и опосредуемых правом собственности, сводилась лишь к обозначенной выше позиции С. И. Аскназия. Однако С. И. Аскназий попытался продвинуться еще дальше: для включения материальных благ в процессе производства необходимо присвоение материальных благ (вещей)².

Между тем усложнение производственных отношений в современном обществе не предполагает простого присвоения вещей. Производственный процесс сам по себе предполагает процесс создания вещей, а создание вещей делается за счет собственного или привлеченного труда. Привлечение труда осуществляется и в рамках обязательственных правоотношений, поэтому полностью отбросить в сторону обязательства как правоотношения, не опосредующие процесс производства, нельзя. Иной смысл приобретет процесс потребления – в данном случае он почти полностью будет опосредоваться правом собственности.

Таким образом, мы можем выделить основную особенность права собственности, участвующего в производственном цикле. В отличие от права собственности в процессе потребления оно буквально окружено множеством иных правоотношений, которые опосредуют производственный процесс в целом.

В законодательстве нет разделения права собственности на право собственности в предпринимательском праве и право собственности в общегражданском праве. Законодательное тождество обеих разновидностей права собственности упрощает правовое регулирование. Между тем, на наш взгляд, экономическое

¹ Аскназий С. И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. – М.: Статут, 2008. – С. 528–529

² Аскназий С. И. Указ. соч. С. 531.

содержание права собственности в предпринимательском праве существенно отличается от экономического содержания права собственности в общегражданском праве. Правильнее даже особняком выделять право собственности, существующее в области производственных отношений и в предпринимательском праве.

В современной науке не найти исследований, посвященных специально предпринимательскому праву собственности. Связано это с традиционно сложившимся законодательным регулированием отношений собственности, причем не только в РФ, но и в зарубежных правовых порядках. Во французском и немецком законодательстве порядок формирования систем предпринимательского (торгового) права выстраивался по остаточному принципу путем введения специальных норм. В связи с возможностью регулирования отношений собственности общегражданскими нормами принято считать, что необходимость отдельного правового регулирования отношений предпринимательской собственности отсутствует.

Вместе с тем введение отдельных предпринимательских норм, регулирующих отношения собственности в предпринимательской сфере, было бы весьма полезным и способствовало бы более успешному развитию реального сектора экономики. Такие нормы могли бы стать эффективным правовым средством достижения экономических целей.

Следует отметить, что попытка выделения специфики норм института права собственности в части установления состава имущества в предпринимательских отношениях предпринята В. С. Белых. Предлагается имущество, используемое в предпринимательской деятельности, разделять на совокупность основных и оборотных средств, нематериальных активов, а также капиталов, фондов и резервов¹. Предлагаемая классификация имущества не имеет правового значения, поскольку имущество делится в зависимости от своего целевого назначения. Такая классификация гражданскому праву в настоящее время не присуща. Между тем она может быть весьма полезна в научно-познавательных целях и применена к производственному праву, во всяком случае, к той его части, которая является частью предпринимательского права.

¹ Предпринимательское право России: учебник / В. С. Белых, Г. Э. Берсункаев, С. И. Виниченко [и др.]; отв. ред. В. С. Белых. – М.: Проспект, 2008. – С. 260.

Для того чтобы выявить степень эффективности правового регулирования производственных отношений нормами о праве собственности, необходимо рассмотреть основные правила законодательства РФ, регулирующие отношения собственности. Системообразующей нормой ГК РФ является ст. 209 ГК РФ. Она определяет право собственности как субъективное гражданское право. Формулировка п. 2 ст. 209 ГК РФ относится к нормам дозволения, поскольку в ней установлено свободное усмотрение собственника. Однако, как известно, всякое субъективное право имеет свои границы.

С. Н. Братусь указывал на тот факт, что субъективное право является определенной мерой возможного поведения¹. Это относится и к праву собственности. Несмотря на то, что право собственности считается продолжением личности, а значит, и свободы личности в вещах, оно существует в известных границах. Само по себе наличие и содержание права собственности уже ограничивает свободу собственника. С этой точки зрения, право собственности можно рассматривать как право, сформулированное в чрезвычайно широких границах нормы-предписания. В ходе анализа норм, посвященных праву собственности, особый интерес представляют именно его границы. Праву в целом абсолютно безразлично, как будет использоваться предоставленный собственнику уровень свободы в границах, установленных законом.

Именно поэтому формулировка права собственности через триаду правомочий собственника вызывает определенные дискуссии в науке. С. Н. Братусь справедливо считает, что собственность не является суммой правомочий владения, пользования и распоряжения². Сама по себе триада, с одной стороны, не имеет для собственности содержательного смысла, это лишь формула определения права собственности. С другой, – на наш взгляд, совершенно не нужно определять все содержание права собственности в позитивных правилах поведения. Следует лишь указать на те действия, которые собственнику запрещено делать, либо которые он обязан совершать в силу своего титула. Это вполне укладывалось бы в методологию гражданского права.

¹ Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. – М.: Юриздат, 1947. – С. 34.

² Право собственности в СССР: сб. статей / под ред. Ю. К. Толстого, В. Ф. Яковлева. – М., 1989. – С. 58; Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. – М.: Статут, 2010. – С. 204.

Французский гражданский кодекс (ФГК), являющийся примером не всегда определенных для практического толкования правовых норм, в отношении права собственности содержит следующее правило: «правом собственности является право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее полным образом, при условии соблюдения запретов пользования, установленных законами или регламентами» (ст. 544 ФГК)¹. Как видим, Кодекс Наполеона использует иной подход. Условно его можно назвать сравнительным, так как имеется указание на распоряжение и пользование вещью «наиболее полным образом». Наиболее полным здесь означает то, что полнее и богаче по содержанию права собственности права не может быть иного вещного права. Это самое широкое по содержанию право, имеющееся в цивилистике в целом, независимо от времени, социально-экономического строя или системы законодательства.

В Германском гражданском уложении (ГГУ) принят другой подход: собственник вещи может в той мере, в какой тому не препятствуют закон или права третьих лиц, распоряжаться вещью по своему усмотрению и устранять любое воздействие со стороны других лиц. Собственник животного при осуществлении своих правомочий должен соблюдать специальные правила об охране животных (§ 903 Правомочия собственника)². В данном случае указано на правомочия собственника с учетом возможных запретов, а также подчеркивается отличие права собственности в его исключительном правомочии распоряжения, которое в максимально полном объеме представлено только в этом праве.

В Концепции развития гражданского законодательства³ предлагалось воспользоваться именно германским подходом. Суть пункта 3.2. Концепции не в том, что он определял пункт через триаду правомочий, а в том, что устанавливал лишь пределы права собственности, указывая на запреты осуществления того, что запрещено делать собственнику. В экономическом смысле,

¹ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 4–592.

² Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – С. VIII–XIX, 1–715.

³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.

опираясь на свободу экономической деятельности, нормы о праве собственности должны быть именно такими.

Суть формационных и цивилизационных различий права собственности кроется именно в пределах осуществления права собственности и запретах, которые установлены для собственника. Пределы, ограничения и запреты также полностью зависят от субъекта права собственности, то есть от формы собственности, а также от объектов права собственности.

Право публичной собственности ввиду того, что публичному собственнику принадлежит публичная власть, всегда будет полнее и шире права частной собственности, поскольку частный собственник такой властью не обладает. Помимо этого существует и ряд иных законодательных отличий. Ограничения права собственности часто устанавливаются в отношении права частной собственности.

Для дальнейшего рассмотрения права собственности как частноправового средства регулирования предпринимательской деятельности следует остановиться на пределах и ограничениях права собственности. Пределам и ограничениям права собственности посвящена, в частности, работа В. П. Камышанского¹. В работе систематизированы и изложены взгляды ученых о пределах и ограничениях права собственности. Предел всякого субъективного права понимается как естественная граница возможностей управомоченного лица, как ограничение его свободы². Г. Дернбург указывал на то, что господство собственника заканчивается там, где теряется возможность использовать свою власть в отношении вещи³.

Всякое право лишь постольку может признаваться правом, поскольку имеет пределы и является определенным. Только в случае определенности самого права можно говорить о том, что оно становится средством достижения социальных целей⁴. Установление пределов права собственности необходимо также для ин-

¹ Камышанский В. П. Пределы и ограничения права собственности: монография. — Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2000. — 224 с.

² Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: круглый стол // Государство и право. — 1998. — № 7. — С. 24.

³ Дернбург Г. Пандекты. Т. 2: Вещное право. 6-е изд., испр. (Берлин, 1900 г.). — СПб., 1905. — С. 81.

⁴ Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. — 1992. — № 3. — С. 96.

дивидуализации субъективного права собственности среди любых других возможностей и субъективных прав.

Вполне очевиден вывод о том, что господство разных собственников имеет разные пределы¹. Сфера господства государственного собственника имеет значительно большие пределы и значительно более широкую свободу, нежели господство частного собственника. По логике для обеспечения равенства таких форм собственности следует устанавливать внутренние законодательные (нормативные) ограничения права собственности, которые существуют в рамках таких пределов². Ограничения, таким образом, по своему существу схожи с пределами, однако сужают саму свободу в рамках уже определенных границ. Ограничение существует в рамках определенного понятия. Оно сужает его установленный объем³.

Логический объем права собственности разных собственников не совпадает. Поэтому единственный способ достижения баланса интересов обладателей различных форм собственности – это регулирование отношений собственности при помощи ограничений. Между тем следует обратить внимание на то, что в программных установках Конституции РФ, а также в основных нормах ГК РФ о праве собственности равенство всех форм собственности не предполагается. Согласно п. 1 ст. 212 ГК РФ в РФ признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности, а согласно п. 4 ст. 212 ГК РФ все формы собственности защищаются равным образом.

То есть о равенстве правомочий не может идти речи. Тем не менее общечеловеческие ценности и цели, провозглашенные Конституцией РФ, говорят в пользу того, что приоритет должен отдаваться частной свободе и частной собственности.

Неравенство правомочий не означает их полного изъятия, как считает Б. С. Эбзеев⁴. Учитывая саму по себе условность три-

¹ Советское гражданское право. Т. 1 / под ред. Ю. Х. Калмыкова, В. А. Тархова. – Саратов, 1991. – С. 236.

² Камышанский В. П. Пределы и ограничения права собственности: монография. – Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2000. – С. 15

³ Философская энциклопедия. Т. 2 / под ред. Ф. В. Константинова. – М., 1960. – С. 131.

⁴ Эбзеев Б. С. Ограничения конституционных прав // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Ч. 1. – Н/Новгород, 1998. – С. 24.

ады, неверно сводить ограничения прав к изъятию правомочий¹. На наш взгляд, даже вещные права, обременяющие отдельные правомочия, лишь стесняют единый статус собственника, который не может быть разделен на отдельные правомочия.

Указание на ограничение конкретного правомочия используется законодателем в известной степени для удобства. С этих позиций, на наш взгляд, более эффективным было бы указание на запрет собственнику осуществлять определенные действия. Именно такой стиль изложения правовых норм позволяет более ясно доводить волю законодателя до правоприменителя нормы.

Ю. Н. Андреев определяет ограничения прав как установление границ (пределов), их реализации и осуществления, предусмотренных законом в публичных и частных интересах, сдерживающих (стесняющих) полномочия правообладателей с помощью ограничительных мер (запретов, обязываний, приостановления и т.п.) с целью гармоничного сочетания общественных, государственных и частных интересов². Из определения не вытекает четкого разделения между пределами и ограничениями, однако содержится указание на способы ограничений, среди которых мы признали наиболее эффективным установление запретов, и на предмет этих ограничений – частные или публичные интересы.

Полагаем, всякое ограничение имеет два предмета (объекта): предмет, который ограничивается, и предмет, которым ограничивают первый предмет. Применительно к праву собственности это означает, что право собственности будет выступать первичным предметом, который ограничивают, а вторичным предметом будет являться субъективное право или охраняемый законом интерес, в интересах которого ограничивается право собственности.

Вторичный предмет ограничений является самым разнообразным, он по-разному регламентируется в различных законодательствах. В. И. Курдиновский писал о том, что право собственности ограничено законом и может ограничиваться в порядке, установленном законом³. Ограничения права собственности возлагают на собственника обязанности, которые, по указанию В. И.

¹ Андреев Ю. Н. Ограничения в гражданском праве России. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – С. 15.

² Андреев Ю.Н. Указ. соч. С. 25.

³ Курдиновский В. И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России. – Одесса, 1899. – С. 7, 8.

Курдиновского, существуют в интересах общего блага и обезличены¹. К примеру, согласно ст. 210 ГК РФ по общему правилу собственник несет бремя содержания своего имущества.

Бремя содержания имущества является обязанностью собственника, однако следует обратить внимание на характер этой обязанности. Такая обязанность, безусловно, ограничивает свободу усмотрения при осуществлении права собственности, но в то же время такая обязанность образует правоотношение с неопределенным кругом управомоченных лиц. Данное правоотношение является таким же абсолютным, однако в этом случае существует лишь обязанный индивидуально-определенный субъект (собственник).

Такие обязанности получают закрепление в отдельных специализированных статьях ГК РФ. Так, согласно ст. 293 ГК РФ, если собственник жилого помещения использует его не по назначению, систематически нарушает права и интересы соседей либо бесхозяйственно обращается с жильем, допуская его разрушение, орган местного самоуправления может предупредить собственника о необходимости устранить нарушения, а если они влекут разрушение помещения – также назначить собственнику соразмерный срок для ремонта помещения. Бесхозяйственное обращение с жильем является неисполнением обязанности по содержанию своего жилого помещения.

Следует отметить, что право собственности в реальном секторе экономики должно получать, на наш взгляд, специальное регулирование. Думается, что вполне логично было бы установить дополнительные обязанности собственника по содержанию имущества, используемого в предпринимательской деятельности. Такое положение помогло бы избежать ряд экономически нецелесообразных и даже опасных действий собственников. Ни для кого не секрет, что в период приватизации государственного имущества, непосредственно после приватизации промышленные предприятия перепродавались по частям, имущество, составляющее средства производства, продавалось за бесценок или вовсе уничтожалось. Вместе с тем при наличии императивной общей нормы в ГК РФ большинство хищнических действий «новых» собственников имущества можно было бы избежать.

Объекты права собственности в реальном секторе экономики имеют, помимо частного, особое общественное значение. В

¹ Курдиновский В. И. Указ. соч. С. 13.

этой связи запреты и обязанности должны были быть направлены на поддержание и развитие этого общественного значения.

Психологически вновь созданное промышленное предприятие является своего рода детищем создателя. К такому объекту права собственности возникает особое психическое отношение, коренным образом отличающееся от отношения, которое возникает при производном приобретении права собственности, например, если его выкупили.

Советское государство, являясь собственником промышленных активов, по своему существу являлось единственным эксплуататором труда наемных людей, за счет которых создавались такие промышленные активы. В то же время именно подобный труд представляет ценность для всего общества и должен в связи с этим охраняться законом. Государство не воспринималось как некоторая личность. Поэтому труд в действительности приобретал общественный (общепользней) характер.

Вместе с тем приобретение чего-либо созданного совершенно по-другому воспринимается лицами, которые не прикладывали труда к созданию приобретаемого объекта. Отношение таких людей всегда, прежде всего, будет направлено на получение исключительно денежной прибыли и удовлетворение лишь собственного интереса. Однако учет общественных интересов просто необходим. Он может быть достигнут как раз при помощи норм гражданского законодательства, устанавливающих обязанности собственников. В федеральном законе о приватизации государственного и муниципального имущества также не представляется возможным найти такие обязанности частных собственников¹.

В начале 90-х годов XX века существовала концепция о том, что частный собственник является более эффективным собственником по сравнению с государственным. Однако, на наш взгляд, нет никакой зависимости между формой собственности и эффективностью управления ею, критерием является именно факт развития и увеличения собственности за счет собственного или привлеченного труда. Если такой процесс наблюдается, то право должно поощрять таких собственников, предоставляя им больше свободы. Если наблюдается регресс, то должна быть выверена научно обоснованная система обязанностей собственника приме-

¹ О приватизации государственного и муниципального имущества: Федер. закон от 21 дек. 2001 г. № 178-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нительно к каждой практической ситуации, которая бы не позволяла приводить к ухудшению и уменьшению потребительских свойств объектов права собственности.

Развитая система обязанностей собственника – это способ обеспечения публичных интересов. Дело в том, что управомоченность неопределенного круга лиц является управомоченностью общества. В качестве предпосылки такого правомочия выступает публичный интерес. Установление обязанностей собственника – один из способов эффективного правового регулирования посредством ограничений права собственности. Аналогичный подход должен иметь место и в отношении публичных сервитутов.

Что касается ограничений права собственности в интересах частных, то сюда следует относить как систему ограниченных вещных прав, которые вызывают ограничения свободы у собственника, так и любое обязательственное правоотношение, затрагивающее отношения, связанные с объектом права собственности. Это касается пределов и ограничений содержания права собственности, а также определения их роли при выделении отдельных форм собственности.

Между тем ограничения могут затрагивать и объекты права собственности, ограничивая их оборотоспособность. Некоторые виды имущества могут находиться только в государственной или муниципальной собственности (абзац 2 п. 3 ст. 212 ГК РФ). Специальные законы, ограничивающие оборотоспособность объектов, касаются лишь отдельных объектов экологического законодательства (природных объектов), а также объектов, необходимых для обеспечения обороны и безопасности государства.

В свою очередь изъятие объектов из оборота не имеет ничего общего с созданными средствами и орудиями производства, объектами реального сектора экономики. На наш взгляд, должны быть установлены критерии оборотоспособности отдельных промышленных объектов и обоснованы экономической наукой. Например, в Воздушном кодексе РФ установлено, что имущество авиации (все и без изъятий, включая аэропорты) может находиться в собственности физических, юридических лиц, а также государственной и муниципальной собственности (ст. 7 ВК РФ)¹. При этом не совсем ясно, чем обосновывается существование данной нормы права, в соответствии с которой в собственности

¹ Воздушный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

физического лица может находиться пассажирский авиалайнер вместимостью более 300 человек. Каких-либо ограничений для права собственности не установлено, а также не вполне понятно, зачем устанавливать режим права частной собственности в отношении таких стратегических объектов, как аэропорты.

Следует отметить, что режим оборотоспособности объектов гражданских прав определен в общей норме п. 2 ст. 129 ГК РФ (законом или в установленном законом порядке могут быть введены ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав, в частности, могут быть предусмотрены виды объектов гражданских прав, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо совершение сделок с которыми допускается по специальному разрешению). По не вполне понятным причинам норма была уточнена в абзаце 2 п. 3 ст. 212 ГК РФ. Думается, что дублирующее положение абзаца 2 п. 3 ст. 212 ГК РФ может быть исключено, поскольку в п. 2 ст. 129 ГК РФ содержится более полное и детальное положение, не требующее развития в других нормах права, применительно к субъектам права собственности.

Рассмотренный пример законодательной техники не может быть признан эффективным средством правового регулирования. Напротив, специальным законодательством должны быть определены на основании научно обоснованных критериев объекты прав, которые ограничено оборотоспособны.

Ограничения права собственности могут касаться и динамики самого правоотношения собственности – его оснований возникновения, прекращения и изменения. Динамике правоотношения собственности посвящена большая часть обязательственного права.

Ввиду предмета исследования нас интересует лишь часть норм (гипотез правовых норм), касающаяся предпринимательского и производственного права. В ГК РФ приобретению права собственности посвящена гл. 14. По не вполне объяснимым причинам в общих положениях о праве собственности – ст. 217 ГК РФ, посвященная приватизации государственного и муниципального имущества. В самом общем виде приватизация понимается как возмездное отчуждение имущества, находящегося в публичной собственности, в частную собственность¹, то есть приватиза-

¹ Дубец Е. К. Проблемы приватизации государственного имущества: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 175 с.

ция является лишь производным способом приобретения права собственности.

Производные способы приобретения права собственности в случае их возмездности опосредуются обязательствами об отчуждении имущества, в подавляющем большинстве своем являются предпринимательскими обязательствами. Однако такие обязательства не связаны с производственной деятельностью, предполагающей процесс создания материальных благ, то есть в этом случае нас интересуют именно первоначальные способы приобретения права собственности.

В российском правопорядке нет развитой системы норм права, регулирующей такие производственные отношения, поэтому необходимо исследовать имеющиеся нормы. Основной нормой является абзац 1 п. 1 ст. 218 ГК РФ: право собственности на новую вещь, изготовленную или созданную лицом для себя с соблюдением закона и иных правовых актов, приобретается этим лицом.

Норма предполагает создание вещи за счет собственного или наемного труда (в силу трудовых отношений). С этой позиции норма права весьма логична и отвечает требованиям развития рыночной экономики. В то же время она очень узка. В частности, из нормы не вытекает никакой возможности возникновения права собственности, если она создается по гражданско-правовому договору.

Имеющиеся диссертационные исследования касаются в основном производных способов приобретения права собственности¹. В действительности, когда речь идет о создании вещи, то правильнее говорить не о приобретении права собственности, а о его возникновении. Этимологически не вполне корректно говорить о первоначальном приобретении права собственности, поскольку в таком случае термин «приобретение» носит субъективный характер. Приобретение воспринимается как возникновение права собственности для конкретного лица им самим (лицом). С объективной стороны право собственности возникает из ниоткуда².

¹ Лисаченко А. В. Приобретение права собственности: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 195 с.

² Васюта Д. В. Понятие и виды способов и оснований приобретения (возникновения) права собственности // Юрист. – 2015. – № 24. – С. 16–20.

Возникновение права собственности – это особое явление, связывающее состояния отсутствия и наличия субъективного права. В большей мере процесс возникновения права собственности сосредоточен вне правовой области – это экономическая трудовая сфера. Такое отсутствие развитого правового регулирования возникновения права собственности свидетельствует о неэффективности правового регулирования данной сферы предпринимательской деятельности.

Несмотря на возможную критику догматиков-цивилистов, следующих строгому разделению вещных и обязательственных прав в гражданском праве, а также не допускающих смешение элементов вещных и обязательственных прав в единых институтах, думается, что экономически было бы правильно предоставить приоритет вещным правам перед обязательствами. В частности, речь идет об универсальности применения некоторых способов защиты права, используемых исключительно для защиты вещных прав.

В отношении недвижимого имущества существует общая норма статьи 219 ГК РФ, устанавливающая момент возникновения права собственности на недвижимое имущество (момент государственной регистрации), а также специальная норма, посвященная приобретению права собственности на самовольную постройку (ст. 222 ГК РФ). В РФ существует лишь порядок признания права на самовольную постройку – объект, созданный в результате строительной деятельности.

В научных статьях справедливо указывается на то, что споры о признании права собственности не сводятся к тому, что ответчик оспаривает или не признает права, а нацелены лишь на оценку точности соблюдения градостроительных норм и правил. В этой связи правильнее говорить не о признании права, а о наделении правом¹. На наш взгляд, должен существовать эффективный механизм правонаделения в отношении создаваемых объектов гражданских прав, причем не только в отношении самовольных построек, который в современности превратился не в механизм защиты гражданских прав, а механизм контроля за соблюдением градостроительных норм и правил.

В отношении правонаделения существует и иное понимание. В частности, О. Г. Ломидзе считает, что это установление

¹ *Латыпов Д. Н.* Особенности признания права как способа защиты гражданских прав // Журнал российского права. – 2013. – № 9. – С. 60–71.

субъективного права лица в отношении одного социального блага, в отношении которого ранее было установлено субъективное право другого лица¹. В отношении создаваемых объектов прав тем самым использование понятия «правонаделения» не предполагается. На наш взгляд, правонаделение как раз должно предполагать то, что субъективное право предоставляется лицу не от такого же равноправного с ним субъекта, а вверяется ему государством в силу правовых норм, а вернее специфических гипотез правовых норм².

В ГК РФ представлена норма ст. 220 ГК РФ, устанавливающая приобретение права собственности на переработанную вещь. Логика статьи весьма проста и отвечает экономическим реалиям: если труд, затраченный на переработку, выше стоимости исходных вещей (материалов), то правом собственности может быть наделен субъект, который переработал вещь своим трудом. В противном случае право собственности признается за субъектом, который является собственником материалов.

В то же время статья ограничена своим применением лишь в отношении движимых вещей, что является недостатком. Правильнее было бы расширить применение статьи о переработке на все имущество вообще. В таком случае признание права собственности на самовольную постройку являлось бы лишь специальным механизмом по отношению к переработке (перестройке, переделке вещей). Гражданское право было бы лишено публичных элементов, которыми насыщена ст. 222 ГК РФ, а также практика ее применения. Для реального сектора экономики гораздо важнее обеспечить механизм трансформации труда в установление субъективных прав.

Сегодня наблюдаются совершенно противоположные тенденции. Так, на экономическом форуме 2017 года акцент был сосредоточен на криптовалютах, блокчейнах и развитии финансового сектора экономики³. Сами по себе криптовалюты, как

¹ Ломидзе О. Г. Правонаделение в гражданском законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д, 2003. – С. 8.

² Латыпов Д. Н. Признание права как способ защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. – Пермь, 2010. – С. 78.

³ Мартынкевич Г. Э. Путин и Бутерин. Блокчейн. ПМЭФ-2017 [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2017/6/9/putin_i_buterin_blokchejn_pme_f_2017; Игорь Шувалов обозначил три главных направления развития блокчейна в России [Электронный ресурс]. URL: <http://forklog.com/igor-shuvalov-oboznachil-tri-glavnyh-napravleniya-razvitiya-blokchejna-v-rossii/> (дата обращения: 12.01.2018).

и деньги, не могут представлять экономической ценности. Деньги имеют лишь меновую стоимость¹.

Для реального сектора деньги во всевозможных своих проявлениях должны признаваться лишь средством для достижения экономической цели, а правовое регулирование – относиться к ним как к средству. Напротив, истинные богатства, производящие продукт, должны получать развитие, в том числе за счет такого важного механизма, как механизм приобретения права собственности.

Следует напомнить о том, что, когда речь идет о возникновении права собственности, реализуется механизм именно правонаделения, а не признания права. Механизм признания права предполагает наличие субъекта, который не признает это право. Наделение правом такого субъекта не предполагается. Применительно к самовольной постройке Д. Н. Латыпов указывает на то, что, поскольку речь идет не о споре о праве, а о соблюдении технических норм (градостроительных норм и правил), то правильнее было бы изъять данный порядок из судебного производства². Думается, что подобное положение можно распространить на все производственное право. При этом, на наш взгляд, речь должна идти не только об административном порядке установления права, но и о возможности установления права путем особого фактового производства в судах. Во всяком случае, разрешение споров об установлении права при отсутствии каких бы то ни было притязаний в исковом порядке защиты права не корректно.

Для каждой сферы реального сектора экономики должен существовать публично-правовой порядок правонаделения, а ГК РФ в этом случае необходимо дополнить отсылочными диспозициями. В процессуальном законодательстве должен существовать универсальный порядок правонаделения, который мог бы применяться ко всем случаям в исключительном порядке, если административный порядок неэффективен.

Регламентация отношений собственности в правовых нормах не единственное, но все же начальное средство обеспечения эффективности правового регулирования реального сектора экономики. Мы обозначили общие постулаты о том, что такие сред-

¹ Карнушин В. Е. Гражданско-правовая сущность денег как объектов гражданских прав // Юрист. – 2017. – № 3. – С. 91.

² Латыпов Д. Н. Признание права как способ защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. – Пермь, 2010. – С. 10.

ства должны быть частноправовыми, и показали, что должны обеспечивать защиту и признание права собственности всеми возможными способами, а также способствовать преумножению валового внутреннего продукта, производимого в реальном секторе экономики.

Библиографический список

1. *Андреев Ю. Н.* Ограничения в гражданском праве России. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – 400 с.
2. *Аскназий С. И.* Основные вопросы теории социалистического гражданского права. – М.: Статут, 2008. – 859 с.
3. *Братусь С. Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. – М.: Юриздат, 1947. – 363 с.
4. *Васюта Д. В.* Понятие и виды способов и оснований приобретения (возникновения) права собственности // Юрист. – 2015. – № 24. – С. 16–20.
5. *Дернбург Г.* Пандекты. Т. 2: Вещное право. 6-е изд., испр. (Берлин, 1900 г.). – СПб., 1905. – 376 с.
6. *Дубец Е. К.* Проблемы приватизации государственного имущества: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 175 с.
7. *Ильин И. А.* Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. – 1992. – № 3.
8. *Камышанский В. П.* Пределы и ограничения права собственности: монография. – Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2000. – 224 с.
9. *Камышанский В. П., Карнушин В. Е.* Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект. – М.: Статут, 2016. – 222 с.
10. *Карнушин В. Е.* Абсолютное правоотношение права собственности через призму его ограничений // Власть Закона. – 2014. – № 1. – С. 91–101.
11. *Карнушин В. Е.* Гражданско-правовая сущность денег как объектов гражданских прав // Юрист. – 2017. – № 3.
12. *Курдиновский В. И.* К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России. – Одесса, 1899. – 396 с.
13. *Латыпов Д. Н.* Особенности признания права как способа защиты гражданских прав // Журнал российского права. – 2013. – № 9. – С. 60–71.

14. *Латыпов Д. Н.* Признание права как способ защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. – Пермь, 2010. – 173 с.

15. *Лисаченко А. В.* Приобретение права собственности: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 195 с.

16. *Ломидзе О. Г.* Правонаделение в гражданском законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д, 2003. – 409 с.

17. Право собственности в СССР: *сб. статей* / под ред. Ю. К. Толстого, В. Ф. Яковлева. – М., 1989.

18. Предпринимательское право России: учебник / В. С. Бельх, Г. Э. Берсункаев, С. И. Виниченко [и др.]; отв. ред. В. С. Бельх. – М.: Проспект, 2008. – 656 с.

19. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: круглый стол // Государство и право. – 1998. – № 7.

20. *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. – М.: Статут, 2010. – 893 с.

21. Советское гражданское право. Т. 1 / под ред. Ю. Х. Калмыкова, В. А. Тархова. – Саратов, 1991. – 452 с.

22. *Соловьев В. С.* Оправдание добра: сочинения. В 2 т. Т. 1. – М., 1988. – 689 с.

23. Философская энциклопедия. Т. 2 / под ред. Ф. В. Константинова. – М., 1960. – 576 с.

24. *Эбзеев Б. С.* Ограничения конституционных прав // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Ч. 1. – Н/Новгород, 1998.

А. Г. Гулик

аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета ФГАОУ ВО «Южный
федеральный университет»
an.gulik@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГЕРМЕНЕВТИКИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

METHODOLOGICAL BASES OF HERMENEUTICS IN JUDICIAL SCIENCE

В настоящее время вопрос о сущности герменевтики в юридической науке особенно актуален. Принимая во внимание, что герменевтика – сложное междисциплинарное явление, различным образом проявляющее себя в том или ином направлении гуманитарных наук, в статье с учетом комплексного подхода рассмотрены ее методологические основания. Изучена взаимосвязь герменевтики и методологии в контексте рассмотрения возможности обоснования герменевтики в качестве методологии в юридической науке. В ходе проведенного анализа сделан вывод о невозможности признания герменевтики в качестве методологии либо единичного метода юридической науки.

Ключевые слова: герменевтика; юридическая наука; методология; герменевтический круг; предпонимание; конгенность; метод; гуманитарные науки.

At present, the issue of the essence of hermeneutics in judicial science is particularly relevant. Taking into the account the fact that hermeneutics is a complex interdisciplinary phenomenon that manifests itself in a variety of ways throughout different branches of human sciences, we chose to address its methodological foundation in a complex manner. The interrelation between hermeneutics and methodology is studied in context of considering the possibilities of substantiating hermeneutics as a methodology in judicial science. Based on the results of the analysis, we arrived at the conclusion that it is impossible to recognize hermeneutics as a methodology or a single method of judicial science.

Keywords: hermeneutics; judicial science; methodology; hermeneutic circle; preconception; congeniality; method; human sciences.

Представление о методологическом начале герменевтики возникло еще в эпоху Античности, поскольку уже «...в трудах Платона герменевтика упоминается в качестве метода

и означает искусство толкования и объяснения выраженного языком»¹. В современности «платоновского» подхода придерживаются такие ученые, как А. В. Серегин, Н. М. Чепурнова, указывающие, что «...герменевтика, в настоящее время, представляет собой особый метод классической науки, позволяющий осмысленно толковать письменные источники, в том числе и правовые»². Исследователь Р. А. Ромашов определяет ее сущность через признание гуманитарной составляющей в качестве основной следующим образом: «...герменевтика призвана занять достойное место в методологическом аппарате философии права, являющейся метатеорией правового бытия и в этом качестве формирующей идеалы и нормы новой, неклассической правовой науки»³. Однако в связи с регулированием современных правовых явлений Р. А. Ромашов не выявляет, в целом придерживаясь советского, в настоящее время являющегося архаичным, подхода к герменевтике.

Полагаем, что развитие современных реалий влечет за собой трансформацию имеющихся подходов и, как следствие, может существовать альтернативный подход к методологическим основаниям герменевтики в юридической науке, включающий в себя как философское их обоснование, так и все возрастающую практикоориентированность. Полагаем, что способствовать выделению такого подхода может изучение отдельных методов, сформированных в рамках сложившихся ранее концепций о герменевтике (в том числе – и в юридической науке), и проведение их собственного анализа.

Начать такое исследование представляется логичным, обозначив дефиницию методологии, в рамках которой будут проводиться дальнейшие научные изыскания. Одним из наиболее соответствующих действительности определений, на наш взгляд, является следующее: «...методологию юридической науки можно определить как систему принципов и способов организации и построения теоретико-познавательной деятельности в области ис-

¹ Маркова-Мурашова С. А. Право как герменевтическое явление в сравнительно-правовых исследованиях // Юридическая герменевтика в XXI веке / под ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 369.

² Чепурнова Н. М., Серегин А. В. Теория государства и права: учеб. пособ. – М.: ЕАОИ, 2007. – С. 333.

³ Ромашов Р. А. Толкование. Интерпретация. Герменевтика. Проблема определения категориального смысла // Юридическая герменевтика в XXI веке / под ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 72.

следования государственно-правовой действительности, а также учение об этой системе»¹. В случае, если анализ элементов герменевтики в юридической науке подтвердит ее соответствие указанным критериям методологии права, то ее статус возможно будет приравнять к статусу научной методологии. Для этого рассмотрим различные методы, свойственные герменевтике.

К «общегуманитарным» методам герменевтики, оказывающим влияние на юридическую науку, по нашему мнению, можно отнести такие методы, как предпонимание, конгениальность, герменевтический круг. Чаще всего рассматривается в научной литературе метод герменевтического круга. Полагаем, что признание данного метода в качестве основной особенности герменевтики лежит в основе возникновения концепций о методологической сущности герменевтики в юридической науке.

В истории герменевтики сложились различные оценки «герменевтического круга». Так, Фридрих Шлейермахер рассматривал эту методологическую особенность герменевтики в аспекте рекурсивного понимания, указывая, что понимание целого происходит через его составляющие части, смысл которых корректно может быть установлен через понимание целого².

Мартин Хайдеггер обращался к онтологии, отмечая, что толкование начинается с предпонимания текста, а герменевтический круг – это основное условие толкования. Ученый также указывал, что в герменевтическом круге «...скрывается позитивная возможность истиннейшего познания, – возможность, которой, однако, мы поистине овладеваем лишь тогда, когда истолкование осознает, что его первая, постоянная и последняя задача заключается в том, чтобы его преднамерения, предосторожности и предвосхищения определялись не случайными озарениями и популярными понятиями, но чтобы в их разработке научная тема гарантировалась самими фактами»³.

Мнение М. Хайдеггера поддержал и Г.-Г. Гадамер, установив при этом акцент на то, что при использовании метода герменевтического круга следует принимать во внимание различные языковые традиции и учитывать свойственные им особенности.

¹ Атащикова Е. Н. Герменевтика в праве (историко-правовой анализ): дис. ... д-ра. юрид. наук. – СПб., 1999. – С. 109.

² См. подр.: *Schleiermacher Fr Werke. Auswahl in vier Banden.* – Bd.4. – Berlin, 1911. – P. 159.

³ Цит. по: Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – С. 163.

В современности, как отмечает исследователь Ю. П. Боруленков, «...существует несколько вариантов интерпретации герменевтического круга. Во-первых, речь идет о взаимной обусловленности объяснения и понимания: чтобы понимать нечто, надо уметь объяснить, а чтобы его объяснить – надо знать, понимать... Другим подходом является диалектическая взаимосвязь части и целого: чтобы знать и понимать целое, надо знать части его, но чтобы понять части, их функции, роль, значение, место – надо иметь представление о целом»¹. А. Н. Гермашев выделяет следующие методологические признаки герменевтического круга как метода: уровневость (последовательность) применения способов толкования, системность построения способов толкования, корреляция применимых способов толкования с применяемыми приемами юридической техники, обусловленное развитие приемов юридической техники с учетом традиционных подходов в способах толкования, цикличность процесса толкования норм права².

Несмотря на плюрализм существующих подходов, полагаем, что сущность метода герменевтического круга остается единой. Признавая, что теоретико-методологическое основание герменевтического круга является достаточно полным и научно разработанным, отметим, что данный метод лежит в основе ее специфики. Это происходит ввиду того, что понять, уяснить, интерпретировать, истолковать и реализовать нормы права в той или иной сфере должным образом возможно при рассмотрении одной нормы через призму и дух законодательства в целом, равно как и свод законов государства подлежит наиболее корректному пониманию, интерпретации и применению исключительно посредством соответствующих действий в отношении отдельных нормативно-правовых актов и норм права.

Если рассматривать метод герменевтического круга в рамках общенаучного исследования, применимого к юридической науке, то можно констатировать, что он является проявлением сочетания двух общенаучных методов: индукции и дедукции. Общеизвестно, что индукция в научном познании ориентирована на получение общего из частного, а дедукция – частного из обще-

¹ Боруленков Ю. П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 191.

² Гермашев А. Н. К вопросу о методе юридической герменевтики // Общество и право. – 2009. – № 4 (26). – С. 43.

го. Их объединение, которому придается статус непрерывности с учетом особенностей юридической науки, и являет собой сущность метода герменевтического круга.

Метод конгениальности (лучшего понимания) иногда в доктрине именуется «принципом»¹. Полагаем, что, несмотря на свойственную конгениальности герменевтическую свободу, осуществление понимания герменевтом образом, лучшим, чем это было сделано автором исследуемого текста, обладает методологической сущностью. Конгениальность в герменевтике не является научным ориентиром либо общим началом – свойствами принципа, но содержит в себе четкое руководство к осуществлению понимания. Вместе с тем в рамках юридической науки существует ряд специальных методов, применимых в герменевтике, однако они функционируют наряду с «декларативными» общефилософскими. Их главным отличием от принципов является то, что они устанавливают способы осуществления герменевтических процедур, а не оглашают их характер.

В методологическом смысле предпонимание в юридической науке в настоящей статье рассматривается впервые. Представляется, что это вызвано тем, что в теории права не придается формально-юридического значения накоплению и использованию знаний и опыта, позволяющих рассматривать источники права именно в таком аспекте. Однако преобладающая у большинства исследователей неосознанность использования метода предпонимания при участии в герменевтических процессах не является препятствием к ее функционированию в качестве неотъемлемого субэлемента герменевтики в юридической науке. Несомненно, в методологическом аспекте предпонимание не подлежит унификации ввиду субъективности индивидуального опыта герменевтов. Однако включение предпонимания в методологический компонент осуществления понимания права в контексте герменевтики необходимо и обосновано ввиду его эмпирической неотъемлемости.

В рамках методологии юридической науки возможна и разработка общих направлений развития предпонимания. Например, И. А. Честнов обозначал такие герменевтические методы, как толкование с позиций автора (изучение его биографии); интерпретация с точки зрения контекста – окружения автора; толкование с позиции интерпретатора (рефлексия над самим собой)

¹ Боруленков Ю. П. Указ. соч. С. 191.

и толкование с точки зрения сегодняшнего дня – контекста интерпретатора¹. Полагаем, что в рамках юридической науки они могут быть включены в метод предпонимания, поскольку основаны на использовании предшествующего опыта изучения автора, контекста и индивидуальности герменевта (состоящей из его предшествующего опыта).

На основании вышеизложенного можно заключить, что три основных метода, присущих герменевтике гуманитарных наук, успешно применяются и в рамках юридической науки, сохраняют свою универсальность и свойственны всем отраслям права. Однако по причине того, что герменевтика не может быть сведена к моноспособу постижения права, полагаем, что рассмотрение ее в качестве метода является научно не обоснованным.

На основании проведенного методологически ориентированного анализа необходимо установить, является ли герменевтика методологией юридической науки. Отметим, что еще исследователь Г.-Г. Гадамер, научная мысль и подход к герменевтике которого широко распространены в настоящее время среди современных ученых, отмечал, что «...герменевтика противится ее «онаучиванию, превращению в метод»². Спустя более чем полвека, оценивая сущность герменевтики в современной юридической науке, А. М. Михайлов утверждает, что «...большинство «юристов-практиков» рассматривает юридическую герменевтику как искусство, которому возможно научиться исключительно на основе опыта, а потому предполагается, что содержание юридической герменевтики не может быть полноценно переведено в систему правил, приемов и формализованных процедур. Такое представление существенно деактуализирует ценность и значение доктринальных разработок в сфере толкования юридических текстов»³. Поддерживая данные научные позиции, отметим, что в юридической науке герменевтика отличается многообразием форм своего выражения: начиная от исследования особенностей понимания смысла, заложенного в нормы права и особенностей его интерпретации, наделенных высоким уровнем исследовательской свободы и субъективизма (в данной связи следует согласить-

¹ Честнов И. А. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 7–8.

² Гадамер Г.-Г. Указ. соч. С. 566.

³ Михайлов А. М. Юридическая герменевтика и правовая идеология в романо-германской традиции // Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. А. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2017. – С. 171.

ся с исследователями, отмечающими, что наличие широкой исследовательской свободы и отсутствие строгости, точности, единообразия интерпретации, интерпретационный произвол, допускающий неограниченную свободу толкований, дают основание ставить под сомнение статус герменевтики как научной методологии¹), заканчивая формальными критериями и способами осуществления толкования, а также последующей реализацией указанных интеллектуальных процессов. Несомненно, герменевтические элементы не могут функционировать хаотично, особенно в юриспруденции, ввиду ее практической ориентированности. Поэтому нам представляется, что герменевтике в юридической науке свойственна определенная методология. Ее основными методами являются предпонимание, конгениальность и герменевтический круг. Но в то же время отождествление герменевтики и методологии представляется некорректным, не только с позиций рассмотрения сущности герменевтики, но и с методологической точки зрения, поскольку, как отмечал А. В. Писаревский, «...методология не может быть сведена к какому-то одному, даже очень важному методу. Методология не есть также простая сумма отдельных методов, их «механическое единство». Это – сложная, динамичная, целостная, субординированная система способов, приемов, принципов разных уровней, сферы действия, направленности, эвристических возможностей, содержаний, структур и т.д.»².

В связи с вышеизложенным полагаем, что в герменевтике в юридической науке имеются особые методологические основания, характер и роль которых являются существенными, но недостаточными для признания герменевтики в качестве методологии юридической науки.

Библиографический список

1. Акишин М. О. Философско-методологический плюрализм в российском правоведении на рубеже XX-XXI вв. // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 1. – С. 7–28.

¹ См.: Акишин М. О. Философско-методологический плюрализм в российском правоведении на рубеже XX-XXI вв. // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 1. – С. 9.

² Писаревский А. В. Юридическая герменевтика. Социально-философская методология интерпретации и толкования правовых норм: дис. ...канд. филос. наук. – Краснодар, 2004. – С. 6.

2. *Атарцикова Е. Н.* Герменевтика в праве (историко-правовой анализ): дис. ... д-ра. юрид. наук. – СПб., 1999. – 400 с.

3. *Боруленков Ю. П.* Методологический статус герменевтики в юридическом познании // *Юридическая наука: история и современность.* – 2015. – № 7. – С. 189–199.

4. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс. – 1988. – 704 с.

5. *Гермашев А. Н.* К вопросу о методе юридической герменевтики // *Общество и право.* – 2009. – № 4(26). – С. 42–46.

6. *Маркова-Мурашова С. А.* Право как герменевтическое явление в сравнительно-правовых исследованиях // *Юридическая герменевтика в XXI веке / под ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева.* – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 364–382.

7. *Михайлов А. М.* Юридическая герменевтика и правовая идеология в романо-германской традиции // *Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. А. Честнова.* – СПб.: Алетейя, 2017. – С. 165–206.

8. *Писаревский А. В.* Юридическая герменевтика. Социально-философская методология интерпретации и толкования правовых норм: дис. ... канд. филос. наук. – Краснодар, 2004. – 194 с.

9. *Ромашов Р. А.* Толкование. Интерпретация. Герменевтика. Проблема определения категориального смысла // *Юридическая герменевтика в XXI веке / под ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева.* – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 55–72.

10. *Чепурнова Н. М., Серегин А В.* Теория государства и права: учеб. пособ. – М.: ЕАОИ, 2007. – 198 с.

11. *Честнов И. А.* Правопонимание в эпоху постмодерна // *Правоведение.* – 2002. – №2. – С. 7–8.

12. *Schleiermacher Fr Werke. Auswahl in vier Banden. Bd.4.* Berlin, 1911. – P. 159.

И. Н. Иваненко

доцент кафедры административного и финансового права
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
кандидат юридических наук
Ivanenko.igor@mail.ru

Ю. И. Чернов

доцент кафедры административного и финансового права
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
кандидат юридических наук
AdmfinKubsau@yandex.ru

К. Ю. Пахомова

студент 3 курса юридического факультета
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
Incognito.k1@mail.ru

К ВОПРОСУ О КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

ON THE ISSUE OF THE CADASTRE VALUE OF THE LAND LOTS

В статье проведен анализ подходов к определению кадастровой стоимости земельных участков для целей налогообложения. Рассмотрены актуальные вопросы изменения кадастровой стоимости в зависимости от различных факторов. Исследованы вопросы защиты прав на оспаривание в судебном порядке кадастрового ценообразования для совершенствования порядка участия данных субъектов в гражданском обороте. Выявлены проблемы, возникающие в ходе установления кадастровой стоимости земельных участков, порождающие проблемы налогообложения. Вследствие этого авторами предложены пути совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: налогообложение; кадастровая оценка; кадастровая стоимость; кадастровая стоимость земельных участков; оценка земельного участка; налогообложение собственника земельного участка; земельный налог.

This article analyzes the approaches to determining the cadastral value of land lots for taxation purposes. It discusses contemporary issues regarding changes of the cadastral value depending on various factors. The issues of protection of the right to challenge cadastral pricing in court to improve the procedure of participation of these entities in civil circulation are discussed. The issues arising due to cadastral pricing of land lots and thus creating taxation issues are discovered. In response, the authors propose several ways to improve the Russian legislation and law enforcement practice.

Keywords: taxation; cadastral pricing; cadastral value; cadastral value of land; assessment of the land lot; taxation of the landowner; land tax.

Налогово-правовой механизм обложения земельных участков специальным местным налогом претерпел существенные изменения в связи с резким увеличением официально признанной кадастровой стоимости соответствующих земельных участков как параметра налоговой базы по земельному налогу.

Одним из принципов смежного с правовым базисом налогообложения российского земельного законодательства является принцип платности использования земли, реализации которого в научной литературе оказывается самое пристальное внимание¹. Во многом он обеспечивается путем взимания земельного налога, его размер напрямую зависит от кадастровой стоимости. Под кадастровой стоимостью в научной литературе подразумевают установленную государственными органами власти субъектов стоимость, отражающую представление о ценности объекта недвижимого имущества в процессе его эксплуатации².

Вопрос о возможности снижения кадастровой стоимости земельного участка сегодня стоит достаточно остро и интересует большинство населения. Данный факт связан с тем, что каждый владелец земельного участка обязан ежегодно вносить в бюджет

¹ Гряды Э. А. Возникновение прав на земельные участки и реализация принципа платности использования земли: проблемы применения законодательства // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. – 2011. – № 4 (6). – С. 106–113.

² Кузнецов Ю. Что мы знаем о налогах // Отечественные записки. – 2002. – № 4. – С. 26.

сумму земельного налога, которая составляет в большинстве случаев 0,3 % его стоимости по кадастру. С 2015 года данная стоимость максимально приравнена к рыночной, вследствие чего выросла и плата по налогу¹.

В результате в большинстве преysкурантов юридических услуг добавилось новое предложение – помощь в снижении кадастровой стоимости земельных участков. Спрос на данную услугу мгновенно породил предложение. Однако, представляется, преследуя цели оптимизации налогообложения и экономии соответствующего бюджета (личного или корпоративного), плательщики земельного налога могут самостоятельно реализовать юридическую процедуру снижения кадастровой стоимости земельного участка, собственниками (владельцами) которого они являются.

В правовой литературе в качестве нормативно-правового фундамента юридической процедуры уменьшения кадастровой стоимости земельных участков, подлежащих обложению земельным налогом, прежде всего указываются следующие акты:

– Федеральный закон от 03 июля 2016 года № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке»² – устанавливает принципы и порядок проведения оценки;

– Федеральный закон от 29 июля 1998 года № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности»³ (в дальнейшем – Закон об оценочной деятельности), регулирующий порядок проведения оценочных работ на территории РФ;

– Постановление Пленума Верховного Суда от 30 июня 2015 года № 28⁴ – регулирует частные ситуации, возникающие при рассмотрении дел о перерасчете кадастровой стоимости недвижимых объектов⁵.

¹ Наумкина Т. В. Налогообложение имущества в зарубежных странах // Политика государства и права. – 2014. – № 4. – С. 154.

² О государственной кадастровой оценке: Федер. закон от 03 июля 2016 г. № 237-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 31, ст. 4823.

³ Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 31, ст. 4823.

⁴ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 28 // Ведомости ВС РФ. – 2015. – № 6721 (150).

⁵ Засядь-Волк В. В. Факторы эффективной земельной политики в регионе // Управленческое консультирование. – 2017. – № 2. – С. 62–82.

Расчет кадастровой стоимости земельных участков, в соответствии с нормами действующего законодательства, производится следующим образом: плановая оценка реализуется один раз в 5 лет. В некоторых случаях этот срок может быть сокращен, вместе с тем кадастровая стоимость земельных участков не может претерпевать изменения чаще, чем один раз в три года. Стоимость земельного участка по рыночным показателям также устанавливается, опираясь на его кадастровую оценку¹.

Поскольку информация о размере земельного налога, устанавливаемого в отношении каждого конкретного земельного участка, не несет в себе никаких персональных данных о субъекте прав на него, то на основании действующего законодательства она может быть доступна любым заинтересованным лицам².

Однако оспаривать размер кадастровой стоимости применительно к земельному налогу вправе исключительно субъекты, заинтересованные в эксплуатации недвижимости, так как вышеуказанный показатель оказывает влияние как на размер налоговых обязательств, так и на эффективную реализацию правомочий субъектов вещных прав на земельные участки в целом.

К числу субъектов обложения земельным налогом, заинтересованных в установлении объективной кадастровой стоимости рассматриваемых объектов, относятся, прежде всего:

- собственники, а также субъекты права постоянного (бессрочного) пользования (например, в случае, если это право не переоформлено)³ и пожизненного наследуемого владения земельными участками;
- арендаторы, заключившие договор аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности, поскольку размер арендной платы в этом случае, так же, как и сумма земельного налога, напрямую зависит от величины кадастровой стоимости земельного участка.

¹ Котляров М. А. Новый земельный налог: неотложные проблемы и пути их решения // Финансы. – 2006. – № 10. – С. 148.

² Анимца П. Е. Применение методов прогнозирования в целях диагностики имущественных налогов // Проблемы прогнозирования и сценарного моделирования социально-экономического развития территориальных систем: сб. ст. науч. школы молодых ученых. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. – С. 4–10.

³ Гряды Э. А. Правовые проблемы переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 2. – С. 89–95.

Кроме того, необходимо учитывать, что с 1 января 2017 года легализована возможность уплаты налогов третьими лицами¹. Сегодня каждый гражданин имеет возможность посредством калькуляции в режиме онлайн определить кадастровую стоимость земельного участка, что повсеместно осуществляется благодаря удобным государственным интернет-сервисам. Однако на практике данные, полученные на этих сервисах, значительно отличаются от результатов официальной оценки. Очевидно, что независимо от итогов данной калькуляции собственники земельных участков, а также субъекты права постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного наследуемого владения на земельные участки имеют возможность принимать меры, направленные на пересмотр кадастровой стоимости объекта в целях ее снижения.

В настоящее время средства, полученные в результате взимания земельного налога, являются доходной частью местных бюджетов и подлежат освоению органами местного самоуправления, реализующими управление конкретной территорией². При этом следует отметить, что обязанность уплаты земельного налога распространяется на всех лиц, являющихся собственниками соответствующей недвижимости, а также использующих земельные участки на перечисленных в налоговом законодательстве двух видах ограниченных вещных прав (постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного владения).

Ставка взимаемого земельного налога может составлять от 0,3 % до 1,5 % кадастровой стоимости, а налоговый период по данному специальному местному налогу составляет один год. Конкретизация ставок земельного налога зависит от целевого назначения и вида разрешенного использования соответствующего земельного участка и осуществляется органами местного самоуправления в указанном выше диапазоне размеров налоговых ставок, закрепленных в действующем налоговом законодательстве.

¹ Черноз Ю. И., Биденко В. В. Уплата налогов третьими лицами // Проблемы внедрения результатов инновационных разработок: сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф. (15 янв.2017 г., г. Екатеринбург). В 3 ч. Ч. 3. – Уфа: АЭТЕРНА, 2017. – С. 116–120.

² Доклад Ю. А. Берга на заседании Президиума Государственного Совета Российской Федерации «О повышении эффективности управления земельными ресурсами в интересах граждан и юридических лиц» 9 окт. 2012 года // Полпред. – 2012. – № 1. – С. 23

В 2017 году размер взимаемого земельного налога резко возрос в результате переоценки кадастровой стоимости соответствующих земельных участков как предметов данного земельного налога. Подобный скачок фискального интереса государства к земельному налогу произошел в Российской Федерации повторно. Так, после повышения кадастровой стоимости земельных участков в 2013 году размеры взимаемых платежей в рамках обложения земельным налогом недвижимости в ряде случаев также были значительно повышены¹.

В юридически безупречной и объективной оценке земельных участков при определении их кадастровой стоимости заинтересованы практически все субъекты не только налоговых, земельных, административных, гражданских и иных правоотношений, но, в том числе, и те субъекты, которые в настоящий момент не имеют в своем владении земельные участки². Можно назвать, например, следующие области общественной жизни, в которых значима межотраслевая юридическая категория «кадастровая стоимость земельного участка»:

– отношения, связанные с определением и взиманием земельного налога;

– отношения, возникающие в процессе расчета выкупной стоимости земельного участка, находящегося в публичной собственности при его приобретении в собственность граждан и юридических лиц в порядке, определенном земельным и иным законодательством;

– отношения, связанные с определением размера арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности;

– отношения, возникающие при комплексной оценке земельного участка и расположенного на нем объекта недвижимого имущества и др.

Выше мы указывали, что переоценка кадастровой стоимости объектов недвижимости в плановом порядке проводится каждые пять лет. Как правило, по истечении пятилетнего срока рыночная стоимость земельных участков существенно возрастает.

¹ Требование к отчету об оценке: Федеральный стандарт оценки (ФСО № 3): приказ Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации от 20 июля 2007 г. № 254 // Рос. газ. – 2007. – № 4458.

² Баландин В., Брынь М., Коугия В., Матвеев А., Матвеев С., Юськевич А. Определение площадей объектов недвижимости. – СПб.: Лань, 2013. – 112 с.

ет, что, конечно, следует учитывать и в динамике кадастровой стоимости соответствующего земельного участка. В статье 24.18 Закона об оценочной деятельности предусмотрена возможность оспорить результат переоценки кадастровой стоимости земельного участка как предмета обложения земельным налогом в специально создаваемой комиссии, порядок создания и работы которой утвержден Минэкономразвития России¹.

В настоящее время заинтересованные субъекты имеют два легальных способа, посредством реализации которых возможно снизить кадастровую стоимость земельного участка и соответственно сумму земельного налога. Первый способ предполагает обращение плательщика земельного налога в территориальную комиссию уполномоченного органа государственной власти субъекта РФ (таковым выступает региональное подразделение Росреестра). Для рассмотрения обращения названной комиссией собственнику земельного участка необходимо предоставить заявление о переоценке кадастровой стоимости, кадастровый паспорт на объект недвижимости, а также отчет о рыночной оценке земельного участка. Данные документы предоставляются либо на бумажном носителе, либо в формате электронного документа². В некоторых случаях специалист имеет право потребовать дополнительный пакет документов.

Вторым способом выступает изменение налогооблагаемой базы по земельному налогу в результате судебной защиты прав и законных интересов плательщиков земельного налога в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Для этого собственнику земельного участка или обладателю другого вещного права следует, соблюдая правила подсудности, обратиться в соответствующий арбитражный суд либо суд общей юрисдикции. Вместе с заявлением необходимо предоставить кадастровый паспорт, копию правоустанавливающих документов, а также заключение независимого эксперта об оценке рыночной стоимости данного

¹ Об утверждении Порядка создания и работы комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости и признании утратившим силу приказа Минэкономразвития России от 22 февр. 2011 г. № 69 «Об утверждении Типовых требований к порядку создания и работы комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости»: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 263 // Рос. газ. – 2012. – № 5850.

² Сорокина М., Зубова Е. Все о приобретении и продаже жилой недвижимости. Советы специалиста. – СПб.: Питер, 2008. – С. 42.

участка¹. Однако каждый из двух указанных способов предполагает насыщенные юридические действия по снижению кадастровой стоимости земельного участка и юридические услуги, оказываемые в целях снижения кадастровой стоимости недвижимости, облагаемой земельным налогом, являются достаточно дорогими.

Перед подачей иска в суд собранные документы необходимо отнести в кадастровую палату. Если повышение земельного налога обусловлено ошибкой кадастрового специалиста, ее обязаны немедленно исправить², и необходимость судебной защиты отпадает. В иных ситуациях к исковому заявлению прилагается отказ, выданный в кадастровой палате.

Согласно предыдущей редакции законодательства заявления по установлению кадастровой стоимости земельных участков направлялись и рассматривались в арбитражном суде. Последние изменения в законодательство, связанные с этим вопросом, внесены в 2015 году, согласно которым сегодня все судебные разбирательства по данной категории дел отнесены к судам общей юрисдикции. По окончании судебного разбирательства собственник земельного участка обязан повторно обратиться в орган, осуществляющий кадастровый учет и государственную регистрацию прав на земельные участки, для фиксации изменений кадастровой стоимости на основании судебного решения. После получения информации о фиксации изменений на основании решения суда, вступившего в законную силу, необходимые документы о новой стоимости земельного участка направляются в налоговую инспекцию, где в отношении участка производится пересмотр налоговой ставки³.

В рассматриваемом процессе заинтересованный субъект, имеющий в собственности, постоянном (бессрочном) пользовании или пожизненном наследуемом владении земельный участок и осуществляющий сбор документов для оспаривания кадастровой стоимости, сталкивается с необходимостью осуществления доро-

¹ Варламов А. А., Комаров С. И. Оценка объектов недвижимости. – М.: Форум, 2010. – С. 124.

² Донцов Д. Г., Игнатьев В. А., Юшкова Н. Г. Кадастровые управляющие информационные системы в градостроительной деятельности: учеб. пособие. – Волгоград: РИО Волгогр. гос. архит.-строит. ун-та, 2005. – С. 28.

³ Даниленко Е. П. Управление муниципальной собственностью и земельными ресурсами: учебно-методические материалы. – Белгород: Изд-во БГТУ им. В. Г. Шухова, 2013. – С. 15.

гостоящих процедур. Как показывает практика, наиболее дорогостоящими являются:

- подготовка отчета о независимой оценке рыночной стоимости участка;
- непосредственно работа эксперта по оценке;
- получение сведений о достоверности данных, которые используются при перерасчете кадастровой стоимости участка.

Очевидно, что оценка стоимости участка является длительной и затратной процедурой, произвести которую самостоятельно не представляется возможным. Подготовку необходимых документов проводит специализированная оценочная компания, работа которой проверяется организацией оценщиков. Кроме того, при подаче заявления об отмене нормативно-правового акта, признания действия уполномоченными органами, принявшими данный акт, незаконными или обжаловании их бездействия, взимается государственная пошлина.

Цена оказания вышеуказанных услуг напрямую зависит от площади оцениваемого земельного участка. Заинтересованный в изменении кадастровой стоимости земельного участка плательщик земельного налога по общему правилу оплачивает:

- анализ целесообразности реализации оспаривания существующей кадастровой стоимости участка – десять тысяч рублей;
- отчет, цена которого составляет от двадцати до ста тысяч рублей, в зависимости от площади оцениваемого объекта;
- проведение экспертизы и составление готового отчета, стоимость которого зависит от размера участка, и колеблется от десяти до пятнадцати тысяч;
- подготовку справки о недостоверных сведениях, на основании которых кадастровая стоимость участка была рассчитана неправильно, что составляет от десяти до двадцати пяти тысяч рублей.

Важно отметить, что размер оплаты за оценку указан без учета государственных пошлин, а также стоимости подготовки документов. Современная практика показывает, что оценка даже небольшого по площади участка земли обойдется ее собственнику не менее чем в пятьдесят тысяч рублей. Уменьшить размер оплаты за услуги возможно при обращении в специализированную компанию, которая осуществляет оценку с коллективным заявлением. В данном случае будет производиться коллективное оспаривание.

До обращения в суд общей юрисдикции собственник земельного участка имеет право обратиться в орган местного самоуправления для уточнения, есть ли у него льготы в данной области. Льготные категории субъектов закрепляются органами региональной власти, на основании чего могут отличаться от льгот других регионов. Данные льготы предусматриваются только на один объект недвижимости, за все остальные гражданин, имеющий права на льготы, обязан выплачивать полную стоимость налога.

Законодательство устанавливает право на оспаривание в судебном порядке кадастрового ценообразования объекта недвижимости следующими лицами:

- организациями и индивидуальными предпринимателями, которые имеют в собственности земельные участки или используют их на указанных выше вещных правах (в данном случае иск рассматривается в арбитраж по месту расположения имущества).
- физическими лицами, которые имеют в собственности, постоянном (бессрочном) пользовании или пожизненном наследуемом владении земельные участки.

Защита прав указанных субъектов происходит путем замены кадастровой стоимости объекта на адекватную рыночную стоимость. Правообладатель имеет право обратиться с иском в суд в течение трех месяцев с момента, как ему стало известно о факте нарушения. Анализ судебной практики по указанным делам показывает, что такие споры являются сложными и продолжительными.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что для уменьшения кадастровой стоимости земельного участка в целях снижения размера земельного налога целесообразно, на наш взгляд, осуществление следующих действий. В случае, когда реальная стоимость участка существенно завышена в сравнении с рыночной, а именно, не менее чем на тридцать процентов, представляется целесообразным обратиться за ее снижением прежде всего в Управление федеральной регистрационной службы прав на недвижимое имущество, так как судебный порядок защиты прав плательщиков земельного налога гораздо более затратный и трудоемкий. В том случае, если повышение земельного налога связано с наличием ошибок в кадастровом паспорте и, как следствие, в государственном реестре прав на недвижимость, также

необходимо обратиться в целях решения данной проблемы в орган, осуществляющий кадастровый учет.

Общей рекомендацией может являться и необходимость присутствия на всех судебных заседаниях. Важно осознавать, что ответчик добровольно не согласится с пересмотром и снижением кадастровой стоимости, будет настаивать на повторной реализации процедуры определения стоимости участка.

Библиографический список

1. *Анимица П. Е.* Применение методов прогнозирования в целях диагностики имущественных налогов // Проблемы прогнозирования и сценарного моделирования социально-экономического развития территориальных систем: сборник статей научной школы молодых ученых. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. – С. 4–10.

2. *Баландин В., Брынь М., Коугия В., Матвеев А., Матвеев С., Юськевич А.* Определение площадей объектов недвижимости. – СПб.: Лань, 2013. – 112 с.

3. *Варламов А. А., Комаров С. И.* Оценка объектов недвижимости. – М.: Форум, 2010. – 288 с.

4. *Гряда Э. А.* Возникновение прав на земельные участки и реализация принципа платности использования земли: проблемы применения законодательства // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. – 2011. – № 4 (6). – С. 106–113.

5. *Гряда Э. А.* Правовые проблемы переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 2. – С. 89–95.

6. *Даниленко Е. П.* Управление муниципальной собственностью и земельными ресурсами: учебно-методические материалы. – Белгород: Изд-во БГТУ им. В. Г. Шухова, 2013. – 54 с.

7. Доклад Ю. А. Берга на заседании Президиума Государственного Совета Российской Федерации «О повышении эффективности управления земельными ресурсами в интересах граждан и юридических лиц» 9 октября 2012 года // Полпред. – 2012. – № 1. – С. 23.

8. *Донцов Д. Г., Игнатьев В. А., Юшкова Н. Г.* Кадастровые управляющие информационные системы в градостроительной

деятельности: учеб. пособие. – Волгоград: РИО Волгогр. гос. архит.-строит. ун-та, 2005. – 230 с.

9. *Засядь-Волк В. В.* Факторы эффективной земельной политики в регионе // *Управленческое консультирование.* – 2017. – № 2. – С. 62–82.

10. *Котляров М. А.* Новый земельный налог: неотложные проблемы и пути их решения // *Финансы.* – 2006. – № 10. – С. 136–152.

11. *Кузнецов Ю.* Что мы знаем о налогах // *Отечественные записки.* – 2002. – № 4. – С. 21–32.

12. *Наумкина Т. В.* Налогообложение имущества в зарубежных странах // *Политика государства и права.* – 2014. – № 4. – С. 148–157.

13. *Сорокина М., Зубова Е.* Все о приобретении и продаже жилой недвижимости. Советы специалиста. – СПб: Питер, 2008. – 146 с.

14. *Чернов Ю. И., Биденко В. В.* Уплата налогов третьими лицами // *Проблемы внедрения результатов инновационных разработок: сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф. (15 января 2017 г., г. Екатеринбург).* В 3 ч. Ч. 3. – Уфа: АЭТЕРНА, 2017. – С. 116–120.

О. В. Кудрякова

доцент кафедры административного и финансового права
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
кандидат юридических наук
доцент
kudrjakova-ov@mail.ru

Д. В. Звягинцева

старший преподаватель кафедры земельного, трудового и экологического права
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
кандидат юридических наук
kuddv@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ МЕР ГРАЖДАНСКОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE ISSUES OF CONFORMITY OF ADMINISTRATIVE AND RESTORATIVE MEASURES TO THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Статья посвящена актуальным теоретическим и практическим проблемам классификации административно-правовых форм и методов деятельности органов исполнительной власти в Российской Федерации, в том числе административно-восстановительных мер как самостоятельного вида административного принуждения, а также вопросу их соответствия нормам Гражданского кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу межотраслевых связей норм гражданского и административного законодательства. Рассматриваются особенности отношений дарения, возникающих при передаче обычных подарков должностным лицам. Обосновывается вывод о необходимости государственных служащих информировать работодателя о получении подарка во время проведения официальных протокольных мероприятий. После оценки стоимости подарка и его характера должен решаться вопрос о возврате подарка, либо его приобретении или отказе с последующей реа-

лизацией и поступлением денежных средств, полученных от его продажи, в соответствующий бюджет.

Ключевые слова: гражданское законодательство; органы исполнительной власти; формы и методы управленческой деятельности; административное принуждение; административно-восстановительные меры; правовые запреты; договор дарения; обычный подарок.

This article is dedicated to topic of theoretical and practical problems of classification of administrative and legal forms and activity methods employed by executive authorities in the Russian Federation. Administrative and restorative measures as an independent type of administrative coercion, as well as their compliance with the norms of the Civil Code of the Russian Federation are also stated.

Keywords: civil law; executive authorities; forms and methods of governance; administrative enforcement; administrative and restorative actions; legal prohibition; deed of gift; gift.

Борьба с коррупцией в настоящее время является одной из наиболее важных задач, стоящих перед органами государственной власти. В ежегодном Послании Президента Российской Федерации отмечается, что чиновники всех уровней должны быть заинтересованы в росте своей эффективности и быть жестко нацелены на получение конкретного результата, в связи с чем должны меняться формы и методы деятельности органов государственной власти¹. И законодательные, и судебные органы принимают участие в этом процессе, однако ведущая роль в устранении выявленных факторов принадлежит органам исполнительной власти.

Процессы функционирования исполнительной власти и соответствующего ей такого вида государственно-властной деятельности, как государственное управление, предполагают использование различных форм и методов управленческой деятельности для достижения определенного результата. В арсенале действий и мер исполнительной власти находятся различные способы реагирования на складывающуюся ситуацию в каждом конкретном случае. Соответственно, возникает необходимость классификации названных явлений, определения их правовой природы.

Для государственного управления это имеет важное значение, тем более что, как справедливо заметил Е. Б. Лупарев, процесс исполнительно-распорядительной деятельности в демокра-

¹ Рос. газ. – 2018. – № 46 (7509). – 2 марта.

тическом обществе в большинстве случаев предполагает элемент коллективного обсуждения управленческих вопросов¹. В ряде работ отечественных авторов сформулированы характеристики форм и методов управленческой деятельности. Например, Д. Н. Бахрах считает, что «форма управления – это определенная часть управленческой деятельности органа, его структурных подразделений и должностных лиц»². Несколько иначе при рассмотрении данного вопроса формулируют мысль А. П. Алехин и А. А. Кармолицкий, которые отмечают, что формы деятельности исполнительных органов – это внешнее выражение видов их действий, предусмотренных нормами административного права, совершаемых в целях осуществления возложенных на них задач, функций и полномочий³.

Если в первом случае речь идет о совершении конкретными субъектами определенных действий, которые специфическим образом раскрывают содержание управленческой деятельности, то во втором случае внимание авторов акцентируется на том, что эти действия должны быть предусмотрены нормами административного права, что является важным и принципиальным для характеристики форм и методов управленческой деятельности, ибо государственно-управленческая деятельность невозможна без наличия нормативно-правовой базы⁴.

Представляется, что различные взгляды на трактовку форм и методов управленческой деятельности обусловлены тем, что в современных условиях процесс воздействия государства на различные типы общественных отношений достаточно разнообразен, это вытекает из самой творческой и организующей составляющей исполнительно-распорядительной деятельности. Они могут носить как публичный, так и частноправовой характер, основанный на нормах гражданского законодательства.

Исследование методов управленческой деятельности также предполагает выяснение их особенностей и отличие от иных,

¹ *Лунарев Е. Б.* Общая теория административно-правового спора. – Воронеж: Изд. Воронеж. гос. ун-та, 2003. – С. 6.

² *Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н.* Административное право: учебник. – М.: Издательство НОРМА, 2008. – С. 361.

³ *Алехин А. П., Кармолицкий А. А.* Административное право России. – М.: Зерцало-М. 2012. – С. 312.

⁴ *Бочанская Д. С., Очаковский В. А.* Актуальные проблемы борьбы с административными правонарушениями // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 34-2. – С. 163–170.

близких по значению понятий. Как отмечает А. П. Алехин, под методами деятельности органов исполнительной власти следует понимать способы достижения целей государственного управления в процессе осуществления органами исполнительной власти его задач и функций. Ключевой в понимании методов управления является идея о том, что в них непосредственно проявляется характер управляющего воздействия субъекта управления на объект, характер их взаимосвязи.

Д. Н. Бахрах обратил внимание на то, что категории форм и методов управления необходимо рассматривать в неразрывной связи. Однако в отношении понятий конкретности, точности выражения на практике форм и методов управления у авторских коллективов существуют различные подходы. Если Д. Н. Бахрах считает, что методы управления характеризуются меньшей степенью правовой регламентации, то А. П. Алехин утверждает, что административные методы являются правовыми ввиду следующих обстоятельств:

- а) всегда закрепляются нормами права;
- б) должны осуществляться на основе права;
- в) выражаются в различных правовых формах;
- г) влекут за собой определенные правовые последствия с учетом их правового оформления.

В зависимости от общности методов деятельности органов государственного управления выделяют два универсальных метода: убеждение и принуждение. Несмотря на то, что, по мнению А. П. Алехина, метод принуждения имеет по отношению к методу убеждения вспомогательное значение, мы вынуждены констатировать, что метод принуждения значительно чаще используется органами исполнительной власти для реализации своих полномочий. И в последнее время появляются новые меры принудительного характера, которые активно применяются как во внесудебном, так и в судебном порядке.

Основные подходы к характеристике административного принуждения заключаются в следующем: является разновидностью государственного принуждения; его цели достигаются путем предупреждения и пресечения правонарушений, а также привлечения виновных лиц к ответственности¹. Меры административ-

¹ Чернов Г. Ю., Чернов Ю. И. Рассмотрение дел о привлечении к административной ответственности должностных лиц судьями арбитражных судов // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сб. ст. по матер. IX Всерос-

ного принуждения весьма многочисленны и разнообразны. Они различаются по целям, основаниям и порядку применения.

В зависимости от целей и способа обеспечения правопорядка все меры административного принуждения можно подразделить на следующие группы:

- 1) меры административного пресечения;
- 2) административно-предупредительные меры;
- 3) меры административной ответственности;
- 4) меры административно-процессуального обеспечения.

В отношении проблемы классификации существует несколько точек зрения. Наиболее дискуссионным является вопрос о наличии административно-восстановительных мер как самостоятельного вида административного принуждения. Если авторский коллектив под руководством Д. Н. Бахраха считает, что восстановительные меры вообще и административно-восстановительные в частности, применяемые в целях возмещения причиненного ущерба, восстановления прежнего положения вещей, являются самостоятельным видом административного принуждения, то А. П. Алехин и А. А. Кармолицкий с определенной оговоркой признают наличие мер, направленных на восстановление ранее существовавшего правового положения, нарушенного противоправными действиями. По их мнению, такое принуждение целесообразно признавать судебным принуждением, в связи с тем, что данные меры в настоящее время применяются только по судебному решению.

Названные обстоятельства свидетельствуют о дискуссионности вопроса. В свете анализируемых позиций следует отметить, что законодательные акты по борьбе с коррупцией, принятые в последние годы, содержат положения, касающиеся правового статуса государственных служащих. Известно немало примеров административно-восстановительных мер, которые доказывают и подтверждают существование такого правового феномена.

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии коррупции» получение подарков должностными лицами создает условия для конфликта интересов, ставит под сомнение объективность решений, а также влечет ответственность вплоть до увольнения в связи с утратой доверия или уголовной¹. В данном

сийской конференции молодых ученых. Отв. за вып. А. Г. Коцаев. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – С. 609–610.

¹ О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ.

законе сочетаются различные виды государственного принуждения – и дисциплинарное, и уголовное, и административное. Анализируя текст закона, можно сделать вывод о том, что ведущая роль принадлежит административному принуждению в виде мер административно-восстановительного характера. Поскольку и уголовное, и дисциплинарное принуждение возможно только при нарушении правовых норм, лишь административное может применяться с целью недопущения противоправного поведения.

Однако с позиций гражданского законодательства можно выявить некоторые противоречия, связанные с вопросом о получении подарков государственными служащими. Ранее, в соответствии с предыдущей редакцией ст. 575 ГК РФ, признавалось незаконным дарение подарков государственным служащим и служащим органов муниципальных образований в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей. За исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает пять установленных законом минимальных размеров оплаты труда. В ходе анализа содержания данной нормы становится понятно, что если подарок оценивается ниже пяти минимальных размеров оплаты труда, то государственный служащий не нарушает закон, получая такой подарок. Тем не менее ст. 17 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусматривает перечень запретов, связанных с гражданской службой, к числу которых относится запрет получать вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения) в связи с исполнением должностных обязанностей. Подарки, полученные государственным гражданским служащим в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и другими официальными мероприятиями, признаются соответственно федеральной собственностью и собственностью субъекта Российской Федерации и передаются гражданским служащим по акту в государственный орган, в котором он замещает должность гражданской службы, за исключением случаев, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации. В сложившейся ситуации Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» по отношению к ст. 575 ГК РФ является специальным законом и подлежит приоритетному применению.

нию. Однако бланкетная норма, содержащаяся в данном законе, не позволяет однозначно толковать данную формулировку, поскольку используемая терминология не дает ответа на возникающие вопросы, например, что такое «обычный подарок», «протокольные мероприятия» и др.?

Несмотря на то, что новая редакция ст. 575 ГК РФ установила стоимость подарка в твердом денежном исчислении, а не в кратном отношении к минимальному размеру оплаты труда, расширила перечень субъектов, на которых распространяется данная норма, включив в него лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, служащих Банка России, а в ч. 2 ст. 575 определен порядок получения подарков названными категориями лиц, вопрос об обычных подарках остается открытым, поскольку в данном случае наблюдается некоторое противоречие между первой и второй частью исследуемой статьи. Это противоречие проявляется в том, что логически можно признать допустимым получение обычного подарка служащим от постороннего лица, если его стоимость меньше трех тысяч рублей, но в то же время об аналогичных подарках, полученных во время протокольных мероприятий, служащий должен уведомить своего работодателя. По нашему мнению, чтобы устранить это противоречие, необходимо исключить п. 3 ч. 1 ст. 575 ГК РФ, оставив подобную возможность как знак благодарности в рамках диспозитивной нормы, а вторая часть исследуемой статьи касается императивных норм, регулирующих государственную службу. В результате принятых мер будет достигнуто смысловое единообразие в толковании текста соответствующей статьи Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», которая однозначно запрещает получение государственным служащим любого вознаграждения от физических и юридических лиц в связи с исполнением должностных обязанностей. Служащий сможет получить подарок стоимостью менее трех тысяч рублей только в случае дарения в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями.

Более подробно процедура перехода подарка от дарителя к одаряемому утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 9 января 2014 года № 10. Государственный служащий может получить подарок только в том случае, если не будут нарушены нормы, которые включены в Типовое положение,

являющееся подзаконным актом, принятым на основании и во исполнение действующего законодательства. Данное Положение предусматривает обязанность сотрудника информировать работодателя о получении подарка во время проведения официальных протокольных мероприятий, а также в связи со служебными командировками, возврате и оценивании подарка, а также возможности его приобретения или отказа с последующей реализацией и поступлением денежных средств, полученных от его продажи в соответствующий бюджет.

Это Положение распространяется не только на государственных и муниципальных служащих и служащих Центрального банка Российской Федерации, но и на сотрудников иных организаций. В перечень таких организаций включены Пенсионный фонд Российской Федерации (ПФР), Фонд социального страхования Российской Федерации (ФСС), Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС), другие организации, сформированные Российской Федерацией в соответствии с законодательством России, и иные организации, образованные для реализации задач, стоящих перед федеральными органами государства.

Порядок, который допускает получение подарка в связи с протокольными мероприятиями, устанавливает последовательность действий лица, получившего подарок. Во-первых, служащий может принять подарок, но только лишь кратковременно, так как по возвращении на рабочее место он должен сдать его работодателю. Во-вторых, в организации формируется специальная комиссия, на которую возлагается обязанность оценить подарок, и, если он дешевле трех тысяч рублей, то такой подарок возвращается владельцу. В-третьих, если подарок оказывается дороже установленной суммы, то лицу предлагается выкупить подарок по определенной комиссией цене. В-четвертых, служащий может отказаться от полученного подарка. Если чиновник не желает его приобретать, то окончательную судьбу подарка решает комиссия:

- а) изделия и драгоценных металлов передаются в Гохран;
- б) иные предметы могут остаться в организации (картины, настенные часы);
- в) подлежит утилизации¹.

¹ Типовое положение о сообщении отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с официальными мероприятиями, сдаче и оценке подарка,

Средства, вырученные от реализации (выкупа) подарка, зачисляются в доход бюджета в порядке, установленном бюджетным законодательством Российской Федерации. Эти суммы уплачиваются государственным служащим добровольно, по своему усмотрению, у него есть возможность выбора – выкупить подарок или отказаться от него.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что процедура получения подарков государственными служащими во время протокольных мероприятий содержит признаки административного принуждения в виде административно-восстановительных мер. Эти меры направлены на защиту публичных интересов, не допускают личной заинтересованности государственных служащих в процессе принятия управленческих решений.

Библиографический список

1. *Лунарев Е. Б.* Общая теория административно-правового спора. – Воронеж: Изд. Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 248 с.
2. *Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н.* Административное право: учебник. – М.: Издательство НОРМА, 2008. – 361 с.
3. *Алехин А. П., Кармолицкий А. А.* Административное право России. – М.: Зерцало-М, 2012. – 312 с.
4. *Бочанская Д. С., Очаковский В. А.* Актуальные проблемы борьбы с административными правонарушениями // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 34-2. – С. 163–170.
5. *Чернов Г. Ю., Чернов Ю. И.* Рассмотрение дел о привлечении к административной ответственности должностных лиц судьями арбитражных судов // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сб. ст. по матер. IX Всероссийской конференции молодых ученых. Отв. за вып. А. Г. Коцаев. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – С. 609–61

реализации (выкупе) и зачислении средств, вырученных от его реализации: утв. постановлением Правительства РФ от 9 янв. 2014 г. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С. Н. Мамедов

заведующий кафедрой государственного права
и управления таможенной деятельностью
Юридического института Владимирского государственного уни-
верситета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
кандидат юридических наук, доцент
sabir-40@mail.ru

**СПЕЦИФИКА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА
ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ**

**SPECIFICS OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF
INDIVIDUAL IN RUSSIAN FEDERATION: THE THEORETICAL
QUESTIONS**

В данной статье анализируются понятие и структура конституционно-правового статуса личности. Определена роль конституционного, в соответствии с которым закреплены основы правового статуса личности, определяющие ее положение в государстве и обществе. В сравнении с конституционным другие отрасли права фиксируют обязанности и права в определенных сферах жизни: имущественной, трудовой, семейной и др.

Ключевые слова: правовой статус; правовой статус личности; конституционно-правовой статус личности; правовое положение; конституционные права; конституционные обязанности.

In this article, the concept and structure of the constitutional and legal status of the individual are analyzed. Constitutional law plays a specific

role in securing the legal status of a person and a citizen. It establishes the basis of the legal status of the individual, determining its position in the state and society, while other branches of law fix rights and duties in certain spheres of life: property, labor, family, etc.

Keywords: legal status; legal personality status; constitutional and legal status of person; legal status; constitutional rights; constitutional duties.

Конституционным статусом охвачена гарантированная Конституцией РФ и государственной властью система основных прав, свобод и обязанностей физических лиц, характеризующая их фактическое и юридическое положение в обществе. Предпосылкой конституционного статуса граждан РФ является институт гражданства.

Правовой статус – это совокупность различных прав и обязанностей субъектов, закрепленных нормами всех отраслей права. Россия переживает сложный период своего экономического и социального развития, в том числе провокационных моментов на международной арене. Следовательно, под такими тяготами и влиянием с разных сторон государство прибегает к расширению своих полномочий и компетенций в целях защиты и безопасности, вмешивается в частную жизнь человека. Естественно, это вызывает определенные практические коллизии и бурные возгласы общественности, в том числе научную дискуссию.

Следует отметить, что Россия выбрала путь гуманизации права, тем самым закрепив права и свободы человека и гражданина в качестве высшей ценности, а также провела процесс имплементации норм международного права в национальное законодательство. Ратифицировав данные нормы, Россия взяла на себя ответственность исполнять, соблюдать права человека и создавать все действенные механизмы по их соблюдению.

Нормы конституционного права составляют одну, но основополагающую отрасль законодательства. Поэтому конституционное право выполняет специфическую роль в закреплении правового статуса человека и гражданина. Оно закрепляет основы правового статуса личности, определяющие ее положение в государстве и обществе. Другие же отрасли права фиксируют обязанности и права в определенных сферах жизни: имущественной, трудовой, семейной, иной.

Конституционный статус – это основные права, свободы и обязанности личности, закрепленные в Конституции РФ. Конституционный статус включает в себя относительно неболь-

шую, но самую важную часть всех прав и свобод. В жизни человек пользуется далеко не всеми правами и свободами, установленными в законодательстве. Различен и объем возлагаемых на людей юридических обязанностей¹.

Так, закоренелый холостяк, принципиально не желающий создавать семью, не будет выполнять семейные обязанности. Или человек, считающий себя патриотом города (деревни) и не испытывающий потребности ездить по стране или выезжать за рубеж, не в полной мере использует принадлежащую ему свободу передвижения. Большинство людей не реализуют уголовно-правовые нормы, воздерживаются от совершения преступлений и не попадают в ситуации, в которых они могут стать жертвами преступных деяний (потерпевшими).

Правовое положение – это совокупность реализуемых прав, свобод и обязанностей. Правовое положение всегда отличается от правового статуса, в частности, по объему. Конституционный статус также может быть реализован человеком не в полной мере (в жизни именно так часто и случается).

Конституционный статус личности определяется нормативным актом, имеющим высшую юридическую силу, – Конституцией Российской Федерации, принятой всенародным голосованием, и, согласно ст. 135 Конституции РФ, может быть изменен либо Конституционным Собранием (2/3 голосов), либо путем всенародного голосования². Конституционный статус личности в демократическом государстве основывается на следующих принципах:

- 1) человек, его права и свободы – высшая ценность;
- 2) все граждане имеют права и свободы от рождения;
- 3) граждане имеют равные права;
- 4) основные права и свободы граждан неотчуждаемы;
- 5) осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц;
- 6) основные права и свободы гарантированы государством.

В структуре конституционного статуса личности три элемента: конституционные права, конституционные свободы, конституционные обязанности.

¹ Мутагиров Д. З. Права и свободы человека: теория и практика. – М.: Логос, 2016. – С. 317.

² Головистикова А. Н. Права человека: учебник. Сер.: Рос. юрид. образование. – М.: ЭКСМО, 2012. – С. 173.

Конституционные права – это такие юридически признанные возможности человека избирать вид и меру своего поведения, которые могут быть реализованы только при условии исполнения соответствующей (корреспондирующей) юридической обязанности государства в лице государственных органов, должностных лиц, а также других субъектов права (право на жилище, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на образование, право на обращение в государственные органы и др.). Так, осуществить свое право на жилище без участия других субъектов права человек не может¹.

К примеру, право на жизнь является основным личным правом человека. Это его естественное право, защита этого права представляет собой широкий комплекс мер всех общественных и государственных структур. Для охраны права на жизнь человека в обязательном порядке должны быть задействованы как и внешняя, так и внутренняя политика государства.²

Впервые право человека на жизнь было закреплено в российской Конституции после принятия Декларации прав и свобод человека и гражданина. Само по себе отношение к человеческой жизни как к высшей социальной ценности охватывает все отраслевое законодательство. В этом понимании оно содержит самые разнообразные нормы: ответственность за преступления против жизни, порядок признания лица умершим, необходимая оборона, условия констатации смерти человека и т.д.

Если рассматривать сферу личных прав, то можно отнести к данной категории и право на охрану достоинства личности. Непосредственно эту охрану, согласно Конституции РФ, осуществляет государство. Вышеупомянутое право прежде всего равнозначно и стоит в одном ряду с правом на уважение и обязательно уважать других членов общества. Категория достоинство личности находит отражение в законодательстве РФ и пересекается во многих отраслях права, в том числе и непосредственно процедура ее защиты. Таким образом, отечественное законодательство пронизывает многие нормы, в том числе уголовное и

¹ Астафичев П. А. Право человека на личное достоинство: конституционно-правовые основы и проблемы реализации // Социальное и пенсионное право. – 2014. – № 3. – С. 53.

² Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2012. – С. 86.

уголовно-процессуальное законодательство, и делает упор на защиту и охрану достоинства личности.

Немало в последнее время дискуссий на тему о праве неприкосновенности частной жизни. Дискуссии в обществе вызывает новый список поправок к Федеральному закону «О противодействии терроризму». Грань между уголовно-правовым негативным явлением и правом на частную жизнь четко предусмотрена в законодательстве РФ. Естественно, никто не желает превращать свою личную жизнь в достояние общественности, но мало кто обращает внимание на тот факт, что правоохранители, если и будут вторгаться в эту тайну, то только основываясь на законе, лишь для выявления и предотвращения противоправных деяний. Не следует ставить вопрос права личности и его частной жизни против процедуры вторжения в частную жизнь россиян для обеспечения безопасности государства, это некорректное сравнение. При отсутствии вышеуказанных условий, установленных законом, частная жизнь человека неприкосновенна.

Практическая реализация данной задачи, связанной с жизнеобеспечением населения, не отвечает нормативным требованиям во многих сферах: медицинское обслуживание не соответствует надлежащему уровню, состояние окружающей среды плохое, борьба с наркоманией неэффективна и т.п. Все перечисленные факторы приводят к уменьшению продолжительности жизни человека в России.¹

Недостаточно только закрепить и провозгласить основные права и свободы человека и гражданина. Нужна юридическая гарантия. В системе гарантий основных прав и свобод человека и гражданина важное место занимает их уголовно-правовая охрана. Согласно ст. 2 действующего УК РФ его задачами являются охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Поэтому основные права и свободы человека и гражданина в современных условиях – приоритетный объект уголовно-правовой охраны, имеющий особое значение в связи с интеграцией России в мировое сообщество.

¹ Братановский С. Н. Конституционное право России: учебник. 2-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2012. – С. 211.

Конституционные свободы – это такие правомочия индивида, которые он может реализовывать самостоятельно, не вступая в правоотношения с органами государства, должностными лицами и другими субъектами права (право на жизнь, на достоинство, на свободу передвижения, слова, мысли, вероисповедания и т. п.). Реализация индивидом свобод, ему принадлежащих, предполагает лишь невмешательство со стороны других. Так, каждый может высказать свой взгляд на проводимую Президентом и Правительством политику, причем публично, в форме, не оскорбляющей чью-либо честь и достоинство. Воспрепятствовать этому нельзя. Можно лишь помочь, как сделало это Московское правительство, установив небольшое возвышение (трибуну) в начале пешеходной улицы Старый Арбат для желающих публично высказаться¹.

Конституционные обязанности – это предписанные и закрепленные в Конституции РФ определенные вид и мера необходимого (должного) поведения (обязанность платить налоги, сохранять окружающую среду, защищать Отечество). Обязанность в принципе не предлагает возможность выбора, однако границы выбора, хотя и узкие, все же есть. Так, если гражданин не хочет платить налоги с заработной платы, он может вообще не работать. Если мужчина не хочет служить в армии по своим убеждениям или его вероисповедание противоречит несению военной службы, то он может быть занят на альтернативной гражданской службе².

Отличие конституционных прав и свобод от обязанностей носит принципиальный характер: за неисполнение обязанностей могут быть применены санкции, нежелание же использовать принадлежащие индивиду права и свободы не преследуется по закону.

Библиографический список

1. *Астафичев П. А.* Право человека на личное достоинство: конституционно-правовые основы и проблемы реализации // Социальное и пенсионное право. – 2014. – № 3. – С. 7–13.

¹ *Зарицкий А. В.* Гарантии прав личности при реализации юридической ответственности (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Коломна, 2012. – С. 21.

² *Смоленский М. Б., Мархгейм М. В.* Конституционное право Российской Федерации: учебник. – М.: ИКЦ «МарТ», 2013. – С. 165.

2. *Братановский С. Н.* Конституционное право России: учебник. 2-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2012. – 921 с.

3. *Головистикова А. Н.* Права человека: учебник. Сер.: Рос. юрид. образование. – М.: ЭКСМО, 2012. – 382 с.

4. *Зарицкий А. В.* Гарантии прав личности при реализации юридической ответственности (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Коломна, 2012. – 119 с.

5. *Кутафин О. Е.* Конституционное право России: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект – 2012. – 565 с.

6. *Мутагиров Д. З.* Права и свободы человека: теория и практика. – М.: Логос, 2016. – 519 с.

7. *Смоленский М. Б., Мархейм М. В.* Конституционное право Российской Федерации: учебник. – М.: ИКЦ «МарТ», 2013. – 243 с.

В. А. Микрюков

доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет им. О. Е. Кутафина»
кандидат юридических наук
vmikryukov@yandex.ru

**ОТМЕНА ВЫХОДА ИЗ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ С ПРИМЕНЕНИЕМ АНАЛОГИИ ЗАКОНА****CANCELING WITHDRAWAL FROM OOO (LIMITED LIABILITY
COMPANY) WITH THE USE OF LEGAL ANALOGY**

В статье на основе доктринального осмысления осуществляется анализ судебного применения правовых норм о выходе участника из общества с ограниченной ответственностью. Автор показывает неполноту и некорректность сложившихся подходов к оценке допустимости отзыва поданного участником заявления о выходе из общества без учета наличия или отсутствия соответствующих действий общества и отражения их в Едином государственном реестре юридических лиц. Предложен основанный на применении аналогии закона алгоритм ответа на поставленный автором вопрос, отраженный в названии статьи.

Ключевые слова: аналогия закона; выход из общества с ограниченной ответственностью; отмена заявления о выходе.

This article suggests doctrinal assessment and analysis of the application of the legal provisions regulating the participant's withdrawal of membership from a OOO (Limited Liability Company) in court proceedings. The author states that the approaches to assessing the cancellation of the participant's withdrawal statement without taking into account the company's acts or the absence thereof and corresponding record entries in the Uniform

State Register of Legal Entities are incomplete and incorrect. An algorithm for answering the question posed in the article heading is offered.

Keywords: analogy of law; withdrawal of membership from ООО (Limited Liability Company); cancellation of withdrawal statement.

Согласно норме п. 1 ст. 26 Федерального закона от 08 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (Закон об ООО) в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Закон № 312-ФЗ) устав общества с ограниченной ответственностью может предусматривать право любого участника выйти из общества путем отчуждения доли обществу независимо от согласия других его участников или общества.

На основании положений п. 6.1, п. 2, п. 7 ст. 23 Закона об ООО и п. 2 ст. 94 ГК РФ непосредственно со дня получения обществом заявления участника о выходе из общества¹ для самого заявителя, общества и оставшихся в нем участников наступают серьезные юридические и экономические последствия.

Во-первых, лицо, предъявившее соответствующее заявление, утрачивает статус участника общества, а доля в уставном капитале общества, принадлежавшая этому лицу, переходит к обществу. За исключением сохраняющейся в силу п. 4 ст. 26 Закона об ООО обязанности участника перед обществом по внесению вклада в имущество корпорации, возникшей до подачи им заявления о выходе из общества, такой участник утрачивает связывавший его с обществом комплекс корпоративных прав и обязанностей. Это означает, в частности, что вышедший из общества участник теряет возможность оспаривания совершаемых обществом сделок и решений общих собраний участников, в том числе совершаемых (принимаемых) в контексте последствий со-

¹ Как разъяснено в п. 16 Постановления Пленумов Верховного Суда РФ, ВАС РФ от 09 дек. 1999 года № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», временем подачи такого заявления следует рассматривать день вручения его участником как совету директоров (наблюдательному совету) либо исполнительному органу общества (единоличному или коллегиальному), так и сотруднику организации, в обязанности которого входит передача заявления надлежащему лицу, а в случае отправки заявления по почте – день поступления его в экспедицию либо к сотруднику общества, выполняющему эти функции.

стоявшегося выхода¹. В свою очередь, оставшиеся участники лишаются права требовать исключения вышедшего по правилам ст. 10 Закона об ООО². Следует подчеркнуть, что данные последствия наступают автоматически. При попытках реализации корпоративных прав лицами, подавшими заявления о выходе, суды обоснованно отвергают их доводы о том, что они не подписывали договоров и (или) актов о передаче долей обществу³.

Во-вторых, общество, получившее заявление участника о выходе, становится обязанным выплатить подавшему заявление лицу действительную стоимость его доли в уставном капитале общества, которая подлежит определению на основании данных бухгалтерской отчетности общества за последний отчетный период, предшествующий дню подачи заявления о выходе из общества⁴ (или с согласия этого лица оказывается обязанным выдать ему в натуре имущество такой же стоимости). При этом действительная стоимость доли участника общества в силу п. 2 ст. 14 Закона об ООО равна (соответствует) части величины чистых активов общества, пропорциональных размеру доли. Это обстоятельство указывает на то, что свободный, не согласуемый с обществом и другими участниками выход участника, обладающего мажоритарной долей, и (или) выход участника из общества, находящегося в сложном (или даже предбанкротном) экономическом положении⁵, может поставить крест на перспективах дальнейше-

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19 нояб. 2014 г. по делу № А08-8307/13; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 27 июля 2012 г. по делу № А45-2058/2010; Постановление ФАС Московского округа от 22 июня 2010 г. по делу № А41-К1-18488/07. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11 апр. 2016 г. по делу № А79-8976/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление ФАС Поволжского округа от 12 дек. 2006 г. по делу № А55-5082/06-40. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Требование о расчете действительной стоимости доли на основании данных бухгалтерской отчетности не исключает права вышедшего требовать выплаты действительной стоимости, определенной с учетом рыночной стоимости принадлежащего обществу имущества (см.: Постановление Президиума ВАС РФ от 06 сент. 2005 г. № 5261/05, от 10 сент. 2013 г. № 3744/13).

⁵ Как правильно отметил Р. С. Бевзенко, практическая реализация права на выход участника из общества может иметь место только в той ситуации, когда участник подозревает, что выручить действительную стоимость доли через ее продажу третьему лицу не удастся, т.е. в экономически неблагоприятной ситуации, а в такой ситуации для общества нет ничего хуже, чем увеличить свои долги еще и в результате выхода участника (см.: *Бевзенко Р. С. Выход участника из об-*

го нормального функционирования общества, превратиться в «растаскиловку» и лишить общество основных (или вообще всех) активов¹, создать предпосылки для фактического раздела общества на части².

В-третьих, фактическое осуществление участником права на выход помимо очевидных последствий, связанных с возможным оттоком ликвидных активов, может, как это верно отмечается в литературе, повлиять на непредвиденное распределение корпоративного контроля в обществе³. В частности, переход доли вышедшего участника к обществу позволит изменить соотношение голосов на общем собрании участников в пользу одного из них, последующее распределение этой доли между участниками общества способно увеличить доли миноритарных до размера, позволяющего требовать созыва внеочередного общего собрания участников общества (п. 2 ст. 35 Закона об ООО), оспаривать крупные сделки общества (п. 4 ст. 46 Закона об ООО) или инициировать вопрос об исключении из общества других участников (ст. 10 Закона об ООО).

В-четвертых, выход одного из участников общества может спровоцировать цепную реакцию и спешный массовый выход других. При этом участники, оставшиеся в обществе, будут самостоятельно нести бремя корпоративного управления, поддержания его текущей деятельности либо осуществления его ликвидации. Более того, в обществе может остаться единственный участник⁴, который (в отличие от бывших коллег) в силу установленно-

щества с ограниченной ответственностью: перспективы отмены // Закон. – 2006. № 9. – С. 50–55).

¹ См.: *Суханов Е. А.* Акционерные общества и другие юридические лица в новом гражданском законодательстве // *Хозяйство и право.* – 1997. – № 1. – С. 91–92.

² См.: *Степанов Д. И.* Интересы юридического лица и его участников // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* – 2015. – № 1. – С. 29–83.

³ См.: *Ерахтина О. С., Широкова А. Д.* Корпоративный контроль и особенности его защиты в обществах с ограниченной ответственностью // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2015. – № 11. – С. 80–87.

⁴ Перспектива обретения лицом правового статуса единственного участника общества с ограниченной ответственностью при необходимости обеспечения таким лицом корпоративного управления и текущей деятельности общества, в том числе при ликвидации последнего, признается в судебной практике обычным предпринимательским риском участника гражданского оборота (см.: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 03 сент. 2015 г. № 08АП-6933/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».).

го в п. 2 ст. 26 Закона об ООО запрета не сможет избавиться от корпоративного бремени посредством выхода из общества и будет вынужден единолично осуществлять высшее корпоративное руководство, нести соответствующие юридические и экономические риски. При этом если такой участник ранее был миноритарным, он может оказаться финансово и организационно не готов вынести эти риски и бремя.

Изложенное в целом позволяет согласиться с тем, что в корпоративных отношениях правовая оценка заявления участника о выходе из состава членов корпорации становится «краеугольным камнем»¹. Указанные выше последствия могут не наступить, если уставом выход из общества просто не предусмотрен, специально воспрещен или обусловлен согласием других участников². Но поскольку до принятия Закона № 312-ФЗ право выйти из общества на уровне закона императивно признавалось за всеми участниками любых обществ с ограниченной ответственностью (без какой-либо возможности внутрикорпоративного ограничения или исключения³), а по сложившейся в отечественной корпоративной практике традиции положения закона о порядке выхода участников из общества (как и многие другие положения закона) в подавляющем большинстве случаев для обеспечения достойного объема документа и его «солидности» воспроизводятся в уставах, сегодня ввиду известного в науке эффекта «прилипания»⁴ продолжает действовать огромное количество обществ, в которых сохранились положения о возможности любого участника в любой момент покинуть общество. Действительно, как уточнил Прези-

¹ См.: *Лантев В. А.* Решения собраний и сделки: правовой режим и отличия // Юрист. – 2016. – № 2. – С. 30–37.

² Правомерность положений устава, обуславливающих возможность выхода участника из общества получением согласия других участников этого общества, в ряде случаев отвергается судами (см., напр.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 23 июля 2012 г. № Ф08-3891/12, Постановление ФАС Московского округа от 11 июня 2013 г. № А40-36218/12-34-291. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»), однако трудно привести внятные политико-правовые основания запрета такого удобного промежуточного решения.

³ В п. 27 Постановления Пленумов Верховного Суда РФ, ВАС РФ от 01 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» подчеркивалось, что условия учредительных документов, лишаящие участника этого права или ограничивающие его, должны рассматриваться как ничтожные.

⁴ См.: *Степанов Д. И.* Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 9. – С. 104–167.

диум ВАС РФ, если устав общества, созданного до даты вступления в силу Закона № 312-ФЗ, содержал норму о праве участников общества на выход, то это право сохраняется у них и после этой даты независимо от того, внесены ли в устав общества изменения в связи с приведением его в соответствие с новым законодательством¹.

Осознание серьезности юридических и экономических последствий подачи участником заявления о выходе из общества и четкое понимание того, что «безграничная свобода одних может превратиться в произвол по отношению к другим участникам гражданского оборота»², актуализируют не имеющий прямого нормативного ответа на вопрос о том, носит ли разрыв корпоративной связи между обществом и участником, направившим заявление о выходе, необратимый характер. Иными словами, важно четко понимать, сохраняет ли участник общества возможность опомниться, передумать и отменить (отозвать) предъявленное в общество заявление. Действительно, как отмечают практикующие юристы, в предпринимательской практике достаточно распространены случаи, когда участники общества с ограниченной ответственностью, подавшие заявления о выходе, по каким-либо причинам пытаются отозвать свои заявления³.

При отсутствии специальной нормативной регламентации подобных ситуаций на первый план выходит необходимость юридической квалификации действий по предъявлению в общество заявления о выходе.

В доктрине волеизъявление участника покинуть общество идентифицируется как юридический факт, нацеленный на динамику (возникновение, изменение или прекращение) субъективных гражданских прав и обязанностей, а потому в большинстве случаев признается односторонней сделкой. В частности,

¹ См.: п. 21 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 30 марта 2010 года № 135 «О некоторых вопросах, связанных с применением статьи 5 Федерального закона от 30.12.2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 5.

² См.: Камышанский В. П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. – 2016. – № 3. – С. 16.

³ См.: Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами споров, связанных с выходом участников из обществ с ограниченной ответственностью (за июнь 2004 – март 2005 г.), подготовленный группой авторов ЗАО «ЮРИНФОРМ В» для системы КонсультантПлюс. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ю. С. Поваров, хотя и заметил некоторую размытость нормы п. 1 ст. 26 Закона об ООО в ракурсе квалификации рассматриваемого заявления как юридического факта¹, заключил, что сделочная природа волеизъявления участника, направленного на прекращение его связей с корпорацией, вряд ли может быть отрицаема². Е. А. Крашенинников и Ю. В. Байгушева безоговорочно определили, что выход члена из всякого гражданско-правового объединения представляет собой совершаемую членом одностороннюю сделку, которая обращена к компетентному органу объединения или его остальным членам и направлена на прекращение права членства³. Поскольку правовые последствия заявления о выходе наступают исключительно в силу волеизъявления участника и для их возникновения в соответствии с законом необходимо и достаточно воли одной стороны (участника), Л. А. Новоселова прямо назвала такое волеизъявление односторонней сделкой⁴. Отрицательно отвечая на вопрос о том, распространяются ли на отношения, связанные с выходом из общества, положения о совершении сделок с заинтересованностью, А. В. Майфат отметил, что применение правил о сделках с заинтересованностью в данном случае означало бы требование о получении согласия иных участников на выход из общества, а это значит, что фактически участник никогда не смог бы выйти из общества, и именно поэтому конструкция выхода участника из общества и получения стоимости доли построена по модели односторонней сделки, где обязанность общества, основанная на законе, реализуется действиями общества по выплате стоимости этой доли, которые не являются по своей правовой природе акцептом⁵. В свою очередь, А. Б. Бабаев

¹ Эта норма требует нотариального удостоверения заявления не в качестве сделки, а по правилам, предусмотренным законодательством о нотариате для удостоверения сделок, т.е. формально не относит заявление непосредственно к сделкам, а лишь распространяет на него часть правил о сделках.

² См.: Поваров Ю. С. Заявление участника о выходе из общества с ограниченной ответственностью: вопросы нотариального удостоверения // Власть Закона. – 2015. – № 4. – С. 96–102.

³ См.: Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Право членства // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 12. – С. 71–77.

⁴ См.: Новоселова Л. А. Заявление о выходе из ООО: судебная практика // Корпоративный юрист. – 2006. – № 11. – С. 24–26.

⁵ См.: Майфат А. В. Некоторые вопросы прекращения корпоративных правоотношений: выход участника из общества с ограниченной ответственностью // Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б. М. Гонгало. – М.: Статут, 2016. – С. 120–127.

почеркнул, что анализируемое волеизъявление участника, обладая признаками односторонней сделки, не может быть квалифицировано в качестве юридического поступка, поскольку в том случае, когда воля участника специально не направлена на выход участника из общества, соответствующие правовые последствия не наступают¹.

Правоприменительная практика в целом также ориентируется на односторонне-сделочную природу выхода участника из общества. В частности, нотариусам предписано при удостоверении заявления участника о выходе из общества использовать удостоверительную надпись не по форме № 2.4 «Удостоверительная надпись для удостоверения юридически значимых волеизъявлений», предназначенной для удостоверения документов, которые не являются сделками, но требуют нотариального удостоверения, а по форме № 2.1 «Удостоверительная надпись для односторонней сделки (за исключением доверенности и завещания)»². В Обобщении вопросов, возникающих в нотариальной практике при применении отдельных норм Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в отношении правового статуса заявления участника общества о выходе из общества, ФНП разъяснила, что правовые последствия подачи заявления о выходе из общества наступают исключительно в силу волеизъявления участника, которое направлено на прекращение прав участия в обществе, и не зависят от воли общества, а потому такое волеизъявление участника является односторонней сделкой (пункт 2 статьи 154 ГК РФ). Данный вывод ФНП согласуется с устойчивой судебной позицией, согласно которой заявление участника общества о выходе идентифицируется как сделка. Суды, в частности, указывают на то, что односторонняя сделка по выходу из состава участников общества, оформленная заявлением о выходе, в силу ст. 168 ГК РФ может быть признана недействительной (ничтожной) в случае нарушения запрета, установленного п. 2 ст. 26 За-

¹ См.: *Бабаев А. Б.* Односторонние сделки в системе юридических фактов // *Сделки: проблемы теории и практики: Сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова.* – М.: Статут, 2008. – С. 119–164.

² См.: О применении отдельных положений форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах и порядка их оформления, утвержденных приказом Минюста России от 27.12.2016 № 313: информация Минюста России, ФНП [Электронный ресурс]. URL: <http://www.notary-rd.ru/> (дата обращения: 21.02.2017).

кона об ООО¹. Суды считают ничтожными односторонние сделки по выходу, если действия выходящих нацелены исключительно на уменьшение размера имущества, за счет которого возможно удовлетворение требования кредиторов общества, и в этих действиях усматриваются признаки злоупотребления правом². Суды применяют последствия недействительности заявлений о выходе из общества как односторонних сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (в таких случаях участник считается не вышедшим из состава общества)³.

Отсутствие прямого законодательного закрепления возможности отменить заявление о выходе из общества с ограниченной ответственностью в сочетании с квалификацией заявления о выходе в качестве односторонней сделки в большинстве случаев приводит юристов к отрицанию права выходящего отозвать поданное в общество заявление: поскольку подача заявления о выходе из общества порождает правовые последствия, которые не могут быть изменены в одностороннем порядке (доля участника переходит обществу), то закон не предоставляет возможности участнику свободно изменять решение о выходе⁴. С точки зрения А. В. Валуевского, предусмотренные ст. 26 Закона об ООО юридические последствия наступают независимо от того, отдают ли себе отчет в том, что эти последствия наступили, другие участники общества, а также лица, выполняющие функции исполнительных органов, то есть результаты подачи заявления о выходе из общества носят необратимый характер, изменить свое намерение о выходе из общества участник может только до момента подачи заявления⁵. В этом аспекте вполне логичными выглядят выска-

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 11 апр. 2017 г. № 305-ЭС16-14771. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Президиума Пермского краевого суда от 06 сент. 2013 г. по делу № 44-г-1143/13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: пункт 13 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 10 дек. 2013 г. № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁴ См.: Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. В. П. Мозолина, М. Н. Малеиной. – М.: НОРМА, – 2004. – С. 203–204.

⁵ См.: Валуевский А. В. Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами округов споров о праве на доли в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (за январь 2005 г. – март 2006 г.). Доступ

звания некоторых авторов о том, что права, возникшие из подобных действий, «неприкосновенны (пункты 1 и 2 ст. 1, ст. 9 ГК РФ), то есть будучи однажды установленными, не могут быть произвольно прекращены или отобраны, в том числе лицом, которое их в свое время предоставило»¹. Имеет резон и научная позиция, в силу которой в результате односторонней сделки участника по выходу из общества последнее приобретает определенное благо, которым может распорядиться, а потому действие участника по отзыву своего заявления посягает на это благо и нарушает установленный ст. 310 ГК РФ принцип недопустимости отказа от исполнения обязательств².

Схожие доводы в пользу бесповоротности заявления о выходе из общества можно встретить в отдельных судебных актах. Суды указывают, что иного способа аннулирования правовых последствий подачи участником заявления о выходе из общества, кроме как оспаривание такого заявления в судебном порядке применительно к правилам о недействительности сделок (например, по мотивам подачи заявления под влиянием насилия, угрозы либо в момент, когда участник общества находился в таком состоянии, что не был способен понимать значение своих действий или руководить ими), законодательство не предусматривает³.

Помимо этого, констатируется, что в результате односторонней сделки по выходу участника из общества между участником и обществом возникает обязательственное правоотношение, на которое распространяются нормы гражданского законодательства об обязательствах, включая закрепленный в ст. 310 ГК РФ принцип нерушимости обязательства, и, кроме того, действия участника по отзыву своего заявления о выходе могут нарушить законные интересы лиц, приобретших право участия, утраченное лицом, вышедшим из общества⁴. В одном из дел суд, отказывая в

из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ См.: Белов В. А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 11. – С. 53–90.

² См.: Бабаев А. Б. Односторонние сделки в системе юридических фактов // Сделки: проблемы теории и практики: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2008. – С. 119–164.

³ См.: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 мая 2016 г. № 19АП-1548/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление ФАС Поволжского округа от 15 дек. 2011 г. № А57-1600/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

удовлетворении требования о восстановлении лица в качестве участника организации, признал, что именно с даты получения обществом заявления участника о выходе из общества он перестает быть его участником и что действующим законодательством не предусмотрена возможность приобретения статуса участника после его утраты в связи с подачей заявления о выходе из числа участников общества путем отзыва такого заявления¹. В другом деле суд привел дополнительную аргументацию того, что по смыслу статей 23 – 26 Закона об ООО выход участника из общества носит бесповоротный характер, за исключением случаев признания указанной односторонней сделки недействительной. С позиции правоприменителей восстановление вышедшего из общества лица в составе его участников с возвратом ему доли в уставном капитале допускается лишь в исключительных случаях, указанных в п. 8 ст. 23 Закона об ООО. Речь идет о том, что если в соответствии с требованиями настоящего Закона об ООО общество не вправе выплачивать вышедшему действительную стоимость его доли либо выдавать в натуре имущество такой же стоимости, оно, на основании заявления в письменной форме, поданного не позднее чем в течение трех месяцев со дня истечения срока выплаты действительной стоимости доли лицом, доля которого перешла к обществу, обязано восстановить его как участника общества и передать ему соответствующую долю в уставном капитале общества)².

Вместе с тем в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90 и Пленума ВАС РФ № 14 от 09 декабря 1999 года «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» сформулирован подход, согласно которому недопустимость одностороннего изменения (отмены) последствий, вызванных подачей заявления о выходе из общества, не исключает возможности удовлетворения обществом просьбы участника о согласовании отзыва такого заявления. С одной стороны, суды подчеркнули, что по смыслу п. 2 ст. 26 Закона об ООО подача заявления участником общества порождает предусмотренные этой нормой правовые последствия,

¹ См.: Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 16 июля 2012 г. по делу № А73-2496/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 февр. 2011 г. по делу № А53-17025/2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

которые не могут быть изменены в одностороннем порядке. С другой стороны, они отметили, что это обстоятельство не лишает участника права в случае отказа общества удовлетворить его просьбу оспорить такое заявление в судебном порядке с помощью правил о недействительности сделок.

В практике нижестоящих судов данный подход отработан и конкретизирован. Считается, что если общество не выплатило участнику, подавшему заявление о выходе, действительную стоимость его доли и при этом допускает его к участию в общих собраниях участников общества, то следует признавать такое общество давшим согласие на отзыв (отмену) участником ранее поданного заявления о выходе¹. Кроме того, определено, что участник, покинувший общество с ограниченной ответственностью в одностороннем порядке посредством выхода, может быть восстановлен в правах участника общества путем согласования отзыва (отмены) заявления о выходе не единоличным исполнительным органом, а его высшим корпоративным органом – общим собранием участников². Суды указывают, что, исходя из системного толкования норм ст. 26 Закона об ООО, восстановление выбывшего участника в его правах как участника общества является исключительной прерогативой общества, а возможность решения вопроса о восстановлении выбывшего участника общества единоличным исполнительным органом общества законом не предусмотрена³.

В научных работах также подчеркивается недопустимость не всякого, а лишь не согласованного с обществом отзыва заявления о выходе, поступившего в общество⁴, и, более того, констатируется, что предоставление права отзыва заявления производится исключительно по решению общего собрания участников (единственного участника) общества, что позволяет им оказывать

¹ См.: Постановление ФАС Московского округа от 11 янв. 2006 г. по делу № КГ-А41/13073-05; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 06 нояб. 2014 г. по делу № А73-2303/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление ФАС Уральского округа от 19 февр. 2009 г. № Ф09-494/09-С4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 26 мая 2011 г. по делу № А53-17025/2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: *Поваров Ю. С.* Заявление участника о выходе из общества с ограниченной ответственностью: вопросы нотариального удостоверения // *Власть Закона*. – 2015. – № 4. – С. 96–102.

давление на лицо, намеренное прекратить свое участие в обществе¹.

Суммируя приведенные доктринальные и правоприменительные позиции, можно сложить следующую цепочку рассуждений:

- подача участником в общество заявления о выходе представляет собой одностороннюю сделку;
- совершенная участником односторонняя сделка по выходу из общества порождает права и обязанности общества непосредственно в момент получения обществом соответствующего заявления;
- закон прямо не разрешает участнику, подавшему заявление о выходе из общества, в одностороннем порядке аннулировать юридический эффект совершенной сделки;
- с учетом преимущественной дозволенности и диспозитивности гражданско-правового воздействия общество вправе удовлетворить просьбу участника об отзыве (отмене) заявления о выходе и восстановить последнего в корпоративных правах (согласие может быть выражено прямо, в специальном решении общего собрания участников, или косвенно, путем фактического предоставления права участвовать вышедшему в корпоративной жизни общества и отказа от выплаты данному участнику действительной стоимости его доли);
- если общество отказывается разрешить вышедшему участнику отменить (отозвать) заявление о выходе, участник сохраняет возможность оспорить это заявление по общим правилам недействительности сделок.

Несмотря на внешнюю логичность, эти рассуждения не дают исчерпывающего представления по обозначенной проблеме и нуждаются в существенных уточнениях и оговорках.

Во-первых, не следует думать, что оспаривание участником заявления о выходе применительно к правилам о недействительности сделок возможно лишь в случае, если общество отказывает данному участнику в согласовании отмены (отзыва) заявления о

¹ См.: Агешикина Н. А., Баринов Н. А., Бевзюк Е. А., Беляев М. А., Бельянская А. Б., Бирюкова Т. А., Вахрушева Ю. Н., Гришина Я. С., Закиров Р. Ю., Кожевников О. А., Копьев А. В., Кухаренко Т. А., Морозов А. П., Морозов С. Ю., Серебренников М. М., Шадрин Е. Г. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выходе (как это может показаться при буквальном прочтении упомянутого положения п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09 декабря 1999 года). В действительности такое оспаривание возможно и при отсутствии попыток отменить заявление.

Во-вторых, представляется, что полное отрицание права участника «одуматься» и в одностороннем порядке отменить (отозвать) предъявленное в общество заявление о выходе, равно как и признание за ним абсолютной возможности реализовать такое право (только) при условии получения соответствующего согласия общества, не могут быть однозначно поддержаны или отвергнуты без необходимых оговорок о стадии развития корпоративных отношений, инициированных предъявлением заявления о выходе, соответствующим такой стадии юридической сущности восстановления вышедшего участника в его корпоративном статусе.

Так, полный запрет односторонней или одобренной обществом отмены заявления о выходе вне зависимости от того, как далеко продвинулись соответствующие отношения (обрели ли изменения в составе участников общества силу для третьих лиц, поданы ли документы для внесения в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) записи о переходе покинувшего общество участника к обществу, произошло ли последующее распределение или погашение данной доли), не учитывает серьезность последствий выхода и вступает в противоречие с идеей поддержки принципа стабильности участников корпорации и устойчивости (предсказуемости) корпоративных связей.

В свою очередь, дозволение одностороннего или согласованного с обществом отзыва заявления на любой стадии развития рассматриваемой корпоративно-правовой ситуации, в том числе после внесения в ЕГРЮЛ записи о переходе доли вышедшего участника к обществу (или даже дальше, после погашения данной доли или ее распределения между оставшимися участниками), встречает препятствие в виде отсутствия специально предназначенных для таких ситуаций корпоративных процедур восстановления членства (в том числе сопряженных с необходимым перераспределением долей в уставном капитале, изменением размера уставного капитала и т.п.).

Таким образом, ответ на вопрос о возможности разворота ситуации после подачи участником заявления о выходе должен

определяться с учетом следующего порядка углубления юридического эффекта выхода:

- в силу п. 6.1 и подп. 2 п. 7 ст. 23 Закона Об ООО в случае выхода участника из общества его доля переходит к обществу с даты получения обществом заявления участника этого общества о выходе;

- согласно п. 7.1. ст. 23 Закона об ООО изменения в составе участников общества, вызванные переходом к самому обществу доли вышедшего участника, приобретают силу для третьих лиц с момента их государственной регистрации, причем документы, требующиеся для государственной регистрации соответствующих изменений, должны быть представлены единоличным исполнительным органом общества в регистрирующий орган в течение одного месяца со дня перехода доли к обществу;

- в соответствии с п. 2 и п. 5 ст. 24 Закона об ООО в течение одного года со дня перехода доли в уставном капитале общества к самому обществу эта доля должна быть по решению общего собрания участников общества распределена между всеми оставшимися участниками общества пропорционально их долям в уставном капитале общества или предложена для приобретения всем либо некоторым участникам общества и, если не воспринимается уставом общества, третьим лицам, а не распределенная или не проданная в указанный срок доля должна быть погашена с уменьшением уставного капитала общества на величину номинальной стоимости этой доли.

Думается, что здесь вполне уместна аналогия с тем, как явный правовой пробел преодолевается в схожих ситуациях, когда третье лицо, давшее в порядке ст. 157.1 ГК РФ предварительное согласие на совершение сделки, пытается его отменить. В таких ситуациях речь также идет об односторонней сделке (из п. 50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» следует, что согласие физического или юридического лица на совершение сделки по смыслу ст. 153 ГК РФ для целей применения правил о недействительности сделок квалифицируется как волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, то есть в качестве сделки, а в п. 57 данного постановления указано, что согласие на совершение сделки может быть признано недействительным

применительно к правилам главы 9 ГК РФ о сделках) и более того – об односторонней отмене юридического эффекта этой односторонней сделки, который наступает поэтапно.

Поскольку гражданским законодательством правила о возможности и порядке отзыва согласия на совершение сделки не предусмотрены, Пленум Верховного Суда РФ в п. 57 указанного Постановления по аналогии со ст. 439 ГК РФ (через п. 1 ст. 6 ГК РФ) допустил отзыв согласия на совершение сделки по правилам об отзыве акцепта. Третье лицо, давшее предварительное согласие на совершение сделки, вправе отозвать его, уведомив стороны сделки до момента ее совершения и возместив им убытки, вызванные таким отзывом. При этом с учетом поэтапного углубления юридического эффекта выданного согласия после фактического совершения дозволенной согласием сделки отзыв согласия, сообщение о котором поступило сторонам сделки после ее совершения, считается несостоявшимся и не может служить основанием для признания сделки недействительной.

Ввиду изложенного представляется, что с опорой на двойную аналогию закона (с учетом юридического сходства рассматриваемых отношений по отмене заявления о выходе с отношениями по отмене предварительного согласия на совершение сделки, а через них – с отношениями, урегулированными ст. 439 ГК РФ об отзыве акцепта) на поставленный автором вопрос, отраженный в названии настоящей статьи, следует ответить дифференцированно, в зависимости от стадии развития последствий выхода.

В любое время до момента внесения в ЕГРЮЛ записи о переходе доли вышедшего участника к обществу отмена поданного в общество заявления о выходе участника из общества видится допустимой вне зависимости от воли общества (собрания его участников или единственного участника). По аналогии с тем, как для прекращения доверителем нотариально оформленной доверенности закон требует обращения к нотариусу (подп. 2 п. 1 ст. 188 ГК РФ), отмена нотариально удостоверенного заявления о выходе из общества также должна быть оформлена соответствующим нотариальным заявлением. При этом если лицо, отозвавшее заявление, действовало в одностороннем порядке (без одобрения со стороны общества или при наличии его возражений), оно должно возместить обществу и/или его участникам убытки, вызванные таким отзывом (издержки на подготовку к совершению регистрационных действий, расходы по оценке подлежащей вы-

плате вышедшему действительной стоимости его доли в уставном капитале общества и т.п.).

После внесения в ЕГРЮЛ записи о переходе доли вышедшего участника к обществу и тем более после распределения этой доли между оставшимися участниками общества или ее погашения, или приобретения третьими лицами, то есть во всяком случае, после того, как последствия предъявления заявления перестали быть исключительно внутренним делом корпорации, ни односторонний, ни согласованный с обществом отзыв заявления о выходе не представляется возможным. Приобретение вышедшим участником доли участия в обществе на этих (более поздних) стадиях развития исследуемой ситуации принципиально возможно, но представляют собой не «отмену выхода», а «обратный вход», требующий реализации специально предназначенных для такого входа корпоративных процедур (приобретение доли в порядке п. 7.1. ст. 23 Закона об ООО как предложенной к приобретению третьим лицам, принятие данного участника в общество, сопряженное с внесением соответствующего вклада и увеличением уставного капитала и др.).

В обоснование предложенного подхода можно провести еще одну аналогию. Поскольку разрыв корпоративно-правовой связи при выходе участника из общества весьма схож с прекращением трудовых отношений по инициативе работника (по собственному желанию) и по характеру (в обоих случаях речь идет об одностороннем волеизъявлении), и по порядку реализации (оба инициатора разрыва подают контрагенту заявление), логично предположить, что подход к решению вопроса об отмене заявления должен быть аналогичным. Так, согласно ст. 80 Трудового кодекса РФ, до истечения срока предупреждения об увольнении работник имеет право в любое время отозвать свое заявление. Увольнение в данной ситуации не производится, но в том случае, если на его место не приглашен в письменной форме другой работник, которому в силу закона не может быть отказано в заключении трудового договора.

Библиографический список

1. Агешкина Н. А., Баринов Н. А., Бевзюк Е. А., Беляев М. А., Бельянская А. Б., Бирюкова Т. А., Вахрушева Ю. Н., Гришина Я. С., Закиров Р. Ю., Кожевников О. А., Копьев А. В., Кухаренко Т. А., Морозов А. П., Морозов С. Ю., Серебренников М. М., Шадрина Е. Г.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Бабаев А. Б.* Односторонние сделки в системе юридических фактов // Сделки: проблемы теории и практики: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2008. – С. 119–164.

3. *Бевзенко Р. С.* Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: перспективы отмены // Закон. – 2006. – № 9. – С. 50–55.

4. *Белов В. А.* «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 11. – С. 53–90.

5. *Валуцкий А. В.* Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами округов споров о праве на доли в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (за январь 2005 г. – март 2006 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Ерахтина О. С., Широкова А. Д.* Корпоративный контроль и особенности его защиты в обществах с ограниченной ответственностью // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 11. – С. 80–87.

7. *Камышанский В. П.* Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. – 2016. – № 3. – С. 14–18.

8. *Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В.* Право членства // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 12. – С. 71–77.

9. *Лантев В. А.* Решения собраний и сделки: правовой режим и отличия // Юрист. – 2016. – № 2. – С. 30–37.

10. *Майфат А. В.* Некоторые вопросы прекращения корпоративных правоотношений: выход участника из общества с ограниченной ответственностью / Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б. М. Гонгало. – М.: Статут, 2016. – С. 120–127.

11. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. В. П. Мозолина, М. Н. Малеиной. – М.: НОРМА, 2004. – 848 с.

12. *Новоселова Л. А.* Заявление о выходе из ООО: судебная практика // Корпоративный юрист. – 2006. – № 11. – С. 24–26.

13. Обзор практики рассмотрения федеральными арбитражными судами споров, связанных с выходом участников из

обществ с ограниченной ответственностью (за июнь 2004 – март 2005 г.), подготовленный группой авторов ЗАО «ЮРИНФОРМ В» для системы КонсультантПлюс. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. *Поваров Ю. С.* Заявление участника о выходе из общества с ограниченной ответственностью: вопросы нотариального удостоверения // *Власть Закона.* – 2015. – № 4. – С. 96–102.

15. *Степанов Д. И.* Интересы юридического лица и его участников // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* – 2015. – № 1. – С. 29–83.

16. *Степанов Д. И.* Экономический анализ корпоративного права // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* – 2016. – № 9. – С. 104–167.

17. *Суханов Е. А.* Акционерные общества и другие юридические лица в новом гражданском законодательстве // *Хозяйство и право.* – 1997. – № 1. – С. 91–92.

М. Х. Османов

доцент кафедры юридических
и гуманитарных дисциплин филиала
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
университет» в г. Дербент
кандидат юридических наук
alfa777m@yandex.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА**GLOBALIZATION AND HUMAN RIGHTS**

Статья посвящена процессу глобализации в современном его варианте, который по многим своим параметрам входит в противоречие с безопасным развитием общества. Вследствие глобализации практически все страны оказались вовлеченными в международные политические процессы, в мировые финансовые, технологические и информационные потоки. Соответственно, возникает вопрос о модификации форм и методов глобализации. Кроме того, международное право оказывает воздействие на государства в целях их демократизации, прежде всего, содействуя превращению принципов и норм о правах человека в общие принципы внутреннего права государств.

Ключевые слова: глобализация; глобальные проблемы; однополярная глобализация; многополярная глобализация; диалог цивилизаций.

This article is dedicated to the study of the process of globalization in its modern form which in many ways interferes with safe development of the society. As a result of globalization, almost all countries are now involved in international political processes, global financial, technological and information flows. And thus the issue of the modification of the forms and ways of globalization is becoming more serious. In addition, international law affects all states with intention to make the latter more democratic, particular-

ly by promoting the transformation of human rights principles and norms into general principles of the domestic law.

Keywords: globalization; global problems; monopolar globalization; multipolar globalization; dialogue of civilizations.

Выражаясь образно, человечество «въезжает» в XXI в., как будто в колеснице глобализации. Глобализация в значительной мере будет определять нашу жизнь. Однако пока ни руководители государств, ни широкие слои населения не отдают себе должного отчета в единстве человечества перед лицом планетарных проблем. Не отвечают требованиям, выдвинутым глобализацией, и международные механизмы, которые приобретают особое значение в решении планетарных проблем. Приходится констатировать, что человечество не готово к встрече с будущим.

Эти обстоятельства имеют особое значение для России, которой еще предстоит формирование государства и права, а также концепции внешней политики, отвечающей реалиям нового века, обеспечивающей национальные и интернациональные интересы страны. Государство – динамично развивающийся организм, чуждый статичности. Анализ пространственно-временных и сущностных характеристик государства позволяет констатировать изменения его масштабов, территориальных границ, форм государственного правления и устройства, функций, политических режимов, этнического состава населения, структуры государственного аппарата и механизмов государственного управления в пределах исторических циклов конкретных национальных государств и государства как института в масштабе глобальной истории.

Из вышеизложенного следует, что данный период определяется необходимостью выяснения характера влияния процессов глобализации на концепции прав человека, на взаимодействие национально-государственного и международного права, что неизбежно сказывается на развитии и российской правовой системы, нуждающейся в непрерывном совершенствовании с учетом потребностей перехода к полноценному рынку, реальной демократии, наполнения декларируемых прав и свобод человека ощутимым материальным содержанием.

Говоря о главных направлениях гражданских прав, необходимо, прежде всего, обеспечить нормальное функционирование глобальной социально-экономической системы, которая даст воз-

возможность всем народам достичь исторически определенного уровня развития. На этой основе упрочится фундамент мирового гражданского общества. Упрочение глобальной социально-экономической системы создает условия для развития системы управления ею. Без последней не могут быть обеспечены устойчивость и эффективность первой. В результате создание развитой системы управления – задача, оказавшаяся в ряде важнейших глобальных проблем.

Гражданские права человека имеют существенное значение для понимания современного общества, государства и права. История человеческой цивилизации обоснованно рассматривается как борьба за утверждение прав человека. Однако при этом зачастую забывают выяснить, кто же сопротивлялся этому утверждению, против кого велась борьба. Нередко резюмируется, что борьба велась против общества или государства.

Думается, это не совсем так. Борьба шла внутри общества между консервативными и прогрессивными силами. В тех случаях, когда государство являлось инструментом консервативных сил, борьба приобретала антигосударственный характер. При этом цель состояла не в уничтожении государства как такового, а в изменении его природы, в превращении его в средство утверждения прав человека.

В Конституции России сказано: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17). Это означает, что ни государство, ни кто-либо иной не может лишить человека его основных прав, приобретаемых им при рождении. Таков смысл позитивного права, который не имеет ничего общего с теорией натуралистов. Другая теория представлена позитивистами, которые полагают, что государство по своему усмотрению определяет права человека при помощи позитивного права. Но тогда не ясно, почему государства определенного уровня цивилизации признают единый комплекс прав и считают их неотъемлемыми?

Истина заключается, очевидно, в том, что характер и объем прав человека определяются природой общества, соотношением интересов общества и индивида. Задача государства – обеспечить соответствующие права. В развитии отношений между обществом и индивидом наблюдаются две основные тенденции: социализация и индивидуализация. В этом проявляется общая закономерность, присущая всем аспектам реальности: физической,

биологической, социальной, духовной, – индивидуальная автономия и принадлежность к целому¹. Во взаимодействии тенденций социализации и индивидуализации происходит утверждение прав человека. Конкретизация этих прав и их обеспечение являются функцией государства. Поэтому проблема прав человека обычно рассматривается как проблема соотношения прав человека и государства. На протяжении всей истории она в основном решалась в пользу государства, но по мере социального прогресса это соотношение менялось в пользу человека. Большим достижением цивилизации является признание гражданских прав человека высшей ценностью. Значение признания гражданских прав человека высшей ценностью особенно очевидно с учетом общей закономерности: интересы государства в той мере, в какой они представляют интересы общества в целом, всегда будут приоритетными. Без этого невозможны ни общество, ни государство.

В этом заинтересован и сам человек. Только обществом и государством могут быть обеспечены его права и интересы. Соответствующие положения закреплены как на национальном, так и на международном уровне, в том числе и в таком основополагающем акте, как Всеобщая декларация прав человека. В ней говорится: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности».

Декларация предусматривает возможность ограничения прав человека в интересах «общего благосостояния в демократическом обществе» (ст. 29). Такое положение закономерно. Признание приоритета прав и интересов отдельного человека перед правами общества нарушило бы один из основных принципов демократии, согласно которому осуществление человеком своих прав не должно нарушать права и законные интересы других.

Конституция России закрепила принципиальное положение: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2). Вместе с тем в развитом обществе проявляет себя тенденция к «эмансипации» индивида от общества. Происходит индивидуализация общества, что отрицательно сказывается на общественных интересах и в конечном счете на интересах индивида. Некоторые авторы с тревогой пишут об этом явлении и об изменениях соотношения индивидуального и коллективного в морали и куль-

¹ Рачков В. П., Новичкова Г. А., Федина Е. Н. Человек в современном техническом обществе. – М.: ИФ РАН, 1998. – С. 23.

туре в пользу большего индивидуализма. Констатировав этот факт, гарвардский профессор Дж. Най замечает, что аспектом этих «перемен в культуре является наша политическая философия и ее современный упор на права... Ныне в большей части промышленного мира считается, что должно быть право на все, от пенсий до отпусков. Мы создаем общество притязаний»¹.

Опасность для общества представляют не пенсии и отпуска, а растущая индивидуализация, ведущая к снижению интереса широких слоев населения к социально-политическим проблемам. Крайний индивидуализм опасен и для общества, и для государства. В проповеди крайнего индивидуализма важная роль принадлежит мощному пропагандистскому аппарату, находящемуся под контролем правящей элиты. Отсюда засилье фантастических фильмов, чисто развлекательных программ на телевидении, скандальная хроника в печати и др. Стремятся ограничить активность человека личными делами, а решение социальных и политических вопросов оставить правящей элите.

Все это ведет к тому, что даже основные политические права приближаются к категории «голое право». Установлено право избирать и быть избранными в государственные органы, однако позиция избирателя определяется в значительной мере высокооплачиваемыми имиджмейкерами. А для того, чтобы быть избранным, необходимо затратить огромные средства. Провозглашена свобода слова при том, что средства массовой информации, как известно, находятся в руках крупного капитала.

Права и свободы в рыночном обществе далеко не равны для всех его членов: чем состоятельнее человек, тем шире его возможности использования прав и свобод. А очень богатые люди не только оказывают решающее влияние на государство, но и способны обеспечить себе иммунитет от власти государства и закона. В результате наблюдается злоупотребление правами и свободами в ущерб интересам общества и подавляющего большинства его членов¹.

Поэтому права и свободы должны дополняться соответствующими обязанностями перед обществом, которые ограничили бы произвол крупного капитала. Демократия будущего не

¹ Ульрих Б. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 304.

¹ Матузов Н. И. Правовая система и личность. – Саратов: Изд-во СГУ, 1987. – С. 142.

означает утверждения человека за счет общества. Она создает условия для высокого уровня гармонизации интересов общества и человека. Развитие демократии сопровождается совершенствованием методов урегулирования противоречий между ними.

Политика государства станет реально исходить из того, что с точки зрения интересов общества наиболее выгодными являются инвестиции в людей. Национальная доктрина образования Российской Федерации признает образование сферой наиболее эффективного вложения капитала. Между тем общество заинтересовано в максимальном развитии потенциала не только населения, но и каждой личности. Для особо одаренных людей общество создаст привилегированные условия, необходимые для развития их таланта, тем самым повышая собственный потенциал.

Таким образом, мы видим, что проблема прав человека заложена в повестку дня XXI в. как одна из центральных глобальных проблем, от решения которой в значительной мере зависит решение иных общечеловеческих проблем. Созданы определенные международно-правовые и государственно-правовые предпосылки в этой области. Однако стоящие на пути решения проблемы препятствия, в основном на национальном уровне, настолько серьезны, что для их преодоления потребуются значительное время и большие усилия. Утверждение прав человека приведет к существенным переменам в большинстве государств и в их правовых системах.

Библиографический список

1. *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. – Саратов: Изд-во СГУ, 1987. – 293 с.
2. *Рачков В. П., Новичкова Г. А., Федина Е. Н.* Человек в современном технизированном обществе. – М.: ИФ РАН, 1998. – 194 с.
3. *Ульрих Б.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

А. Н. Харитонов
заведующая кафедрой
теории и истории
государства и права
Астраханского
государственного университета
aharitonova@bk.ru

И. В. Корчагина
доцент кафедры
теории и истории
государства и права
Астраханского государственного
университета
kortchagina@gmail.com

НЕОСТОРОЖНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИСТОРИИ ПРАВА РОССИИ

NEGLIGENT CRIMES IN THE HISTORY OF LAW OF RUSSIA

Данная статья посвящена вопросам истории становления и развития неосторожных преступлений в истории права России. Уголовно-правовой институт неосторожности имеет многовековую историю развития, которая зафиксирована в историко-правовых актах всех периодов развития Российского государства. Прослеживается некоторая преемственность в развитии уголовно-правовых понятий «неосторожность», «неосторожное деяние» в законодательстве России досоветского, советского и постсоветского периодов.

Ключевые слова: наказания; преступления; государство; закон; неосторожность; право.

This article is dedicated to the study of history of formation and development of negligent crimes throughout the history of the Russian law. Criminal legal institution of negligence has a long history of development, which is recorded in the historical legal acts of all periods of the Russian state. Certain continuity in the development of criminal law concepts of "negligence,"

"negligent act" in the legislation of Russia pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods is discovered.

Keywords: punishment; crime; government; legislation; negligence; law.

Отечественное уголовное право знает институт неосторожности на протяжении нескольких столетий. Первая кодификация российского права – Русская правда¹ – уже различает деяния по наличию в них злой воли. Однако древнерусский законодатель не дает понятия неосторожности. В нове различий между умышленными и неосторожными преступлениями – только внешние признаки, например, совершение убийства в разбое и совершение убийства на пиру или в ссоре. В рассматриваемых нормах отличие заключается в следующем: в разбое убийство умышленное, на пиру или в ссоре – неосторожное.

В правовых памятниках Московского периода русского государства анализ участия в преступлении воли также слаб, как и в Русской правде². Судебник 1497 г.³ и Судебник 1550 г.⁴ выделяют деяния «бесхитросные», такие деяния не являлись уголовно-наказуемыми. Можно предположить, что под бесхитростными деяниями законодатель понимал деяния, которые совершались без злого умысла. Аналогичный подход законодателя прослеживается в уставных грамотах XVI в., в них содержится явное указание на ненаказуемость за последствия бесхитростных деяний, в которых воля человека была не при чем⁵.

Соборное уложение 1649 г.⁶ различало деяния случайные, неосторожные и умышленные. В большинстве случаев законодатель не устанавливает ответственности за неосторожные дей-

¹ Русская правда // История государства и права России в документах и материалах. С древнейших времен до 1930 г. / сост. И. Н. Кузнецов. – Минск: Амалфея, 2000. – С. 3–6.

² Русская правда // История государства и права России в документах и материалах. С древнейших времен до 1930 г. / сост. И. Н. Кузнецов. – Минск: Из-во Амалфея, 2000. – С. 34–36.

³ Титов Ю. П. Судебник 1497 г. // Хрестоматия отечественного государства и права. – М.: ТК Велби, Из-во Проспект, 2005. – С. 34–40.

⁴ Титов Ю. П. Судебник 1497 г. // Хрестоматия отечественного государства и права. – С. 40–47.

⁵ Сергеевич В. И. Лекции и исследование по древней истории русского права. – СПб.: Из-во Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – С. 16–30.

⁶ Маньков А. Г. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X – XX вв. В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. – М.: Из-во Юрид. лит., 1985. – С. 16–30.

ствия, исключение составляют несколько статей (например, ст. 223, ст. 227 главы X), которые предусматривают ответственность за неосторожность, приведшую к пожару. Наиболее интенсивно в дореволюционный период наука уголовного права развивалась в середине и второй половине XIX – начале XX вв. К этому времени относится достаточно много теоретических разработок в области неосторожной преступности. Неосторожную форму вины исследовал А. С. Белогриц-Котляревский, который отмечал, что деятельность человека должна согласовываться с интересами общества, но осуществление такой деятельности требует тщательной обдуманности, которая составляет необходимое условие согласия деятельности и общественных интересов. Однако недостаток обдуманности может поставить деятельность человека в разрез с общественными интересами и привести к вредоносному последствию, что и составляет преступление, совершенное по неосторожности¹. А. С. Белогриц-Котляревский считал, что юридические конструкции некоторых преступлений исключают возможность неосторожной формы вины их совершения. К таким преступлениям, прежде всего, относятся преступления, имеющую специальную цель, например, богохульство, поджог своего имущества с целью получения страховой премии. К этим преступлениям относятся также и преступления, которые предполагают сознательное направление воли на правонарушение, например, клевета, обида, кража, разбой, подделка монеты, составлений шаек, бунт. Остальные группы преступлений, кроме умысла, допускают и неосторожную форму виновности².

Ф. Лист выделил два вида противоправных действий – умышленные и неосторожные. При этом неосторожными должны признаваться, по мнению автора, действия, нежелательные последствия для лица которых правонарушитель не предвидел, но мог предвидеть.³ Подобного мнения придерживались многие представители российской юридической науки второй половины XIX – начала XX столетий, например, А. Е. Владимирова,

¹ Белогриц-Котляревский А. С. Очерки курса русского уголовного права. Общая и Особенная часть. – Киев-Харьков: Из-во Южно-рус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1908. – С. 111.

² Белогриц-Котляревский А. С. Очерки курса русского уголовного права. Общая и Особенная часть. – Киев-Харьков: Из-во Южно-рус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1908. – С. 112.

³ Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. – М.: Из-во Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1903. – С. 142.

Н. Н. Розин¹. Другую классификацию представил В. И. Сергеевич, который преступные деяния разделил на случайные, неосторожные, умышленные². Неосторожные преступления, по мнению правоведа, являются последствием неосмотрительности или небрежности лица, то есть лицо не предпринимало мер, чтобы из его действий не возникло каких-либо правонарушений; неосторожность возможна не при всех преступлениях (например, украсть или ограбить по неосторожности нельзя). В. И. Сергеевич предлагал наказуемость за неосторожные преступления ставить в зависимость от рода неосторожных действий:

1) лицо совершило действие, которое само по себе совершенно невинно, но имеет последствием нарушение прав другого лица/лиц. В данном случае представлена самая меньшая степень неосторожности, которая граничит с ненаказуемыми случайными деяниями. Такое деяние должно повлечь за собой легкое наказание;

2) лицо совершило действия, которые сами по себе запрещены в виде охраны общественной безопасности. Такое деяние должно наказываться строже предыдущего;

3) лицо совершило неосторожные деяния, которые стали последствием преступных действий (например, драка со смертельным исходом). Данный вид неосторожных действий является самым тяжелым, который должен повлечь суровое наказание.

Статья 5 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.³ разделила преступления на умышленные и неумышленные. Общая часть Уложения дает определения преступлений умышленных (ст. 6) и случайных деяний (ст. 7), однако обходит вниманием преступления неосторожные. Некоторые интересующие положения содержатся в разделе «О наказании по мере большей или меньшей умышленности преступления». Интерес представляет ст. 113 Уложения, согласно которой учинивший преступление без умысла, без обдуманного заранее намерения, наказывается также строго, как учинивший преступление впервые, но с умыслом и обдуманным заранее намерением. Ста-

¹ Владимирова А. Е. Учебник русского уголовного права. Часть общая. – Харьков: Из-во Тип. Правительствующего Сената, 1889, Кн. 6. – С. 90–121; Розин Н. Н. Конспект лекций по уголовному праву. – М., 1904. – С. 114 – 240.

² Сергеевич В. И. Лекции и исследование по древней истории русского права. – СПб.: Из-во Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – С. 200.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. XXIII. – Одт. 1. – № 19283.

тья 116 предписывает усиливать наказания за преступления, совершенные без заранее обдуманного намерения, лицом, которое по званию своему или обстоятельствам было обязано действовать с особой осторожностью.

Уголовное уложение 1903 г.¹ более детально разработало вопросы, связанные с формой вины, которым посвящено пятое отделение «О формах виновности». Часть 2 ст. 48 гласит, что преступное деяние считается неосторожным не только, когда виновный не предвидел, но мог или должен был предвидеть, но также хотя и предвидел наступление последствий, обуславливающих преступность этого деяния, легкомысленно предполагал такие последствия предотвратить. Законодатель установил, что преступления неосторожные наказываются только в случаях, которые особо указаны в законе. Советская наука и советское законодательство также много внимания уделили неосторожной преступности. Так, например, М. Г. Угрехелидзе представлял уголовно-правовую и криминологическую характеристику неосторожной преступности². Особенности уголовной ответственности за преступления, совершенные по неосторожности, в целом и ответственность за конкретные виды неосторожных преступлений рассматривал, например, В. Г. Макашвили³. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.⁴ содержал нормы о преступлениях, совершенных по неосторожности, в разделе 3 «Общие начала уголовной политики РСФСР». Статья 10 закрепила положения о том, что меры социальной защиты судебно-исправительного характера могут быть применимы к лицам, совершившим общественно опасное деяние, которые при этом действовали:

1) умышленно, то есть предвидели общественно-опасные последствия своих действий, а также желали наступления этих последствий или сознательно допускали наступление этих последствий;

2) неосторожно, то есть не предвидели общественно-опасные последствия своих поступков, однако должны были их

¹ Уголовное уложение 1903 г. // ПСЗ. – Собр. 3. – Т. XXIII. – Одг. 1. – № 22704.

² Угрехелидзе М. Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. – Тбилиси: Из-во Мецниереба, 1976. – С.20.

³ Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. – М.: Из-во Госюриздат, 1957. – С. 96–140.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Собрание Узаконений. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

предвидеть или легкомысленно надеялись предотвратить общественно-опасные последствия.

Неосторожное причинение смерти другому человеку советский законодатель квалифицировал как неосторожное убийство. Статья 147 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. устанавливала ответственность за неосторожное убийство в виде лишения свободы или принудительных работ на срок до одного года. Однако в случаях, когда неосторожное убийство выступало результатом осознанного несоблюдения правил предосторожности, мера наказания могла быть увеличена до трех лет лишения свободы, при этом виновному лицу устанавливался временный или пожизненный запрет на занятие той деятельностью, при которой лицо причинило смерть другому человеку.

В 30-х гг. XX века неоднократно ужесточалась ответственность за преступления, совершенные в области эксплуатации автотранспорта, в том числе за причинение смерти. В конце 40-х – начале 50-х гг. ряд деяний был декриминализован. Однако работники автотранспорта привлекались к уголовной ответственности в случаях смерти потерпевшего, при этом действия водителей автотранспорта квалифицировали как причинение смерти по неосторожности¹. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.² также выделил две формы вины: умысел (ст. 8) и неосторожность (ст. 9). Законодатель в отношении неосторожности использует аналогичные положениям Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. характеристики. Однако в период действия Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. правоприменительная практика уделяла мало внимания вопросам установления конкретных видов неосторожной вины, что негативно отражалось на дифференциации ответственности и наказаний³. Ответственность за неосторожное убийство устанавливалась ст. 106 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. В соответствии с рассматриваемой нормой неосторожное убийство влекло за собой наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет

¹ *Войтенков Е. А.* Уголовная и административная ответственность за преступления и правонарушения в сфере безопасности дорожного движения в советском законодательстве: историко-правовой анализ и особенности правоприменительной практики // *Российский следователь*. – 2013. – № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс 1960 г. // *Ведомости ВС РСФСР*. – 1960. – № 40, ст. 591. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Нерсисян В. А.* Особенности наказания за неосторожные преступления // *Законодательство*. – 2000. – № 4. – С. 74–77.

или исправительными работами на срок до одного года. При этом законодатель не предусматривал лишения права на занятие определенной деятельностью.

Таким образом, уголовно-правовой институт неосторожности имеет многовековую историю развития, которая зафиксирована в историко-правовых актах всех периодов развития Российского государства. Следует отметить, что прослеживается некоторая преемственность в развитии уголовно-правовых понятий «неосторожность», «неосторожное деяние» в законодательстве России досоветского, советского и постсоветского периодов. Так, характеристики неосторожного деяния, данные Уголовным уложением 1903 г., прослеживаются не только в советских уголовных кодексах, но и в действующем Уголовном кодексе РФ. На всех этапах развития отечественного права предусматривалась ответственность за причинение смерти другому человеку по неосторожности.

Библиографический список

1. *Белогриц-Котляревский А. С.* Очерки курса русского уголовного права. Общая и Особенная часть. – Киев-Харьков: Южно-рус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1908. – 683 с.
2. *Владимиров А. Е.* Учебник русского уголовного права. Часть общая. – Харьков: Из-во Тип. Правительствующего Сената, 1889. – 253 с.
3. *Войтенков Е. А.* Уголовная и административная ответственность за преступления и правонарушения в сфере безопасности дорожного движения в советском законодательстве: историко-правовой анализ и особенности правоприменительной практики // Российский следователь. – 2013. – № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. *Лист Ф.* Учебник уголовного права. Общая часть. – М.: Из-во Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1903. – 358 с.
5. *Макашвили В. Г.* Уголовная ответственность за неосторожность. – М.: Из-во Госюриздат, 1957. – 211 с.
6. *Маньков А. Г.* Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. – М.: Из-во Юрид. лит., 1985. – 512 с.
7. *Нерсисян В. А.* Особенности наказания за неосторожные преступления // Законодательство. – 2000. – № 4. – С. 74–77.

8. *Розин Н. Н.* Конспект лекций по уголовному праву. – М., 1904. – 547 с.

9. Русская правда // История государства и права России в документах и материалах. С древнейших времен до 1930 г. / сост. И. Н. Кузнецов. – Минск: Из-во Амалфея, 2000. – 640 с.

10. *Сергеевич В. И.* Лекции и исследование по древней истории русского права. – СПб.: Из-во Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – 448 с.

11. *Титов Ю. П.* Судебник 1497 г. // Хрестоматия отечественного государства и права. – М.: ТК Велби, Из-во Проспект, 2005. – 464 с.

12. *Угрехелидзе М. Г.* Проблема неосторожной вины в уголовном праве. – Тбилиси: Из-во Мецниереба, 1976. – 131 с.

Раздел

**Юридическая наука
и практика стран СНГ**

Д. Ш. Зухурзода

соискатель кафедры гражданского права юридического факультета Таджикского национального университета
d.zuhurov@mail.ru

**О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ
ЗА НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ**

**ON LIABILITY OF LAW ENFORCEMENT AND
JUDICIAL BODIES FOR ILLEGAL ACTIONS**

Статья посвящена применению мер гражданско-правовой ответственности за правонарушения и об ответственности правоохранительных и судебных органов за незаконные действия. Установлено, что хотя данный институт имеет давнюю историю правового регулирования, а также достаточного освещения в юридической науке, до сих пор вопросы механизма реализации возмещения вреда, причиненного незаконной деятельностью правоохранительных и судебных органов, остается несовершенным, причиной которой является в основном несовершенство, неупорядоченность и противоречивость. Вред, причиненный в результате вынесения незаконного решения по гражданским делам, возмещается в случае, если вина судьи определена в установленном законом порядке.

Ключевые слова: меры ответственности; возмещение убытков; гражданско-правовая защита; меры оперативного воздействия; злоупотребление правом; неустойка; вред.

The article is devoted to the application of measures of civil liability for offenses and on the responsibility of law enforcement and judicial bodies for illegal actions. It has been established that, although this institution has a long history of legal regulation, as well as sufficient coverage in legal science, until now the issues of the mechanism for realizing compensation for harm caused by illegal activities of law enforcement and judicial bodies remain imperfect, the cause of which is mainly imperfection, disorder and inconsistency. Damage caused as a result of an illegal decision in civil cases is compensated if the judge's fault is determined in accordance with the procedure established by law.

Keywords: measures of responsibility; compensation of losses; civil-law protection; measures of operational impact; abuse of law; forfeit; harm.

В ст. 21 и 32 Конституции Республики Таджикистан рассмотрены вопросы защиты прав потерпевшего и возмещения вреда, в том числе в случае нанесения вреда государ-

ством (его органами или должностными лицами).

Однако институт ответственности государства (применительно нашей статьи – правоохранительных и судебных органов за незаконные действия), основываясь на конституционном праве, детально регламентируется нормами гражданского (частного) права.

Следует отметить, что в гражданском законодательстве Республики Таджикистан наряду с общими правилами об ответственности субъектов гражданско-правового оборота, предусмотрены отдельные специальные случаи ответственности некоторых конкретных субъектов.

Одним из таких положений является ст. 1086 Гражданского кодекса Республики Таджикистан – ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Хотя данный институт имеет давнюю историю правового регулирования и достаточно освещен в юридической науке¹, до

¹ См., напр.: *Нешатаева Т. Н.* Имущественная ответственность за вред, причиненный государством: проблемы судебной практики // Арбитражная практика. – 2009. – № 9. – С. 60-70; *Кун А. П.* Возмещение вреда, причиненного гражданину актами власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1984. – 18 с.; *Кун А. П.* Противоправность и вина в обязательствах по возмещению вреда, причиненного гражданину актами власти // Правоведение. – 1984. – № 3. – С. 91-95; *Решетникова И. В.* Компенсация за нарушение права на судопроизводство и права на исполнение судебного акта в разумный срок применительно к арбитражным судам // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 7. – С. 6-15; *Флейшиц Е. А.* Ответственность государства по ст. ст. 4-7, 407-а ГК РСФСР и соответствующими статьями ГК других союзных республик // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925-1945): тезисы докладов. – М.: Всесоюз. ин-т юрид. наук, 1946. – С. 27; *Афанасьев С. Ф.* Гражданско-правовая ответственность суда (судей) общей юрисдикции в свете ее процессуальной реализации // Администратор суда. – 2007. – № 3. – С. 26-31; *Савицкая А. Н.* Гражданская ответственность государственных органов за вред, причиненный их должностными лицами (ст. ст. 407 и 407а ГК); автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1953. – 22 с.; *Маковский А. А.* Гражданская ответственность государства за акты власти: Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. А. Маковский. – М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. – 480 с.; *Савицкий В. М., Флейшиц Е. А.* Об имущественной ответственности за вред, причиненный должностными лицами органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Советское государство и право. – 1966. – № 7. – С. 11-18; *Ярошенко К. Б.* Специальные случаи ответственности за причинение вреда. – М.: Юрид.лит., 1977. – 80 с.; *Кун А. П.* Вопросы возмещения вреда, причиненного гражданину актами власти // Правоведение. – 1983. – № 6. – С. 78-81; *Бойцова Л. В.* Ответственность государства и судей за вред, причиненный гражданам при отправлении правосудия

сих пор отдельные аспекты механизма реализации возмещения вреда, причиненного незаконной деятельностью правоохранительных и судебных органов, остается несовершенным, причиной которой является в основном несовершенство, неупорядоченность и противоречивость.

В советское время впервые институт ответственности государства в гражданском законодательстве был предусмотрен в Гражданском кодексе 1922 года. Ответственность тогда была возложена на этих государственных органов, а также только в случаях, когда это прямо предписано в законах. Как показывает законодательная практика тех годов, такая норма так и не была принята¹.

В Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года была введена ответственность государства на общих основаниях. Согласно ст. 89 (ответственность за вред, причиненный незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц) Основ (с изм. и доп., внесенными Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30.10.1981) кроме отдельных предусмотренных законом случаев, вред, причиненный гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей в области административного управления, возмещался на общих основаниях. Кроме того, вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, возмещался государством в полном объеме, причем независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда согласно порядку, установленному законом.

С принятием части второй Гражданского кодекса Республики Таджикистан² от 11 декабря 1999 г. данная норма была отра-

// Журнал российского права. – 2001. – № 9. – С. 51-60; Андреев Ю. Н. Гражданско-правовая ответственность государства по деликтным обязательствам. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 423 с. и т.д.

¹ Григорян Г. В. Проблема возмещения вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов// Общество и право. – 2009. – № 3. – С. 64.

² Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1999 год, № 12, ст. 323;

жена в статье 1086 в несколько видоизмененной форме:

«1. Вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, возмещается государством в полном объеме, независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, в порядке, установленном законом.

2. Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате иной незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, возмещается на общих основаниях, если иное не предусмотрено законом (часть 2 статьи 1084).

3. Вред, причиненный в результате вынесения незаконного решения по гражданским делам, возмещается в случае, если вина судьи определена в установленном законом порядке».

Так, согласно части первой данной статьи особым случаем ответственности за вред, причиненный публичной властью, являются:

- ответственность за вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения;
- ответственность за вред, причиненный гражданину в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности;
- ответственность за вред, причиненный гражданину в результате незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде;
- ответственность за вред, причиненный гражданину в результате незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ.

Как видно, единственное различие данной нормы от нормы Основ заключается только в том, что предусмотрена ответственность за вред, причиненный гражданину в результате незаконного применения в качестве меры пресечения подписки о невыезде. Считается, что вышеперечисленные случаи являются прямым нарушением конституционного права каждого лица на свободу и личную неприкосновенность, которые сопрягаются для них как

2002 год, № 4, ч. 1. ст. 170; 2006 год, № 4, ст. 193; 2009 год, № 12, ст. 821; 2010 год, № 7, ст. 540; 2012 год, № 7, ст. 699; 2013 год, № 7, ст. 505.

нравственными страданиями, так и иными неблагоприятными последствиями имущественного характера. Исходя из этого, законодатель для них устанавливает особые юридические последствия, в том числе гражданско-правовые последствия.

Однако, следует отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан, Кодексе Республики Таджикистан об административных правонарушениях и Процессуальном кодексе об административных правонарушениях Республики Таджикистан, предусмотрены также и иные меры пресечения и взыскания, которые предусматривают ограничения более объемного характера.

Так, в ч. 2 ст. 101 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан предусмотрено, что мерами пресечения являются подписка о невыезде; личное поручительство; передача военнослужащего под наблюдение командования воинской части; отдача несовершеннолетнего под присмотр; залог; домашний арест; заключение под стражу.

Можно предположить, что порядок данного перечня составлено исходя из степени ограничительного характера. Однако в Гражданском кодексе предусмотрено только первая и последняя мера.

Следует отметить, что по данному поводу есть определенные противоречия между Гражданским кодексом и Уголовно-процессуальным кодексом.

Так, согласно ст. 461 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан вред, причиненный гражданину в результате следующих применения следующих незаконных действий возмещается государством в полном объеме – в результате незаконного задержания, содержания под стражей и домашним арестом, временного отстранения от должности, помещения в медицинское учреждение, осуждения, применения принудительных мер медицинского характера. Как и по гражданскому законодательству, здесь предусмотрено ответственность независимо от вины вышеуказанных должностных лиц.

При наличии нижеследующих условий может возникнуть право на возмещение ущерба: освобождения задержанного или арестованного ввиду не подтверждения подозрения в совершении преступления; прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным абзацами первым и вторым ч. 1 ст. 27 и в абз. 2 ч. 1 ст. 234 этого Кодекса; постановления оправдательного приговора; изменения квалификации содеянного на статью закона,

предусматривающую менее тяжкое преступление, с назначением по этой статье нового, более мягкого наказания, или исключения из приговора части обвинения и снижения в связи с этим наказания; отмены незаконного определения суда о применении принудительных мер медицинского характера.

Вред не подлежит возмещению в том случае, если гражданин в процессе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства путем самооговора сам способствовал наступлению негативных имущественных последствий. Следует учесть, что самооговор, который является результатом применения к лицу насилия, угроз и иных незаконных мер, не могут быть препятствием для возмещения вреда. В этих случаях требуется, чтобы факт применения незаконных мер установился соответствующими уполномоченными лицами - следственными органами, прокурором или судом.

Хотя ч. 1 ст. 1086 Гражданского кодекса Республики Таджикистан ссылается на другие законы, не следует путать основания возмещения вреда в данном случае с порядком возмещения, установленном в других законах.

В ст. 36 Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях предусмотрены следующие административные взыскания за совершение административных правонарушений: предупреждение; административный штраф; административное приостановление действия лицензии на осуществление определенных видов деятельности; лишение лицензии на осуществление определенных видов деятельности; лишение физического лица специального права; административное приостановление определенного вида деятельности; возмездное принудительное изъятие предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения; конфискация предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения; административное выдворение за пределы Республики Таджикистан иностранного гражданина или лица без гражданства; административный арест.

Анализ данного Кодекса показывает, что с не существует такой вид взыскания как исправительные работы (разве что в ст. 47 административный арест определено таким образом: административное взыскание состоит из краткосрочного лишения лица свободы за совершение административного правонарушения и

принудительное привлечение к общественно-полезному труду на условиях и в порядке, определяемом Правительством Республики Таджикистан). Однако есть и другие виды административных санкций, которые нуждаются в адекватной гражданско-правовой охране.

Также в ст. 59 Процессуального кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан предусмотрено, что в рамках своих законных полномочий уполномоченные государственные органы (должностные лица) вправе применить к физическим лицам нижеследующие меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении:

- доставление лица, совершившего административное правонарушение, к месту составления протокола об административном правонарушении;
- административное задержание;
- принудительный привод;
- личный досмотр и досмотр транспортного средства, маломерного судна, документов, помещений и имущества;
- изъятие имущества и документов;
- отстранение от управления транспортным средством или маломерным судном;
- медицинский осмотр и освидетельствование на состояние опьянения;
- задержание транспортного средства, маломерного судна, запрещение их эксплуатации;
- арест товаров, транспортного средства и иного имущества;
- временный запрет деятельности.

Думается, что как минимум предусмотренный перечень в статье 1086 Гражданского кодекса Республики Таджикистан должен дополниться предусмотрением такого основания возмещения вреда, как незаконное применение в качестве меры пресечения домашнего ареста. Хотя мы считаем, что по правилам ч. 1 ст. 1086 Гражданского кодекса Республики Таджикистан возмещению должны подлежать все виды вреда, причиненного гражданину в результате незаконного применения любых мер пресечения и ответственности административного и уголовно-правового характера.

По поводу содержания нормы ч. 1 ст. 1086 Гражданского кодекса Республики Таджикистан следует отметить, что ответственность правоохранительных и судебных органов возникает

только в результате незаконных действий, которые привели к последствию в виде наступления вреда у физических лиц. Следовательно, если вред причинен:

- гражданину названными органами государства в иных случаях, не подпадавших под указанный выше перечень;
- гражданину другими органами государства;
- юридическому лицу¹, то он подлежит возмещению по общим основаниям возмещения вреда, причиненного гражданину актами или действиями публичной власти.

Должностные лица вышеуказанных государственных органов действуют от имени государства и имеют полномочия на применения мер ограничительного характера. Поэтому имущественную ответственность за результаты их незаконных действий также принимает на себя государство за счет своего бюджета. Статья 1085 Гражданского кодекса предусматривает, что в случаях, когда в соответствии с настоящим Кодексом или другими законами причиненный вред подлежит возмещению за счет бюджета республики или бюджета местной власти, от имени бюджета выступают соответствующие финансовые органы. Следовательно, в рассматриваемых случаях причинитель вреда (деликтант) и субъект ответственности (тот, кто возмещает вреда) не совпадают.

По общему правилу, возмещение внедоговорного вреда реализуется по системе «генерального деликта», следовательно, всякое причинение вреда это гражданское правонарушение, влекущих обязанность возместить причиненный ими вред, если иное не установлено законодательством².

При нанесении вреда правоохранительными и судебными органами, происходит столкновение двух интересов и двух отно-

¹ Здесь вызывает недоумение нормы ст. 469 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, согласно которой вред, причиненный юридическим лицам незаконными действиями суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя возмещается государством в полном объеме в порядке и сроки, установленные гл. 47 этого Кодекса. Непонятно как применяется незаконное задержания, содержания под стражей и домашним арестом, временного отстранения от должности, помещения в медицинское учреждение, осуждения, применения принудительных мер медицинского характера в отношении юридических лиц.

² См.: *Маковский А. А.* Гражданская ответственность государства за акты власти // *Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика / отв. ред. А. А. Маковский.* – М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. – С. 104.

шений – публично-правового и частно-правового. Частно-правовой аспект данного института требует, чтобы любой вред гражданину (частный интерес) должен быть возмещен (принцип генерального деликта), а с точки зрения публичного интереса государственные органы, действующие в рамках закона, совершают правомерные действия. Поэтому по поводу А. П. Кун считает, что система генерального деликта, будучи обоснованной и приемлемой в качестве общего правила построения гражданско-правового законодательства о деликтах, не распространяется на отношения, возникающие в связи с причинением вреда актами власти. Тут происходит столкновение двух презумпций: гражданско-правовой, заключающейся в том, что всякий вред, подлежит возмещению, если иное не установлено законом, и межотраслевой, согласно которой всякий акт власти предполагается правомерным, а вред, причиненный им, соответственно, не подлежащим возмещению, за исключением случаев, предусмотренных законом¹.

Следует отметить, что институт ответственности государства за вред, причиненный незаконной деятельностью правоохранительных и судебных органов, по сути, является комплексным. Именно поэтому при восстановлении прав применяются как гражданско-правовые средства – возмещение вреда, так и уголовно-правовые средства, такие как реабилитация.

В литературе по данной позиции, исходя из практики других государств, существует и иной подход².

Однако в нормах о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов и судов, предусматривается, что обязанность его возместить наступает лишь при условии, что вред причинен их незаконными действиями. Поэтому для того, чтобы был реализован механизм ст. 1086 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, необходимо, чтобы незаконность действий правоохранительных и судебных органов было подтверждено оправдательным приговором суда либо прекращением уголовного дела (определение (постановление) о прекращении уголовного дела, об отмене или изменении иных

¹ См.: Кун А. П. Противоправность и вина в обязательствах по возмещению вреда, причиненного гражданину актами власти // Правоведение. – 1984. – № 3. – С. 91–95.

² См.: Нешатаева Т. Н. Имущественная ответственность за вред, причиненный государством: проблемы судебной практики // Арбитражная практика. – 2009. – № 9. – С. 67.

незаконных решений), а также прекращением дела об административном правонарушении по реабилитирующим основаниям. Следовательно, прекращение дела по другим основаниям (ввиду издания акта амнистии, истечения сроков давности, не достижения возраста или принятия закона, устраняющего уголовную ответственность или смягчающего наказание) исключает право требовать возмещения вреда по данной статье. В изъятие из общих условий ответственности за причинение вреда, вред, причиненный гражданину в указанных выше случаях правоохранительными или судебными органами, подлежит возмещению независимо от вины их должностных лиц. Могут быть случаи, когда эти органы, совершая незаконные по сути действия, иногда добросовестно заблуждаются (к примеру, в силу самооговора подозреваемого). В таких ситуациях презумпция вины причинителя вреда вполне обоснованно могла бы быть опровергнута, а вред остался бы невозмещенным. Поэтому государства берет на себя любой риск таких случаев. Но, а если вина должностных лиц этих органов установлена приговором суда, вступившим в законную силу, то государство, возместившее вред, имеет право регресса к этим лицам (ч. 3 ст. 1096 Гражданского кодекса Республики Таджикистан).

В литературе также обращено внимание и на порядок возмещения вреда в рассматриваемых случаях. В частности, отмечается, что законодатель по-разному подошел к решению вопроса о том, в рамках какого производства должен возмещаться имущественный и компенсироваться моральный вред. Если для первого вида вреда установлено «инстанционный» порядок (решение о производстве выплат принимает следователь, дознаватель или судья), то для компенсации морального вреда потерпевшему следует обращаться в суд в порядке гражданского судопроизводства. Закономерно возникает вопрос о том, как должен поступить суд в случае, если потерпевший обратился непосредственно в суд с требованием о возмещении причиненного ему вреда и восстановлении нарушенных прав, минуя указанных должностных лиц¹.

¹ См. более подробно: Андреев Ю. Н. Гражданско-правовая ответственность государства по деликтным обязательствам. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – С. 290–292; Глыбина А. Н., Якимович Ю. К. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе России. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 76–82.

Таким образом, ответственности правоохранительных и судебных органов за вред, который был нанесен указанными в законодательстве незаконными действиями, свойственно нижеследующие черты:

- круг причинителей вреда носит ограниченный характер в силу закона и в нем включены только правоохранительные и судебные органы;

- в этих обязательствах потерпевшими могут быть только физическое лицо;

- четко и исчерпывающе определен перечень незаконных вредоносных действий¹;

- незаконность действий правоохранительных органов, причинивших вред гражданину, должна быть доказана вступившим в силу оправдательным приговором, прекращением уголовного или административного дела по реабилитирующим потерпевшего основаниям;

- ответственность правоохранительных органов выражается в возмещении вреда в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда².

Что касается ч. 2 ст. 1086 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, то здесь, видимо, допущена техническая ошибка (особенно если посмотреть таджикский текст данной нормы).

Совсем иные условия ответственности установлены в части 3 статьи 1086 Гражданского кодекса Республики Таджикистан. Согласно данной норме вред, причиненный в результате вынесения незаконного решения по гражданским делам, возмещается в случае, если вина судьи определена в установленном законом порядке. Данная норма в доктрине иногда толкуется как противоречия Конституцию по поводу возможности возмещения вреда или как ограничение этой нормы³.

¹ Вышеуказанное противоречие Гражданского кодекса и Уголовно-процессуального кодекса не мешает признать исчерпанность перечня незаконных вредоносных действий и должно решаться по правилам способов устранения коллизий между нормативными правовыми актами.

² Сиволдаев И. В. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц: теория и практика. URL: <http://trudprava.ru/expert/article/516> (дата обращения: 12.12.2017).

³ Бойцова А. В. Ответственность государства и судей за вред, причиненный гражданам при отправлении правосудия // Российский судья. – 2001. – № 4. – С.14.

Более того, отмечается, что причиненный потерпевшим в результате незаконных действий судов, не связанных с осуществлением правосудия, остается возмещенным, а их требования суды не рассматривают¹.

Было предложено «установить в законодательстве единое правило наступления гражданско-правовой ответственности государства за вред, причиненный при отправлении правосудия, независимо от вины суда (судьи). Обязательным и достаточным условием наступления ответственности государства за акты суда может считаться предварительное признание акта суда, которым лицу причинен вред, незаконным», так как «существующее в ч. 2 ст. 1070 ГК РФ правило о возмещении вреда только в том случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу, является необоснованным ограничением ответственности государства, которое нарушает конституционный принцип доступа к правосудию и право на компенсацию причиненного вреда (ст. 46, 52 Конституции РФ)².

Следует отметить, что на практике установление вины судьи может происходить только в случае возбуждения уголовного дела³. В противном случае деятельность судебных органов осложнилось бы.

По данному вопросу правильно отмечено в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, что «такое специальное условие ответственности за вред, причиненный при осуществлении правосудия, связано с особенностями функционирования судебной власти, закрепленными Конституцией Российской Федерации (гл. 7) и конкретизированными процессуальным законодательством (состязательность процесса, значительная свобода судейского усмотрения и др.), а также с особым порядком ревизии актов судебной власти. Производство по пересмотру

¹ В условиях российской правовой системе даже отмечается, что единственным выходом для российских граждан является обращение в Европейский суд по правам человека, который уже удовлетворил ряд таких требований (дело «Kortmacheva v. Russia», дело «Plaksin v. Russia» и др.). См. подр.: *Афанасьев С. Ф.* Гражданско-правовая ответственность суда (судей) общей юрисдикции в свете ее процессуальной реализации // Администратор суда. – 2007. – № 3. – С. 30-41.

² *Коваленко А. А.* Возмещение вреда, причиненного незаконной деятельностью правоохранительных и судебных органов и их должностных лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 9.

³ См.: *Григорян Г. В.* Проблема возмещения вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов // Общество и право. – 2009. – № 3. – С. 68–69.

судебных решений, а следовательно, оценка их законности и обоснованности, осуществляется в специальных, установленных процессуальным законодательством процедурах – посредством рассмотрения дела в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях. Пересмотр судебного решения посредством судебного разбирательства по иску гражданина о возмещении вреда, причиненного при осуществлении правосудия, фактически сводился бы к оценке законности действий суда (судьи) в связи с принятым актом, т.е. означал бы еще одну процедуру проверки законности и обоснованности уже состоявшегося судебного решения, и, более того, создавал бы возможность замены по выбору заинтересованного лица установленных процедур проверки судебных решений их оспариванием путем предъявления деликтных исков.

Между тем – в силу указанных конституционных положений – это принципиально недопустимо, иначе сторона, считающая себя потерпевшей от незаконных, с ее точки зрения, действий судьи в ходе разбирательства в гражданском судопроизводстве, будет обращаться не только с апелляционной либо кассационной жалобой, но и с соответствующим иском, а судья всякий раз будет вынужден доказывать свою невиновность. Тем самым была бы, по существу, перечеркнута обусловленная природой правосудия и установленная процессуальным законодательством процедура пересмотра судебных решений и проверки правосудности (законности и обоснованности) судебных актов вышестоящими инстанциями»¹.

Полностью соглашаясь вышесказанному, также от себя добавим, что иная трактовка положений ч. 3 ст. 1086 Гражданского кодекса Республики Таджикистан (соответственно п. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации) привело бы к проблеме их декларативности и нереализуемости, что стало бы косвенным ограничением прав граждан на возмещения вреда.

Исходя из сказанного, условие, предусмотренное в ч. 3 ст. 1086 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, предусматривающее доказывания вины судьи при вынесении неза-

¹ См.: п. 3 Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Калянова и Н.В. Труханова». URL: <http://lawru.info/dok/2001/01/25/n91145.htm> (дата обращения: 12.12.2017).

конного решения по гражданским делам, считается вполне разумным и справедливым исключением из общего гражданско-правового правила о презумпции вины причинителя вреда. Кроме того, ответственность государства наступает только в результате преступных деяний судьи. По уголовному законодательству такие преступления могут совершаться только у – вынесение заведомо незаконного приговора, решения или других судебных актов).

Таким образом, недостаточно разработанная общая правовая теория ответственности государства (правоохранительных и судебных органов) за незаконные действия, причинившему вред гражданину, порождает массу теоретико-практического характера. Поэтому на данный этап развития цивилистической мысли и правоприменительной практики необходимо активизировать процесс усовершенствования этого механизма. Первостепенным направлением является углубленное научно-практическое исследование данной темы в условиях правовой действительности Республики Таджикистан и на основании этих научных разработок создания единого согласованного комплексного (межотраслевого) правового института, регулирующего института ответственности государства.

Библиографический список

1. *Андреев Ю. Н.* Гражданско-правовая ответственность государства по деликтным обязательствам. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 425 с.
2. *Афанасьев С. Ф.* Гражданско-правовая ответственность суда (судей) общей юрисдикции в свете ее процессуальной реализации // *Администратор суда.* – 2006. – № 3. – С. 30–41.
3. *Бойцова Л. В.* Ответственность государства и судей за вред, причиненный гражданам при отправлении правосудия // *Российский судья.* – 2001. – № 4. – С. 14–21.
4. *Глыбина А. Н., Якимович Ю. К.* Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе России. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 146 с.
5. *Григорян Г. В.* Проблема возмещения вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов // *Общество и право.* – 2009. – № 3. – С. 64–71.
6. *Кун А. П.* Вопросы возмещения вреда, причиненного гражданину актами власти // *Правоведение.* – 1983. – № 6. – С.

78–81.

7. *Кун А. П.* Возмещение вреда, причиненного гражданину актами власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1984. – 24 с.

8. *Кун А. П.* Противоправность и вина в обязательствах по возмещению вреда, причиненного гражданину актами власти // Правоведение. – 1984. – № 3. – С. 91–94.

9. *Коваленко А. А.* Возмещение вреда, причиненного незаконной деятельностью правоохранительных и судебных органов и их должностных лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 22 с.

10. *Маковский А. А.* Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория Практика: Сборник памяти С. А. Хохлова / Исследовательский центр частного права. – М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. – 480 с.

11. *Нешатаева Т. Н.* Имущественная ответственность за вред, причиненный государством: проблемы судебной практики // Арбитражная практика. – 2009. – № 9. – С. 60–70.

12. *Решетникова И. В.* Компенсация за нарушение права на судопроизводство и права на исполнение судебного акта в разумный срок применительно к арбитражным судам // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 7. – С. 6–15.

13. *Савицкая А. Н.* Гражданская ответственность государственных органов за вред, причиненный их должностными лицами (ст. ст. 407 и 407а ГК). автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1953. – 17 с.

14. *Савицкий В. М., Флейшиц Е. А.* Об имущественной ответственности за вред, причиненный должностными лицами органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Советское государство и право. – 1966. – № 7. – С. 11–18.

15. *Сиволдаев И. В.* Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц: теория и практика. URL: <http://trudprava.ru/expert/article/516> (дата обращения: 12.12.2017).

16. *Толстова И. А.* Деликтная ответственность публично-правовых образований как комплексный правовой институт // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Право. – 2014. – № 3. – С. 192–198.

17. *Ярошенко К. Б.* Специальные случаи ответственности за причинение вреда. – М.: Юрид. лит., 1977. – 80 с.

Раздел

Юридическая наука и практика Республики Крым

О. А. Латынин
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»
Председатель Арбитражного суда Республики Крым
кандидат юридических наук

О МЕСТЕ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СИСТЕМЕ СУДОП- РОИЗВОДСТВА

CONCERNING THE PLACE OF THE WRIT PROCEEDINGS IN THE SYSTEM OF LEGAL PROCEEDINGS

Статья посвящена исследованию проблемы определения сущности и места приказного производства среди иных судебных процедур и производств. Анализируются положения различных доктрин по данной теме. Автор предлагает предусмотреть в действующем процессуальном законодательстве трансформацию приказного производства в общее исковое производство. Сделан вывод о том, что приказное производство является отдельным видом производства в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства, обладающим упрощенной процессуальной формой рассмотрения отдельных законодательно закрепленных категорий дел искового и публичного характера в суде первой инстанции. В обоснование данной позиции утверждается, что приказное производство как упрощенная форма производства направлено на реализацию идей процессуальной экономии и эффективности. Это позволяет судам по отдельным категориям дел в рамках приказного производства освобож-

даться от полной процедуры рассмотрения дела, что повышает оперативность судебной защиты и эффективность исполнения судебных актов. Закрепление в законе императивной нормы, запрещающей суду по собственной инициативе решать вопрос о переходе от одного вида производства к другому, полностью исключит нарушение принципов диспозитивности и правовой определенности судом.

Ключевые слова: арбитражный процесс; гражданский процесс; судебный приказ; приказное производство; упрощенные формы судопроизводства; развитие арбитражного процессуального права; статус судьи; защита прав кредитора; письменные доказательства; правоотношение.

This article is dedicated to the study of the issue of determining the essence and place of writ proceedings amongst other judicial procedures and proceedings. The article also analyzes the provisions of various doctrines on this topic. The author suggests that in the current procedural legislation the transformation of the writ proceedings into the general lawsuit should be included. The author arrives at the conclusion that the writ proceedings is a separate type of proceedings within the framework of civil or arbitration proceedings, which have a simplified procedural form of examining separate legislatively assigned categories of cases of claim and public character in the trial court of original jurisdiction. In support of this position, it is asserted that writ proceedings as a simplified form of production is aimed at realizing the ideas of procedural economy and efficiency. This allows the courts to be exempt from the full procedure for the consideration of the case in certain categories of cases within the framework of an orderly procedure, which increases the efficiency of judicial protection and the effectiveness of the execution of judicial acts. Capture of a peremptory norm prohibiting the court to decide the transition from one type of production to another on its own initiative in legislation will completely exclude the violation of the principles of disposability and legal certainty by the court.

Keywords: arbitration process; civil process; court order; writ proceedings; simplified forms of legal proceedings; development of arbitration procedural law; the status of a judge; protection of creditor rights; written evidence; legal relationship.

Институт приказного производства имеет древнюю историю, аналоги судебного приказа известны отечественному процессуальному законодательству еще с XV века.

В связи с успешным функционированием института приказного производства в гражданском процессе и для достижения одной из основных целей, отмеченной в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а именно цели повышения эффективности российского судопроизводства, которое осуществляется за счет унификации граждан-

ского и арбитражного процессуального законодательства, с 2016 г. распространена возможность вынесения судебных приказов арбитражными судами.

Несмотря на многовековой опыт успешного функционирования данного института, в научной литературе и в настоящее время ведутся дискуссии о месте судебного приказа среди иных судебных производств и процедур. В науке высказывают различные точки зрения по вопросу о сущности приказного производства. Н. И. Маняк полагает, что его необходимо рассматривать в качестве отдельного самостоятельного вида производства¹. При этом, например, В. И. Решетняк уточняет, что приказное производство является отдельным видом гражданского судопроизводства², в отличие от Ю. В. Ефимовой, которая рассматривает его в качестве «процессуальной процедуры вне рамок осуществления правосудия»³.

В настоящее время нет единой точки зрения относительно выделения различных видов производств в процессе, что оказывает влияние на понимание приказного производства как отдельного вида судопроизводства. Если согласится с мнением Е. В. Слепченко, которая предлагает рассматривать гражданское судопроизводство как понятие неделимое на виды и целостное⁴, то вывод о том, что приказное производство является отдельным видом гражданского судопроизводства, будет несостоятельным. При этом если под видом гражданского судопроизводства понимать процессуальный порядок возбуждения, рассмотрения и разрешения отдельных групп дел в судах с определенным характером и спецификой материального права, то приказное производство будет обоснованно являться отдельным видом гражданского судопроизводства, обладающим упрощенной формой рассмотрения отдельных категорий дел.

¹ Улетова Г. Д. Апелляционное производство: первый опыт вселяет надежды. Интервью с председателем судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда Н. И. Маняком // Современное право. – 2013. – № 9. – С. 85.

² Решетняк В. И., Черных И. И. Заочное производство и судебный приказ в гражданском процессе: пособие. – М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. – С.63.

³ Ефимова Ю. В. Специализация гражданской процессуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – С. 34.

⁴ Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2011. – С. 10.

Другой точки зрения придерживается Ю. В. Ефимова, которая полагает, что приказное производство может являться исключительно процессуальной процедурой, направленной на исполнение требований взыскателя и не может характеризоваться в качестве отдельного вида судопроизводства. По мнению автора, приказное производство не обладает процессуальной формой в связи с тем, что правосудие в таком порядке не осуществляется и его основной задачей является подтверждение требований взыскателя¹.

Схожей позиции придерживается С. В. Редких, который пришел к выводу о том, что приказное производство не является судопроизводством ввиду того, что не предусматривает соблюдение принципа состязательности, а «деятельность суда, осуществляемая в рамках приказного производства, не является правосудием»². Согласиться с указанным выводом представляется затруднительным, поскольку он не соответствует правовой норме, содержащейся в ч. 3 ст. 1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации», из которой следует, что судьи не могут осуществлять иные виды деятельности, кроме как правосудие. К тому же при вынесении судебного приказа не нарушается принцип равноправия сторон, поскольку на суд возлагается обязанность об информировании должника о вынесении судебного приказа, что в свою очередь не делал нотариус при внесудебной защите прав взыскателя.

Положениями Конституции РФ закреплено, что исключительно суд является органом, осуществляющим правосудие. Соответственно, деятельность суда по вынесению судебного приказа является правосудием, поскольку регулируется нормами гражданского и арбитражного процессуального законодательства, составляющими основу судопроизводства. Другую позицию высказывает Н. И. Масленникова, которая считает приказное производство деятельностью, осуществляемой вне рамок процессуальных производств, а судебный приказ представляет собой лишь «быстрый способ приведения в действие государственного принуждения»³.

¹ Ефимова Ю. В. Указ. соч.

² Редких С. В. К вопросу о пробелах законодательного регулирования приказного производства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 2. – С. 31.

³ Гражданский процесс: учебник / под ред. В. В. Яркова. – М.: Волтерс Клавер, 2000. – С. 213.

Более правильным представляется мнение о том, что приказное производство является отдельным видом производства в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства, обладающим упрощенной процессуальной формой рассмотрения отдельных законодательно закрепленных категорий дел искового и публичного характера в суде первой инстанции. В обоснование данной позиции можно указать, что приказное производство как упрощенная форма производства направлено на реализацию идей процессуальной экономии и эффективности, что позволяет судам по отдельным категориям дел в рамках приказного производства освобождаться от полной процедуры рассмотрения дела, за счет чего повышается оперативность судебной защиты и эффективность исполнения судебных актов.

Существование указанного упрощенного вида судопроизводства обуславливается нецелесообразностью использования искового производства для разрешения бесспорных требований. Как верно отмечает М. А. Черемин, приказное производство является объективно существующим процессуальным производством, поскольку автор усматривает в нем «специфическую форму защиты прав кредитора как лица, опирающегося на письменные доказательства против стороны, не выполняющей обязательства»¹.

В качестве основного критерия, по которому требования могут быть отнесены к рассматриваемым в порядке приказного производства, по мнению В. В. Яркова, является бесспорность доказательств, на которых основывает свои требования кредитор. При этом автор отмечает, что «здесь вряд ли можно говорить о бесспорности самих отношений сторон, главное – бесспорность самого требования, основанная на квалифицированных доказательствах»². Соответственно, особенностью приказного производства, отличающей его от иных видов производств, является бесспорность требований взыскателя, в связи с чем отсутствует необходимость стадии судебного разбирательства и полноценного состязательного процесса. Хотя должник и уклоняется от исполнения своей обязанности, право взыскателя требовать исполнения не оспаривается.

¹ Черемин М. А. Приказное производство в российском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – С. 12.

² Ярков В. В. Судебно-приказной порядок получения платежа по векселю // Бюллетень нотариальной практики. – 2003. – № 1. – С. 3.

В качестве специфической черты приказного производства, позволяющей определять его в качестве самостоятельного вида, представляется возможным выделить исключительный документальный характер процесса.

Необходимо отметить, что суд кассационной инстанции указал на обязательность представления в суд документов, подтверждающих требования взыскателя в оригиналах, поскольку в ином случае у суда могут возникнуть сомнения в бесспорности требований взыскателя¹. Как разъясняет Пленум Верховного Суда Российской Федерации, бесспорными являются требования, подтвержденные письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, а также требования, признаваемые должником². Правовым последствием непредставления оригиналов документов в суд будет являться возвращение заявления о выдаче судебного приказа с приложенными документами взыскателю.

Следующей характерной чертой приказного производства можно назвать экономичность данного вида судопроизводства в сравнении с общим (исковым) производством, которая проявляется в:

– уменьшении времени разрешения дела в судебном порядке (судебный приказ выносится в течение 10 дней со дня поступления заявления о его выдаче в арбитражный суд согласно ч.2 ст. 229.5 АПК РФ);

– экономии денежных средств, затраченных на оплату госпошлины (заявление о вынесении судебного приказа оплачивается государственной пошлиной в размере 50 процентов ставки, взимаемой при подаче искового заявления имущественного характера согласно п. 4.1 ч. 1 ст. 333.21 НК РФ);

– уменьшении количества необходимых процессуальных действий (судебный приказ выносится без вызова взыскателя и должника, а также без проведения судебного разбирательства, согласно ч. 2 ст. 229.5 АПК РФ).

¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 31.01.2017 по делу № А64-6006/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2016 № 62. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, благодаря успешному функционированию института приказного производства реализуется принцип процессуальной экономии. Выбор данного вида судопроизводства зависит в первую очередь от волеизъявления лица, чьи права нарушены, то есть взыскателя. При этом вопрос о возбуждении приказного производства ставится в том случае, если взыскателем ставится вопрос о выдаче судебного приказа по бесспорным и документально подтвержденным требованиям, исчерпывающий перечень которых закреплен в ст. 229.2 АПК РФ.

Актуальным представляется вопрос о трансформации приказного производства в общее исковое, поскольку, согласно положениям действующего арбитражного процессуального законодательства, судебный приказ подлежит отмене судьей, если от должника в десятидневный срок поступили возражения относительно его исполнения. Возражения при этом могут содержать только указание на несогласие должника с вынесенным судебным приказом. Однако в определении об отмене судебного приказа суд указывает, что заявленное взыскателем требование может быть предъявлено в порядке искового производства либо производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, и данное определение не подлежит обжалованию.

Указанный порядок отмены судебного приказа и перспектива перехода его в исковое производство являются несовершенными. Взыскателю потребуется повторно собирать необходимые документы для обращения с заявлением в арбитражный суд, что может создавать в нарушение принципа равноправия участников процесса благоприятные для должника условия для сокрытия или отчуждения своего имущества ввиду довольно длительного временного отрезка между отменой судебного приказа и возбуждением нового дела.

Считаю возможным предусмотреть специальные правила перехода из приказного производства в общее (исковое) в случае, если судебный приказ был отменен. Данные правила позволили бы суду вынести определение, которым он отменяет судебный приказ и переходит в исковое производство либо производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, при наличии волеизъявления одной из сторон.

Особый интерес представляет форма трансформации, закрепленная в Гражданском процессуальном уложении Германии 1877 года, где судебный приказ не является альтернативой иско-

вого производства, а выступает в роли начальной стадии судопроизводства – возбуждения производства по делу. Если в установленный срок от должника поступят возражения или сторона заявит ходатайство о рассмотрении дела в порядке искового производства, то судебный приказ подлежит отмене и спор передается в суд искового производства, который предварительно указывается в заявлении.

Соответственно, приказное производство трансформируется в исковое, и рассмотрение дела далее осуществляется в общем порядке.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что предлагаемая трансформация приказного производства не является нарушением принципа диспозитивности, согласно которому участники вправе самостоятельно распоряжаться принадлежащими им процессуальными правами. Данное утверждение обосновывается тем, что, прежде всего, инициатива перехода к рассмотрению дела в порядке искового производства должна исходить исключительно от его участников.

Таким образом, закрепление императивной нормы, запрещающей суду по собственной инициативе решать вопрос о переходе от одного вида производства к другому, полностью исключит нарушение принципов диспозитивности и правовой определенности судом. Инициированная сторонами трансформация приказного производства позволит восполнить ряд имеющихся пробелов, в частности, сократит затягивание дел при отмене судебного приказа. Благодаря предлагаемой трансформации проявляется тесная взаимосвязь между общей и упрощенной формами судопроизводства, а возможность данного перехода приказного производства в общее исковое обусловлена однородной сущностью предъявляемых требований.

Библиографический список

1. Гражданский процесс: учебник / под ред. В. В. Яркова. – М.: Волтерс Клувер, 2000. – 448 с.
2. *Ефимова Ю. В.* Специализация гражданской процессуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 28 с.
3. *Редких С. В.* К вопросу о пробелах законодательного регулирования приказного производства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 2. – С. 30–32.

4. Решетняк В. И., Черных И. И. Заочное производство и судебный приказ в гражданском процессе: пособие. – М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. – 80 с.

5. Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2011. – 30 с.

6. Улетова Г. Д. Апелляционное производство: первый опыт вселяет надежды. Интервью с председателем судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда Н. И. Маняком // Современное право. – 2013. – № 9. – С. 81–86.

7. Черемин М. А. Приказное производство в российском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 28 с.

8. Ярко В. В. Судебно-приказной порядок получения платежа по векселю // Бюллетень нотариальной практики. – 2003. – № 1. – С. 2–4.

Е. Г. Семенова

доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук
omironova12@mvd.ru

СТРУКТУРА ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ НЕДВИЖИМОСТИ

STRUCTURE OF PROPRIETARY RIGHTS FOR THE REAL ESTATE

Применение системного метода при исследовании множества вещных прав в сфере недвижимости и выявление взаимосвязей между ними определяет необходимость установления их оптимальной структуры. Закрепленные в действующем законодательстве вещные права не позволяют в полной мере удовлетворить потребности субъектов в использовании полезных свойств недвижимости, поскольку они имеют существенные ограничения как по объектно-субъектному составу, так и по сфере использования. Исходя из многомерности категории недвижимости, предложена структура вещных прав в сфере недвижимости: 1) как единого объекта – земельного участка с соответствующими улучшениями или принадлежностями, либо без таковых; 2) как средства удовлетворения потребностей социальных субъектов.

Ключевые слова: вещные права; структура вещных прав; ограниченные вещные права; недвижимость; право собственности; эмфитевзис; суперфиций.

The use of the system method in the study of proprietary rights in real estate as their set and the identification of interrelations between them determines the need to establish their optimal structure. The proprietary rights of the current legislation do not allow to fully satisfy the needs of the subjects using the useful properties of real estate, as they have significant limitations on both the object-subject composition and the sphere of use. The structure of proprietary rights in real estate is proposed, proceeding from the structures of the category of real estate: 1) as a single object - a land plot with corresponding improvements or accessories, or without such, 2) means to meet the needs of social actors.

Keywords: proprietary rights; the structure of proprietary rights; limited proprietary rights; real estate; property rights; perpetual lease; superficies.

Вопросы системы вещных прав всегда занимали ключевое место в исследованиях, посвященных его проблемам. Однако нельзя сказать, что методологические вопросы вещных прав, в частности прав на недвижимость, получили надлежащее разрешение. Отечественные авторы исследуют отдельные виды вещных прав, в том числе на недвижимость, но в то же время комплексные исследования, направленные на изучение институционарирования данных прав и совершенствования их структуры, практически не проводятся.

Действующее гражданское законодательство предусматривает различные виды вещных прав, которые обеспечивают правовое регулирование жизнедеятельности участников гражданских правоотношений, «оформляя принадлежность им вещей (имущества) как необходимой предпосылки и результата имущественного оборота»¹, в том числе в сфере недвижимости.

В соответствии со ст. 216 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)² вещные права определяются в виде закрытого перечня (ограниченной совокупности) прав, где наряду с правом пожизненного наследуемого владения, постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитутом), хозяйственного ведения и оперативного управления имуществом основное место занимает право собственности. Об этом свидетельствует и логико-семантическое толкование названия Раздела II Гражданского кодекса РФ «Право собственности и другие вещные права», и доктрина, которая противопоставляет праву собственности все иные вещные права, традиционно объединяя их под общим названием «ограниченные вещные права»³ или «права на чужие вещи»⁴.

Подобное деление всех вещных прав по принципу дихотомии приводит к тому, что в настоящее время система вещных прав, по сути, представлена двумя обособленными категориями, в основу выделения которых положен критерий субъекта: являет-

¹ Гражданское право: учебник / под ред. Е. А. Суханова. В 2 т. Т. 1. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 59.

² Гражданский кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32, ст. 3301.

³ Суханов Е. А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017. – 560 с.; Шенникова Л. В. Вещные права в гражданском праве России. – М.: Изд-во БЕК, 1996. – 200 с.

⁴ Синайский В. И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2002. – 638 с.

ся ли он собственником (право собственности) или нет (ограниченные вещные права)¹.

Поскольку в группу ограниченных вещных прав зачастую включают все вещные права кроме собственности, то в правовой литературе исследователи сосредотачивают свое научное внимание на классификации не столько вещных прав вообще, сколько ограниченных вещных прав². При этом вещные права данной группы ученые стремятся представить непосредственно в виде системы, выделяя в качестве ее элементов отдельные группы прав. В качестве классификационных критериев зачастую используют отдельные правомочия собственника и их совокупность, функциональное назначение вещных прав, их объекты, предметность и т.д.

Существующий плюрализм научных взглядов на систематику вещных прав объясняется отсутствием в науке гражданского права как единого подхода к определению вещного права в принципе, так и собственно критерия (основания) их классификации. Самым важным в построении системы вещных прав является вопрос системообразующего критерия, поскольку именно он – показатель теоретического и практического значения классификации в целом, целей и задач, которые перед ней ставятся. Анализ существующих в литературе подходов к классификации вещных прав дает возможность прийти к выводу о том, что такие классификации имеют определенные недостатки, обусловленные следующими факторами.

Во-первых, в некоторых случаях предлагаются классификации только отдельных видов вещных прав, ограниченные построением на основании единичных признаков. Иные значимые признаки игнорируются, что в принципе не отвечает требованиям системности. Во-вторых, в соответствии с законами формальной логики классификация должна строиться на основании единого критерия. Однако во многих классификациях, построенных на основании конкретно избранного критерия, исследователями в пределах данных классификаций выделяются критерии, которые не отвечают основанию классификации.

Так, нельзя поддержать стремление авторов привязать вещ-

¹ Шимон С. И. Теория имущественных прав как объектов гражданских правоотношений: монография. – Киев: Юринком Интер, 2014. – С. 195.

² Белов В. А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник. – М.: АО Центр ЮрИнфоР, 2003. – С. 305.

ное право к триаде правомочий собственника (владение, пользование, распоряжение), приравнивая тем самым вещное право как родовую категорию к видовой категории, которой право собственности выступает по отношению к вещному праву. Использование же отдельных правомочий собственника и их комбинаций в качестве классификационного критерия позволяет расширять перечень вещных прав практически безгранично. В отношении предметного критерия следует отметить его возможность влиять на особенности возникновения того или иного вещного права на тот или иной объект, однако он не может определять разновидности прав, которые могут только объективно выступать первичными элементами построения системы прав¹.

Каждый вид вещных прав, на самом деле, существует постольку, поскольку имеет свои собственные, отличные от иных субъективных вещных прав характеристики и содержание. Действительно, по своему содержанию вещные права, по сути, производны из права собственности, но это не означает, что они существуют в праве только в неразрывной связи с правом собственности и им полностью обусловлены. Система вещных прав должна строиться, основываясь на самостоятельности и самодостаточности каждого субъективного вещного права в отношении другого, в том числе и права собственности.

В то же время, поскольку между вещными правами не существует обязательной связи, иерархичности построения, не говоря уже о том, что существование одних субъективных прав по отношению к конкретной вещи может исключать возможность существования иных, использование термина «система» применительно к вещным правам в контексте их разновидностей является достаточно условным.

Как известно, закономерности системных отношений целостного объекта отыскиваются на пути формирования понятия структуры, выражающей те или иные неизменные аспекты системы на уровне элементов, их отношений и целостных свойств². Применение системного метода при исследовании вещных прав как их множества (совокупности различных видов вещных прав,

¹ Харченко Г. Г. Вещные права. – Киев, 2015. – 432 с.

² Философская энциклопедия. В 5 т. / под редакцией Ф. В. Константинова. – М.: Советская энциклопедия, 1960-1970. – С. 234; Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика: Современник, 2009. – С. 645.

существование которых обеспечивается законодательством) и выявления взаимосвязей между ними определяет необходимость установления их структуры. Это позволит систематизировать вещные права, выделяя их виды, устанавливая их характеристики и специфику взаимосвязей.

Системно-структурный анализ вещных прав, в том числе в сфере недвижимости, обуславливает необходимость их классификации, поскольку:

– во-первых, закрепленный в действующем законодательстве перечень вещных прав не раскрывает особенностей их содержания;

– во-вторых, данный перечень не отвечает требованиям современной российской экономики и не предоставляет участникам гражданского оборота, прежде всего гражданам, широких возможностей по выбору вещного права при том, что существует возможность осуществления юридических действий, составляющих правомочия субъективного вещного права без определения их в качестве вещных прав.

Интегративным качеством системы отношений в сфере недвижимости является непосредственно недвижимость как многомерная категория. Исследование такой категории с применением интервального подхода в различных интервалах абстракции¹ – методологическая основа определения тех вещных прав, которые могут возникать в отношении недвижимости.

Так, с точки зрения физического интервала недвижимость представляет собой земельный участок с соответствующими улучшениями или принадлежностями, либо без таковых. Ценность земли и характеристики объектов, расположенных на ней (зданий, сооружений и иных улучшений) в рамках экономического интервала абстракции определяют недвижимость как благо, способное удовлетворять различные потребности социальных субъектов. В частности, потребности и интересы в использовании земельных участков, учитывая функциональное назначение земли, являются факторами, предопределяющими возникновение отдельных субъективных прав, формирования их структуры и дальнейшего ее развития.

Субъективное право представляет собой средство удовле-

¹ Семенова Е. Г. Недвижимость как правовая категория: опыт интервального анализа // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 215-221.

творения интересов лиц¹. Однако закрепленные в законе вещные права не дают в полной мере удовлетворить потребности субъектов в использовании полезных свойств недвижимости, поскольку они имеют существенные ограничения как по объектно-субъектному составу, так и по сфере использования.

Материальным объектом, на который направлен интерес носителя права пожизненного наследуемого владения и постоянного (бессрочного) пользования, выступают земельные участки, находящиеся исключительно в государственной или муниципальной собственности (ст. 265, 268 ГК РФ). При этом в соответствии с земельным законодательством предоставление земельных участков гражданам на праве пожизненного наследуемого владения после введения в действие Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ) не допускается, сохраняется только ранее приобретенное право (ст. 21 ЗК РФ)². В качестве субъектов права постоянного (бессрочного) пользования выступают исключительно органы государственной власти и органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, казенные предприятия, центры исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий (п. 1 ст. 268 ГК РФ, п. 2 ст. 39.9 ЗК РФ).

В сервитутном правоотношении материальным объектом является конкретный земельный участок (обслуживающий), который используется либо сам (для строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов), либо используются его полезные свойства (для обеспечения прохода и проезда) собственником недвижимого имущества (главного участка), который может находиться в государственной, муниципальной или частной собственности (ст. 274 ГК РФ).

С развитием производственных отношений, градостроительства, аграрного сектора экономики, при отсутствии иных законодательных возможностей удовлетворения потребностей граждан в чужой недвижимости сфера применения сервитутов

¹ Камышанский В. П., Попова Ю. А., Попова Е. И. Содержание правоотношения застройки // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – № 09(113). – IDA [article ID]: 1131509120. URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/09/pdf/120.pdf> (дата обращения: 12.12.2017).

² Земельный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 44, ст. 4147.

существенно расширилась. В то же время сервитут как фрагментарное вещное право, определяющее значение для установления которого имеет распределение земельных участков на главные и обслуживающие, не может удовлетворить всех потребностей субъекта, в том числе не являющегося собственником недвижимого имущества.

Не способны в полной мере удовлетворить определенные потребности лиц и закрепленные в законодательстве конструкции перехода земельных участков из государственной собственности в частную, а также договорные конструкции, в частности аренды и безвозмездного пользования. В условиях развития рыночных отношений актуальным является наличие таких юридических форм, которые бы обеспечивали участие одного лица в праве собственности другого и при этом имели стабильный характер, гарантировали соблюдение баланса интересов и эффективной защиты прав указанных лиц.

Так, существование интересов субъектов в использовании земель определенных категорий обуславливает необходимость удовлетворения различных потребностей за счет чужого земельного участка, осуществляя в разной степени фактическое господство над ним на относительно прочных условиях и на продолжительный срок. Требуют удовлетворения и потребности собственников земельных участков, которые, не лишаясь права собственности на них, желают извлекать из земельных участков постоянный, стабильный доход с возможностью возврата таких объектов, в том числе увеличенных в своей ценности благодаря произведенным улучшениям.

Появление вещных прав со времен римского права обуславливалось, с одной стороны, обстоятельствами объективной действительности (социальными причинами), а с другой – обстоятельствами, возникшими вследствие развития товарно-денежных отношений (экономическими причинами). Не изменились эти причины и в настоящее время, однако существенно изменилось законодательство.

Низкая эффективность вещных прав и отсутствие в действующем законодательстве полноценной системы, которая могла бы максимально удовлетворить потребности участников гражданского оборота в создании основанного именно на вещном праве режима пользования чужим имуществом, стали основани-

ем для внесения предложений о совершенствовании системы вещных прав.¹ В частности, в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации предложено помимо существующих в ГК РФ вещных прав на объекты недвижимости закрепить еще три модели вещных прав (п. 2.3): а) право постоянного владения и пользования земельным участком (эмфитевзис), предназначенное, прежде всего, для ведения сельскохозяйственного производства на земельном участке (п. 6.4); б) право застройки земельного участка (суперфиций), предназначенное для случаев, когда земельный участок используется для строительства на нем различного рода объектов с их последующей эксплуатацией (п. 6.3); в) право личного пользования (узуфрукт) - ограниченное вещное право личного характера, в силу которого лицо владеет и пользуется вещью, в том числе недвижимой, в соответствии с ее назначением (п. 7.1). Принципиальное отличие узуфрукта от права застройки состоит в сохранении экономической сущности вещи и невозможности по общему правилу ее изменения узуфруктуарием.

Анализ содержания предложенных в Концепции вещных прав на недвижимость свидетельствует о логике построения их структуры, исходя, прежде всего, из категории земельного участка, что не отвечает частноправовым началам регулирования отношений. Например, использование конструкции эмфитевзиса, объектом которого является земельный участок сельскохозяйственного назначения, не позволяет в полной мере регулировать отношения в случае предусмотренной законодателем возможности застройки такого земельного участка зданиями и сооружениями сельскохозяйственного назначения (п. 11 ст. 85 ЗК РФ). В данном случае неразрешенным остается вопрос юридической судьбы такого здания или сооружения после прекращения права пользования земельным участком сельскохозяйственного назначения.

Нарушает принцип единого объекта недвижимости и установление узуфрукта как самостоятельного вещного права на такие объекты, как здания, сооружения, помещения в здании и т.д. По своей материальной и экономической природе земельный уча-

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 окт. 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 11.

сток и находящиеся на нем здания, сооружения, иные неотделимые объекты являются единым объектом. Единство объекта недвижимости обуславливается вещно-правовым единством земельного участка и его составных частей в виде зданий, сооружений и иных строений, в результате которого земельный участок и его составные части обретают единый правовой режим недвижимой вещи, на них распространяется единое вещное право¹.

В целях гарантирования права собственности владельцы земельных участков должны приобретать право собственности на здания, сооружения, построенные на земельном участке иными лицами. Это становится возможным при использовании механизма суперфиция, при котором суперфициарий на протяжении срока использования земельного участка наделяется вещным правом, на основании которого возникает право пользования зданием или сооружением, построенным на таком земельном участке, а собственником здания или сооружения является собственник земельного участка.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что структурирование вещных прав на недвижимость детерминировано, прежде всего, особенностями многомерности категории «недвижимость» и должно осуществляться с учетом значения недвижимости как единого объекта – земельного участка с соответствующими улучшениями или принадлежностями либо без таковых, и как средства удовлетворения потребностей социальных субъектов. Итак, под вещными правами в сфере недвижимости следует понимать возможности уполномоченных субъектов, обусловленные свойствами такой недвижимости своими действиями непосредственно (без участия иных лиц) удовлетворять потребности за счет земельного участка, осуществляя в разной степени фактическое господство над ним.

Наиболее широким по содержанию вещным правом, которое дает абсолютные возможности в удовлетворении потребностей в отношении объекта недвижимости (при соблюдении назначения такого объекта), следует признать, на наш взгляд, право собственности. В то же время потребности граждан обуславливают возникновение вещного права на недвижимость, при

¹ Семенова Е. Г. Интегрирующее основание системы объектов гражданско-правовых отношений в сфере недвижимости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 10. – С. 129–134.

котором в отношении такого объекта у собственника сохраняется вся полнота правомочий, кроме тех, относительно которых законодательством или договором предоставлено право пользования другим лицам. Такие потребности могут быть удовлетворены сервитутом – правом ограниченного пользования чужим земельным участком.

Потребности лиц обуславливают и возникновение вещных прав в отношении объекта недвижимости, которые, наделяя их широкими по содержанию полномочиями, в том числе по отчуждению такого права и передачи его в порядке правопреемства, оставляют собственнику только «*ius recadentiae*», главное назначение которого – вернуть собственность в прежнее положение. При этом если право предполагает осуществление улучшений земельного участка (например, застройку), его необходимо урегулировать по типу суперфиция (права застройки). Если предполагается использование земельного участка без осуществления улучшений – по типу эмпитевзиса (права постоянного владения и пользования). В случае неприемлемости условия отчуждения вещного права и передачи его в порядке правопреемства отношения по поводу недвижимой вещи между лицами могут быть урегулированы обязательственными конструкциями, предусмотренными законодательством (договор аренды, договор безвозмездного пользования и т.д.).

Поскольку в демократическом, правовом, социальном государстве вещные права считаются социальными ценностями, требующими объективного выражения в законодательстве, правовой регламентации и юридической защиты их осуществления, соответствующие юридические возможности участников отношений по удовлетворению своих потребностей должны быть признаны нормами объективного права. Предложенная структура вещных прав в сфере недвижимости может выступать в роли основы оптимальной модели правового регулирования отношений в данной сфере.

Библиографический список

1. Белов В. А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник. – М.: АО Центр ЮрИнфоР, 2003. – 960 с.
2. Гражданское право: учебник / под ред. Е. А. Суханова. В 2 т. Т. 1. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 496 с.
3. Камышанский В. П., Попова Ю. А., Попова Е. И. Содержа-

ние правоотношения застройки // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – №09(113). – IDA [article ID]: 1131509120. URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/09/pdf/120.pdf> (дата обращения: 12.12.2017).

4. Семенова Е. Г. Интегрирующее основание системы объектов гражданско-правовых отношений в сфере недвижимости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 10. – С. 129–134.

5. Семенова Е. Г. Недвижимость как правовая категория: опыт интервального анализа // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 215–221.

6. Синайский В. И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2002. – 638 с.

7. Суханов Е. А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017. – 560 с.

8. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика: Современник, 2009. – 846 с.

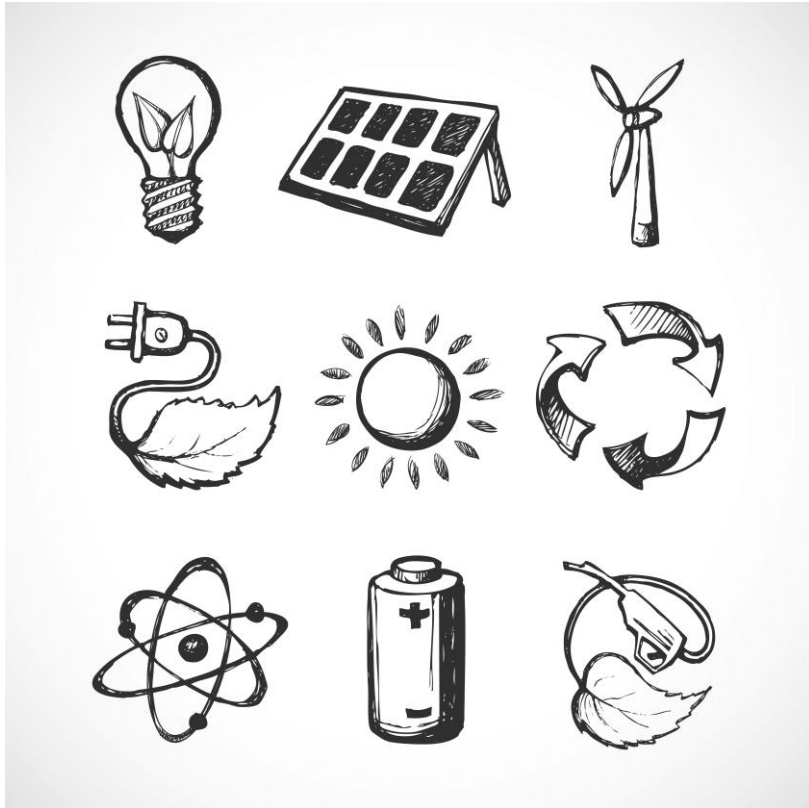
9. Философская энциклопедия. В 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. – М.: Советская энциклопедия, 1960-1970. – 740 с.

10. Харченко Г. Г. Вещные права. – Киев, 2015. – 432 с.

11. Щенникова Л. В. Вещные права в гражданском праве России. – М.: БЕК, 1996. – 200 с.

12. Шимон С. И. Теория имущественных прав как объектов гражданских правоотношений: монография. – Киев: Юринком Интер, 2014. – 663 с.

Раздел

Социально-правовые механизмы энергосбережения

В. П. Камышанский
заведующий кафедрой
гражданского права
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
доктор юридических наук
профессор
vpkam@rambler.ru

С. А. Серебрякова
начальник юридического отдела
ООО «Правовой Альянс»
аспирант по кафедре
гражданского права
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
1@ssakrd.ru

ОГРАНИЧЕНИЕ РЕЖИМА ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ¹

ELECTRIC ENERGY CONSUMPTION CONSTRAINTS: SOCIAL AND LEGAL ASPECTS

Статья посвящена исследованию социально-правовых проблем ограничений режима потребления электрической энергии. Обосновывается вывод о том, что сложившийся в настоящее время правовой механизм регулирования взаимных отношений между поставщиком и потребителями электрической энергии не в полной мере отвечает интересам субъектов, осуществляющих деятельность в сфере реального сектора экономики. Составление актов о безучетном и бездоговорном потреблении электроэнергии производится представителями сетевой организации бесконтрольно, в том числе в отсутствие потребителя, что ставит потребителя в неравное положение перед крупными монополистами-энергетиками, являющимися коммерческими организациями. Выстав-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Краснодарского края, проект «Социально-правовые механизмы обеспечения энергосбережения: на примере Краснодарского края» № 17-13-23006.

ленный коммерческой организацией счет на оплату задолженности за потребленную электроэнергию или счет на оплату электроэнергии, составленный на основании акта о неучтенном энергопотреблении, с которым потребитель не согласен, не может являться легитимным основанием для отключения электрической энергии в одностороннем порядке.

Ключевые слова: ограничение права; потребление электрической энергии; социально-правовые аспекты энергосбережения; оплата электроэнергии; договор энергоснабжения; неучтенное потребление электрической энергии; поставщик электроэнергии; сетевая организация; ограничение потребления электроэнергии; розничный рынок электроэнергии.

This article is dedicated to the study of social and legal problems of electric energy consumption constraints. The author substantiates the conclusion that the current legal mechanism for regulating mutual relations between the supplier and consumers of electric energy does not fully meet the interests of the entities that carry out activities in the real sector of the economy. The acts drafting on uncountable and non-contractual consumption of electricity is carried out by representatives of the network organization in controlled manner, in the absence of the Consumer, which puts the Consumer in an unfair position before large monopolists and energy companies that are commercial organizations. The account issued by the commercial organization for the payment of arrears for consumed electricity or a bill for the payment of electricity, drawn up on the basis of an act on unaccounted energy consumption with which the Consumer does not agree, cannot be a legitimate reason for the unilateral power outage.

Keywords: restriction of law; electric energy consumption; social and legal aspects of energy saving; payment for electricity; power supply contract; unaccounted electric energy consumption; electricity supplier; network organization; limitation of electricity consumption; retail electricity market.

Сегодня среди субъектов предпринимательской деятельности, осуществляющих деятельность в сфере энергоснабжения и энергопотребления (далее – потребитель), одной из самых обсуждаемых можно назвать тему введения полного или частичного ограничения режима потребления электроэнергии со стороны сбытовой и сетевой организаций. 29 сентября 2017 года вступило в силу постановление Правительства РФ от 24.05.2017 № 624 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ по вопросам введения полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, а также применения печатей хозяйственных обществ»¹ (далее – Поста-

¹ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам введения полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, а также применения печатей хозяйственных

ОГРАНИЧЕНИЕ РЕЖИМА ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

новление № 624), которое содержит изменения, внесенные в порядок введения ограничений режима потребления электрической энергии.

Как известно, действиями потребителя, которые могут привести к ограничению подачи электроэнергии, являются неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по оплате электрической энергии, нарушение характеристик технологического присоединения и др. Полный перечень оснований введения режима ограничения в отношении потребителя указан в пункте 2 Правил полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии (далее – Правила), утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442¹.

Рассмотрим сущность понятия «ограничение режима потребления». Как сказано в подпункте 1 пункта 1 постановления Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (в ред. от 28.10.2017) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима», «ограничение режима потребления представляет собой полное и (или) частичное ограничение режима потребления электрической энергии энергопринимающими устройствами и (или) объектами электроэнергетики потребителя, в том числе уровня потребления электрической энергии, осуществляемое в порядке и в случаях, которые определяются настоящими Правилами»². Порядок введения ограничений потребления электроэнергии в отношении юридических лиц урегулирован Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, утвержденными постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442³.

обществ: постановление Правительства РФ от 24 мая 2017 г. № 624. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии: постановление Правительства РФ от 04 мая 2012 г. № 442 (ред. от 28.10.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии: постановление Правительства РФ от 04 мая 2012 г. № 442 (ред. от 28.10.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии: постановление Правительства РФ от 04 мая 2012 г. № 442 (ред. от 28.10.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сложившийся в настоящее время правовой механизм регулирования взаимных отношений между поставщиком и потребителями электрической энергии далеко не в полной мере отвечает интересам субъектов, осуществляющих деятельность в сфере реального сектора экономики, нацеленного на производство товаров, работ и услуг, отвечающих потребностям современного российского рынка. Введенные Правительством РФ ограничения носят односторонний характер и нацелены на обеспечение интересов сильной стороны обязательства энергоснабжения – поставщика. Вместе с тем государство должно очень осторожно подходить к регулированию общественных отношений, проявляя при этом одновременно гибкость, твердость и последовательность, не забывая о том, что «ограничения права возможны, допустимы и оправданы только в исключительных случаях»¹.

Следует выделить целый ряд нововведений правового режима потребления электрической энергии в постановлении Правительства РФ № 624, которые явно не отвечают интересам предпринимателей-потребителей электрической энергии, создают препятствия к развитию отношений в реальном секторе экономики, особенно с участием представителей малого и среднего бизнеса. Постановлением Правительства РФ № 624 установлены сроки и этапы процедуры ограничения электроснабжения потребителей. Согласно предыдущей редакции Правила ограничения режима потребления электроэнергии предполагали выполнение поставщиком электроэнергии в обязательном порядке следующих трех необходимых этапов. На первом этапе по указанию поставщика потребитель самостоятельно производил ограничения режима потребления электроэнергии. На втором – исполнитель по заявке гарантирующего поставщика вводил частичное ограничение режима энергопотребления и только на завершающем, третьем – производилось полное отключение потребителя от электрической энергии.

Согласно действующей в настоящее время редакции Правил все три этапа сведены к одному - введению полного ограничения потребления электрической энергии. Тем самым гарантирующие поставщики и сетевые организации, в очередной раз руководствуясь исключительно собственными интересами, намного «об-

¹ Камышанский В. П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2000. – С. 140.

ОГРАНИЧЕНИЕ РЕЖИМА ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

легчили» себе процесс ограничения потребления электрической энергии потребителями, сделав его упрощенным.

Ранее Правила предусматривали частичное ограничение режима потребления электрической энергии потребителями, вызванные необходимостью предотвращения негативных экономических, экологических или иных социальных последствий, а также с учетом интересов потребителей, имеющих акт согласования технологической и (или) аварийной брони. С введением постановления Правительства РФ № 624 представилась возможность ограничения электроснабжения абсолютно всем категориям потребителей. В отношении «неотключаемых» потребителей после вступления в силу указанного Постановления согласуются и утверждаются планы мероприятий по обеспечению их готовности введения полного ограничения. Полное ограничение режима потребления вводится сетевой организацией только по предварительному однократному уведомлению, в котором отражается вся информация о предстоящем ограничении (дата, время).

Второе изменение, вступившее в силу в сентябре 2017 года, связано с наличием задолженности потребителей перед поставщиками электрической энергии вне зависимости от ее размера. Это изменение предоставляет право энергосбытовой компании инициировать ограничение потребления электроэнергии потребителю. Так, пункт 18 постановления Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (ред. от 28.10.2017) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима» дополнен строкой: «Отказ потребителя от признания задолженности, указанной в уведомлении о введении ограничения режима потребления, не является препятствием для введения ограничения режима потребления»¹.

Указанные выше изменения приняты в рамках развития и совершенствования Федерального закона от 03.11.2015 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов»² и направлены на

¹ О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии: постановление Правительства РФ от 04 мая 2012 г. № 442 (ред. от 28.10.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергети-

обеспечение своевременной оплаты за потребленную электрическую энергию и услуги по ее передаче. Вместе с тем подобного рода новации носят односторонний характер и нацелены на обеспечение интересов одной стороны договора энергоснабжения – поставщика электрической энергии – в ущерб интересам потребителя, то есть производителя материальных благ.

На наш взгляд, подобного рода нормотворчество Правительства РФ, в очередной раз демонстрирующее пренебрежительное отношение к законным интересам граждан, представляет собой одну из форм правового нигилизма. Он может быть присущ не только отдельно взятой личности, но и исходить от легитимной власти¹. В связи с этим еще в 2008 году Д. А. Медведев, заняв пост президента Российской Федерации, в качестве одной из приоритетных задач выделил формирование истинного уважения к закону и преодоление правового нигилизма². Как нам представляется, при таком подходе не в полной мере учитываются права и законные интересы потребителей, выступающих слабой стороной в обязательстве энергоснабжения. Следует помнить о том, что энергосбытовые и сетевые организации являются коммерческими, нацеленными на систематическое извлечение прибыли от своей деятельности. Выставленный коммерческой организацией счет на оплату задолженности за потребленную электроэнергию или счет на оплату электроэнергии, составленный на основании акта о неучтенном энергопотреблении, с которым потребитель не согласен и имеет основания для его оспаривания, является в настоящее время легитимным основанием для отключения электрической энергии вопреки воле потребителя и изменения условий исполнения договора энергоснабжения в одностороннем порядке.

Более того, в настоящее время потребитель электроэнергии не имеет возможности обратиться с исковыми требованиями в суд о запрете вводить в отношении него полный режим ограничения потребления электрической энергии, что подтверждается

ческих ресурсов: Федер. закон от 03 нояб. 2015 г. № 307-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ См.: *Строкова Т. А.* Проблема правового нигилизма в современном российском обществе // *Власть Закона.* – 2017. – № 4. – С. 159–165.

²Россия должна преодолеть правовой нигилизм – президент России Медведев. URL: <https://ria.ru/politics/20080507/106773965.html> (дата обращения: 01.12.2017).

ОГРАНИЧЕНИЕ РЕЖИМА ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

сложившейся судебной практикой арбитражного апелляционного суда (по делам № 15АП-14667/2016¹, № 15АП-15822/2016²).

Вместе с тем нельзя забывать о том, что одним из элементов состава гражданско-правовой ответственности является наличие причинной связи между противоправным поведением правонарушителя и наступившим вредным результатом. Следует иметь в виду, что составление актов о безучетном и бездоговорном потреблении электроэнергии производится представителями сетевой организации бесконтрольно, в том числе в отсутствие потребителя, что ставит потребителя в неравное положение перед крупными монополистами-энергетиками, являющимися коммерческими организациями. Известно также, что указанные акты, являющиеся внутренними документами сетевых и сбытовых организаций, не могут носить правоустанавливающий характер акта прямого действия.

С учетом изложенного возникает необходимость внесения дополнений в Правила № 442. Предлагается содержание пункта 18 Правил дополнить абзацем следующего содержания: «Отказ Потребителя от признания задолженности, указанной в уведомлении о введении ограничения режима потребления, является основанием для приостановки введения ограничения режима потребления. Режим ограничения потребления вводится только после вступившего в силу решения суда о взыскании задолженности с Потребителя».

Библиографический список

1. Камышанский В. П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2000. – 357 с.

2. Россия должна преодолеть правовой нигилизм – президент России Медведев. URL: <https://ria.ru/politics/2008>

¹ Судебный акт Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда по делу № 15 АП-14667/2016 от 29.10.2016 [Электронный ресурс]. URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RAPS015;n=121183#0> (дата обращения: 11.11.2017).

² Судебный акт Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда по делу № 15АП-15822/2016 от 09.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/1df5c5e8-82fc-4226-8fe0-f348d1e29bc9/A32-10723-2016_20161109_Postano_vlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 11.11.2017)

0507/106773965.html (дата обращения: 01.12.2017).

3. *Строкова Т. А.* Проблема правового нигилизма в современном российском обществе // *Власть Закона.* – 2017. – № 4. – С. 159–165.

Раздел

**Трибуна
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

М. Д. Абарина

аспирант кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
margarita-abarinova@yandex.ru

О ПОТЕСТАТИВНЫХ СДЕЛКАХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

ON THE POTESTATIVE AGREEMENTS IN CIVIL LAW

Статья посвящена анализу понятия и юридической сущности потестативных сделок в гражданском праве. Потестативной является условная сделка, содержащая положение, закрепляющее секундарное право одной из сторон сделки, осуществляемое при помощи волеизъявления, направленного на изменение или прекращение уже существующего правоотношения. Во всякой потестативной сделке всегда будут наличествовать последовательные акты волеизъявления. Первый акт состоит в создании такой условной сделки, второй акт — в волеизъявлении, которое выступает содержанием потестативного условия. Если императивная норма гражданского права предписывает обязательное правило относительно условия сделки, то в случае отсутствия в совершенной сделке потестативного условия, подпадающего под регулирование определенной императивной нормы права, такая сделка должна признаваться действительной и порождать соответствующее гражданское правоотношение. Потестативная сделка создает специфическое относительное правоотношение. Содержание потестативного условия представляет собой волеизъявление одного лица, выраженное в определенном действии.

Ключевые слова: договор; сделка; условия сделки; потестативные условия; потестативность; юридический факт; кауза; свобода договора; императивные условия договора; гражданское правоотношение; секундарные права

This article is dedicated to the analysis of the concept and legal essence of the potestative transactions in civil law. A potestative transaction is a conditional transaction containing a clause fixing the secondary right of one of the parties to the transaction, carried out with the help of a will expressly aimed at changing or terminating already existing legal relationship. In any potestative transaction there is always a successive act of will. The first act is the creation of such a potestative transaction, the second act consists of the expression of will, which acts as the content of the potestative condition. If the imperative provision of civil law prescribes a binding rule on the terms of the transaction, then in the absence of a precautionary condition in a transaction that is subject to the regulation of a certain imperative provision, such a transaction must be recognized as valid and generate the

corresponding civil legal relationship. Potestative transaction creates a specific legal relationship. The contents of a potestative condition is the expression of will of one person, expressed in a certain action.

Keywords: contract; deal; terms of a transaction; potestative conditions; potestative; a legal fact; the consideration; freedom of contract; imperative provision; civil-law relations; secondary rights.

Понятие потестативности является производным от латинского термина *potest*, что означает «власть», «мощь», «воля», и весьма широко используется во французском гражданском праве. Определение потестативного условия дано в ст. 1170 Французского гражданского кодекса (ФГК). Согласно этой статье потестативным условием является условие, которое ставит исполнение соглашения в зависимость от события, наступление или ненаступление которого находится во власти той или другой стороны договора¹. Анализ изложенного определения выявляет некоторую теоретическую неточность. В определении имеется указание на событие, зависящее от власти стороны договора. Конечно, по существу такое событие, основываясь на любой доктрине юридических фактов, будет являться не событием, а действием.

Во французской доктрине выработано понятие «чистая потестативность» («*pure potestative*»). Чисто потестативное условие обозначает зависимость наступления правовых последствий (исполнение обязательств) в сделке полностью от одной из сторон². Ст. 1174 ФГК предусматривает ничтожность такого соглашения: если выполнение потестативного условия возложено на обязанную сторону. Предоставление такой возможности как, к примеру, не исполнить обязательство по своей воле, обязанному лицу было бы крайне несправедливой правовой нормой, которая к тому же противоречила бы общим положениям об обязательствах, о том, что они должны исполняться надлежащим образом.

В противовес «волевым» условиям сделки выделяется обусловленность внешним случайным событием, которое носит наименование «кауза» (ст. 1169 ФГК). Логично предположить, что

¹ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 4–592.

² *Kenfack H.* Pacte de préférence et condition potestative «virtuelle», note sous 3ème Ch. Civ, 15 janvier 2003, Bulletin 2003, III, n°9, p. 9, Le Dalloz, n°18, 1er mai 2003, Jurisprudence, p. 1190-1194.; *Najjar I.* Le droit d'option, contribution à l'étude du droit potestatif et de l'acte unilateral. – Paris, LGDJ, 1967; *Secrétan, R.* L'Article 156 du Code (suisse) des obligations et la condition potestative.

наша ст. 157 ГК РФ говорит именно о каузах, о случайных обстоятельствах, хотя понятийный ряд статьи 157 ГК РФ не позволяет совершать такое ограничительное толкование законоположения. В ст. 157 ГК РФ речь идет об «обстоятельствах». Под понятие обстоятельства может быть подведено как обстоятельство, наступление которого зависит от воли (власти) стороны сделки, так и от воли третьего лица, так и от независящего от воли кого-либо события.

Нельзя не учитывать тот факт, что в нашем современном законодательстве «кауза» используется и в смысле юридически значимой цели. Наглядный пример этого – целевой займ (ст. 814 ГК РФ), договоры аренды имущества, используемого для определенных целей. С теоретических позиций, нужно понимать, что цель или основание сделки может и не быть лишено субъективно-волевого момента. К примеру, использование имущества в рамках договора аренды с определенной целью зависит, в том числе, от воли арендатора. Таким образом, можно сделать следующий промежуточный вывод в отношении потестативности: цель сделки может быть потестативным условием, если достижение цели зависит полностью или частично от воли стороны сделки или третьего лица.

В немецкой юриспруденции существуют свои воззрения на потестативность. Само Гражданское уложение Германии (ГГУ) не использует понятие потестативности и не содержит специальных правил о ней¹. В частности, § 158 ГГУ посвящен отменительным и отлагательным условиям. Понятие условия используется как в смысле договорного положения, так и в смысле самого обстоятельства, о котором повествует положение договора. Содержанием условия может являться и сама воля. Между тем, по указанию Б. Виндшейда, изложение условия, содержащего обусловленность волеизъявлением, также свидетельствует о волеизъявлении², то есть прослеживается важное теоретическое замечание, касающееся потестативных сделок. Во всякой потестативной сделке всегда будут наличествовать последовательные акты волеизъявления. Первый акт состоит в создании такой условной сделки, вто-

¹ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – С. VIII–XIX, 1–715.

² Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1. Общая часть / пер. С. В. Пахмана. – СПб., 1874. – С. 204.

рой акт – в волеизъявлении, которое выступает содержанием потестативного условия.

Односторонняя сделка или договор состоят из ряда условий (условия в данном случае понимаются как положения). Одно или несколько из указанных условий (положений) является потестативным условием (обусловленностью волеизъявлением). Соответственно, остальные условия «условными» не являются, должны признаваться действующими независимо от наступления события (действий), обозначенного в потестативном условии.

Если рассматривать сделку как совокупность положений условий, то, действительно, ответ на вопрос о правовых последствиях сделки, часть условий которой действует с момента ее совершения, а другая часть лишь с момента выполнения содержания потестативного условия, дать сразу невозможно. При этом любой ответ на вопрос будет носить, скорее, характер доктринального предположения, которое также доказуемо, как и опровержимо. Но, если рассматривать сделку как совокупность элементарных отдельных друг от друга условий, то можно признать, что каждое такое условие породит отдельное элементарное правоотношение с простым распределением прав и обязанностей между субъектами.

Между тем такая логика не укладывается в действующее российское законодательство. Условие сделки (положение договора) не может самостоятельно породить правоотношение. Необходимо наличие системы условий. Ст. 432 ГК РФ специально указывает, что договор считается заключенным с момента достижения согласия по всем существенным условиям договора. Конечно, такая норма фактически ставит договор в определенные рамки и позволяет называть договором лишь то, что соответствует императивно установленным существенным условиям. Институт согласования существенных условий по праву отмечен как ограничивающий договорную свободу институт¹. Хотя А. Г. Карапетов и А. И. Савельев признают возможный обход императивных норм путем использования конструкций непоименованных договоров, тем не менее на практике такие случаи заключения непоименованных договоров приводят к применению к ним норм права по аналогии или норм об отдельных видах договоров (п. 2 ст. 421 ГК

¹ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. В 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2012. – С. 86.

РФ)¹. В случае полноценного распространения свободы договора и возможности использования смешанных договоров ничего не мешает признать концепцию возникновения «элементарных правоотношений» из каждого условия договора верной. Между тем реализовать это на практике не представляется возможным и приходится иметь дело с императивными установлениями российского права.

При рассмотрении тематики потестативных условий необходимо опираться на две практические ситуации. Первая практическая ситуация состоит в том, что потестативное условие не содержится в существенном условии договора. В данном случае необходимо признать наличие совершенно ничем не выдающегося договорного правоотношения, которое изменится или прекратится в связи с наступлением события, выступающего содержанием потестативного условия. Такое договорное правоотношение не будет ничем отличаться от любого другого договорного обязательства.

Отсюда закономерен более общий теоретический вывод. Если императивная норма гражданского права предписывает обязательное правило, касающееся элемента сделки (условия, положения сделки), то в случае отсутствия в совершенной сторонами сделке потестативного условия, подпадающего под регулирование указанной императивной нормы права, такая сделка должна и будет признаваться действительной и порождать соответствующее гражданское правоотношение в соответствии с законом и условиями сделки.

Существует и второй, более сложный для теоретического осмысления случай: потестативное условие содержится в существенном условии договора. При этом рассматривать случай, что такой договор признают смешанным непоименованным, не имеет смысла, поскольку, как указывалось ранее, в таком случае возникнут элементарные гражданские правоотношения.

Речь должна идти о случае, когда потестативное условие содержится в существенном условии договора, то есть в более общем виде подпадает под действие императивной нормы права, требующей выражение воли стороны. Соответственно, необходимо ответить на два вопроса: будет ли считаться условие согласованным в случае наличия в нем потестативного условия и какие

¹ Каранетов А. Г., Савельев А. И. Указ. соч. С. 116.

правовые последствия породит сделка в том случае, если такое условие будет считаться согласованным.

В случае признания существенного условия договора, содержащего потестативное условие, незаключенным второй вопрос отпадает: не возникает никаких правоотношений, и сделка фактически считается несовершенной. Между тем подобный ответ на вопрос был излишне основанным на формализме и подвергал бы риску весь гражданский оборот. К счастью, даже наше законодательство отходит от такого уровня формализма и вводит ряд институтов, которые направлены на сохранение сделок в силе, на расширение спектра возможных сделок (договоров) и на возможную реанимацию сделки судами или последующими действиями сторон.

В случае признания существенного условия, содержащего потестативное условие, согласованным, нельзя признать возникновение правоотношения в таком виде, если бы соответствующего потестативного условия не было. Возникающий юридический факт порождает особое правоотношение, которое по своей природе является таким же относительным и в то же время договорным. Экономическую природу данного правоотношения нельзя обозначить теоретически, потому что в зависимости от конкретного условия, разновидности договора оно может быть как имущественным, так и неимущественным.

Вместе с тем совершенную сделку необходимо рассматривать не только как юридический факт сам по себе, приводящий к конкретным правоотношениям, но и как акт индивидуального регулирования поведения. Совершив сделку, ее стороны руководствуются закрепленными в ней положениями. Они реализуют свои возникшие из данной сделки субъективные права и обязанности. При этом процедура реализации данных прав не всегда должна признаваться юрисдикционной. Нормальный экономический оборот предполагает неюрисдикционную форму реализации прав. Лишь в случае нереализации прав в добровольном порядке стороны должны иметь право обратиться в суд с требованием, к примеру, о реализации прав в принудительном порядке (о принудительном исполнении обязанности в натуре).

Потестативная сделка создает специфическое относительное правоотношение (обязательство). Что касается содержания потестативного условия, то оно представляет собой волеизъявление одного лица. Поскольку это волеизъявление, то с позиции юридических фактов оно представляет собой действие. Здесь ни

в одном из законодательств мы не сможем найти положения о том, какой характер будет иметь данное действие. Отраслевая принадлежность действий, составляющих содержание потестативного условия, может быть положена в основание будущей классификации потестативных сделок в целом.

Суть потестативного условия состоит именно в возможности или невозможности совершения определенного действия. Поэтому реализация действий будет осуществляться только в рамках «прав», а не обязанностей. Данные права не являются субъективными, потому что не состоят в правоотношении. Они являются внешними по отношению к правоотношению из потестативной сделки до совершения потестативного условия.

Полагаем, действия в рамках потестативного условия могут являться реализацией других правоотношений, то есть быть реализуемы как субъективное право или обязанность некоторого третьего правоотношения. Это полностью подходит к выделенным нами коллективным (гетерономным) действиям. То есть действие в рамках потестативного условия реализуется и в рамках секундарного и субъективного права.

В отдельном случае потестативное условие может состоять в том, что кредитор условился отказаться от какого-либо третьего обязательства. Право на односторонний отказ от исполнения обязательства является секундарным¹, то есть в данном случае секундарное право, закрепленное в потестативном условии, будет соприкасаться с секундарным правом, существующим при другом правоотношении.

Что касается субъекта, то, очевидно, правильным будет считать, что секундарно уполномоченным в силу потестативного условия субъектом будет являться лишь кредитор. При этом нужно учитывать, что обязательств из сделок, по которым наблюдается простейшая правовая связь, где имеется одно субъективное право и корреспондирующая ему субъективная обязанность, незначительны в своем количестве.

Таким образом, потестативной сделкой считается условная сделка, содержащая условие (положение), закрепляющее секундарное право одной из сторон, осуществляемое при помощи во-

¹ *Оболонкова Е. В.* Односторонний отказ от исполнения обязательства: пределы использования и соотношение с другими способами прекращения договорных обязательств // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 17.

леизъявления, направленного на изменение или прекращение уже существующего правоотношения.

Библиографический список.

1. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1: Общая часть / пер. С. В. Пахмана. – СПб., 1874. – 375 с.
2. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 592 с.
3. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 715 с.
4. Каранетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. В 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2012. – 453 с.
5. Оболонкова Е. В. Односторонний отказ от исполнения обязательства: пределы использования и соотношение с другими способами прекращения договорных обязательств // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 17 –24.
6. Kenfack H. Pacte de préférence et condition potestative «virtuelle», note sous 3ème Ch. Civ, 15 janvier 2003, Bulletin 2003, III, n°9, p. 9, Le Dalloz, n°18, 1er mai 2003, Jurisprudence, p. 1190-1194.; Najjar I. Le droit d'option, contribution à l'étude du droit potestatif et de l'acte unilatéral, Paris, LGDJ, 1967; Secrétan, R. L'Article 156 du Code (suisse) des obligations et la condition potestative.

Ю. П. Ксенофонтова

главный специалист Управления имущества
АО «Федеральная пассажирская компания»

ИНТЕРЕСЫ СОБСТВЕННИКОВ В НЕПОИМЕНОВАННЫХ ДОГОВОРАХ

ON INTERESTS OF PROPRIETORS IN NON-DEFINED CONTRACTS

В статье рассматриваются интересы собственников при реализации принципа свободы договора, правовая природа непоименованных договоров, соотношение интересов собственников и других участников правоотношений, отражения этих интересов в правовых актах. Основные выводы могут быть применены как в теории, так и на практике, в ходе реализации норм права. В гражданском праве ключевую роль играет не название договора, которое стороны сделки указывают, пытаются быстро и прямолинейно достичь удовлетворения своего интереса, а истинная суть заключенного договора. Квалифицирующие нормы следует отличать от императивных норм, устанавливающих формальные требования к процессу заключения договора (к форме сделки, государственной регистрации, оформлению договора в виде единого документа и т.п.). На современном этапе развития правопонимания именно непоименованные договоры призваны отражать субъективные интересы отдельных субъектов. Не имея возможности своевременно создавать новые типы (виды, подвиды) договоров, отражающих юридически значимое разнообразие экономического оборота, необходимо закрепить их понятие и признаки.

Ключевые слова: правовой интерес; право собственности; интерес в праве; непоименованный договор; свобода договора; частное право; формы собственности; эффективность правового регулирования; гражданско-правовой договор; квалификация договора

The article deals with the interests of owners, in cases of implementation of the principle of freedom of contract, the legal nature of unnamed contracts, the ratio of the interests of owners and other participants in legal relations, the reflection of these interests in legal acts. The main conclusions can be applied both in theory and in the practice of applying the norms of civil law. In civil law, the key role is played not by the name of the contract, which the parties to the transaction indicate, trying to achieve the fastest and most straightforward satisfaction of their interest, but by the real essence of the contract. Qualifying norms should be distinguished from peremptory norms that establish formal requirements for the process of con-

cluding a contract (to the form of the transaction, to state registration, registration of the contract in the form of a single document, etc.). At the present stage of the development of the legal understanding, it is the unnamed treaties that are designed to reflect the subjective interests of individual subjects. Unable to create new types (types, subtypes) of contracts that reflect a legally significant variety of economic turnover in a timely manner, it is necessary to consolidate their concept and attributes.

Keywords: legal interest; property rights; interest in law; an unnamed contract; freedom of contract; private right; forms of ownership; effectiveness of legal regulation; civil contract; contract qualification

Интересы собственников, выступающих в гражданском обороте в относительных правоотношениях, должны обязательно учитываться, поскольку они выступают главной движущей силой при формировании мотивации действий. Как отмечает А. В. Рыжик, «...категория «интерес собственника» – один из системообразующих критериев отрасли частного (гражданского) права: «Будучи универсальной во всех областях права, категория интереса пронизывает все сферы правовой жизни, в том числе институт права собственности. Степень эффективности норм права собственности во многом зависит от характера интеграции и степени интегрированности в них интересов собственников, адекватности их отражения в правовых нормах и правоприменительной практике, а также от степени сбалансированности интересов как между собственниками различных форм собственности, так и с интересами других субъектов права, не являющихся собственниками»¹. Существующие нормы права не отражают в необходимой степени интересы всех хозяйствующих субъектов, в том числе собственников.

По сути интерес можно охарактеризовать как конкретную, необходимую потребность индивида или определенной общности. Однако правом регулируются интересы не отдельного индивида, а определенной группы субъектов. Выражение интересов отдельных субъектов и их закрепление в праве, определение объективной или субъективной природы интереса – вопросы дискуссионные. Полагаем, право не может одновременно удовлетворять интересы всех субъектов. Например, одни лица (в нашем случае собственники), реализуя свой интерес, могут ограничивать в той

¹ Рыжик А. В. Институционализация интересов собственников. – Минск: Беларуская навука, 2017. – С. 3.

или иной мере интересы других участников правовых отношений.

Действительно, многие гражданско-правовые категории не выражают напрямую интересы конкретного субъекта и, соответственно, не закреплены на законодательном уровне. Основываясь на данном доводе, можно сделать вывод о том, что, например, непоименованные договоры как отражение реализации принципа свободы договора, выражают интересы лишь отдельных субъектов, поскольку само понятие «непоименованные договоры» не закреплено в гражданском законодательстве.

Принцип свободы договора позволяет сторонам строить свои отношения как по модели, предусмотренной гражданским законодательством, так и создать договорную конструкцию, прямо непоименованную в действующем законодательстве. Правовой основой заключения непоименованных договоров и их судебной защиты в настоящее время является положение п. 2 ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), согласно которому стороны могут заключить договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом и иными правовыми актами¹.

Сегодня достаточно острым является вопрос о признании непоименованных договоров и их отграничении от поименованной договорной модели. И связано это, в первую очередь, с разнообразными названиями, которые стороны при заключении дают договору, ошибочно полагая, что данный договор с новым, не известным ранее названием не закреплен в законодательстве.

Между тем в гражданском праве ключевую роль играет не название договора, которое стороны сделки указывают, пытаясь достичь наиболее быстро и прямолинейно удовлетворения своего интереса, а истинная суть заключенного договора. Данный принцип официально закреплен в Постановлении Пленума ВАС РФ от 22 ноября 1997 г. № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки»², в котором суд указал, что стороны должны руководствоваться ст. 506 ГК РФ, признаками догово-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32, ст. 3301.

² О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки: постановление Пленума ВАС РФ от 22 нояб. 1997 г. № 18 // Вестник ВАС РФ. – 1998. – № 3.

ра поставки независимо от того, какое название они желают ему присвоить. Большинство договоров, заключаемых участниками гражданского оборота, по их мнению, являются новыми, но на самом деле это известные законодательству договоры с оригинальными названиями. Например, в этих целях часто используются иностранные понятия (инвестиции, финансирование и др.).¹

Итак, квалификация договора должна осуществляться, прежде всего, на основе анализа содержания условий договора, направленности воли сторон и начинаться с соотнесения содержания заключенного договора с предусмотренными в законе договорными моделями. Если заключенный договор не совпадает ни с одной из поименованных договорных конструкций, не содержит признаки смешанного договора, то его можно смело отнести к категории непоименованных договоров. В таком случае к нему не могут применяться по общему правилу специальные императивные и диспозитивные нормы законодательства. Непоименованный договор будет подчиняться общим положениям обязательственного и договорного права.

Казалось бы, все просто и вопрос квалификации исчерпан. Однако возникают проблемные вопросы. В частности, не ясно, по каким признакам нужно сравнивать содержание непоименованного договора с поименованным. Современная система договорных отношений состоит из общей части обязательственного права и специального регулирования конкретных поименованных договоров, то есть происходит закрепление тех признаков, которые относятся именно к данному договору. Эти специальные признаки, которые как раз закрепляют признаки, относящиеся к конкретному виду договора, получили название квалифицирующие.²

Соответствие заключенного договора всем квалифицирующим признакам какого-либо поименованного договора подводит соглашение сторон под соответствующий поименованный договорный тип и установленные в отношении его специальные нормы. Если он не соответствует хотя бы одному из таких квалифицирующих признаков, значит, можно говорить о его непоименованности. Квалифицирующие признаки того или иного поимено-

¹ Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей. Вып. 10 / под ред. О. Ю. Шилохвоста. – М.: Норма, 2006. – С. 112.

² Кислицына О. В. Формирование условий договора в современном гражданском праве РФ. – Тюмень, 2004. – С. 37.

ванного договора содержатся в нормах специального регулирования, так называемые квалифицирующие нормы.

Квалифицирующие нормы следует отличать от императивных норм, устанавливающих формальные требования к процессу заключения договора (к форме сделки, к государственной регистрации, оформлению договора в виде единого документа и т.п.). Подобные императивные нормы применяются к договору, который уже прошел первичную квалификацию и на основании тех или иных квалифицирующих признаков отнесен к соответствующей специальной категории. Например, правило о том, что долгосрочный договор аренды здания или сооружения подлежит государственной регистрации, применяется к договору, который был на основании соответствующих квалифицирующих признаков отнесен к категории договоров аренды.

Квалифицирующие нормы следует также отличать от императивных норм, предписывающих существенные условия договоров. Такие нормы устанавливают минимальные требования к содержанию того или иного договора (например, правило о существенности условия о сроках поставки для договоров, квалифицируемых в качестве договоров поставки, купли-продажи).¹ Без сомнений, квалифицирующие нормы следует отличать и от тех специальных императивных норм, направленных на регулирование прав и обязанностей уже заключенного договора того или иного типа. Но и эти нормы учитываются только после того, как договор был, согласно тем или иным критериям, квалифицирован как относящийся к соответствующей договорной модели.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, если заключенный договор не соответствует квалифицирующим нормам ни одного из законодательно закрепленных поименованных договоров, он должен считаться непоименованным. Таким образом, в настоящее время квалификация непоименованных договоров – непростой, проблемный вопрос. Не сложилась ни четкая и ясная договорная, ни судебная практика относительно непоименованных договоров и их места в системе договорного права. Единственно возможной представляется квалификация непоименованных договоров на основе анализа квалифицирующих признаков и норм, уже существующих договорных моделей. Поэтому необходимо определить все квалифицирующие

¹ Майорова Т. Свобода договора – миф или реальность? // Бизнес-адвокат. – 2004. – № 24. – С. 51.

признаки, присущие тем или иным договорным конструкциям, что является очень сложной, трудоемкой работой.

Классический пример непоименованного договора – соглашение об установке и эксплуатации рекламной конструкции. Порядок его заключения отражен в ст. 19 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – Закон о рекламе)¹. Установка и эксплуатация рекламной конструкции осуществляется на основании соответствующего договора. Сторонами договора, согласно п. 5 ст. 19 Закона о рекламе, являются собственник рекламной продукции и собственник земельного участка, здания или иной недвижимой вещи, к которой присоединяется рекламная продукция (либо лицо, уполномоченное собственником такого имущества, арендатор). Договор о размещении и эксплуатации рекламной конструкции отличается от договора аренды, прежде всего, определенной целью использования недвижимой вещи. Закон о рекламе содержит ряд норм, определяющих административные предпосылки заключения договора.² Но ни этот закон, ни ГК РФ не определяют содержание возникающего из данного договора правоотношения. Поэтому договор об установке и эксплуатации рекламной конструкции может быть охарактеризован в качестве непоименованного договора, к которому в силу прямого указания судебной практики и по аналогии закона применяются нормы законодательства, регулирующего договор аренды³.

Таким образом, на современном этапе отсутствует единая и устоявшаяся классификация непоименованных договоров, что, на наш взгляд, и невозможно с учетом постоянно развивающихся экономических отношений. Это обуславливает рост потребности у субъектов в создании и использовании все новых моделей договоров, не предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации.

Актуальной представляется точка зрения А. Г. Карапетова: «За счет заключения непоименованного договора стороны часто

¹ О рекламе: Федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 29.09.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 12, ст. 1232.

² Зверева Е. А. Проблемы заключения рекламного договора // Арбитражный и гражданский процесс. – 2004. – № 4. – С. 46.

³ См.: Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11 янв. 2002 г. № 66 (п. 1) // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 3; О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания: постановление Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 64 (п. 7) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 9.

желают уйти от предусмотренной законом типичной для достижения соответствующей цели договорной модели и соответствующего ей специального правового регулирования. В таких случаях стороны, имея под рукой некую поименованную договорную модель, но, не мирясь с неудобством соответствующего специального правового регулирования, пытаются заключить договор, направленный на ту же самую или близкую «до степени смешения» экономическую цель, но структурировав по-иному свои права и обязанности. Если бы стороны не устраивали диспозитивные нормы, включенные в соответствующий режим конкретной поименованной договорной модели, проблема бы не возникала: оставаясь в рамках данной модели, они могли бы урегулировать свои отношения по-иному. Но попытка «прыгнуть» в непоименованный договор объясняется часто именно тем, что помехи создают соответствующие специальные императивные нормы.¹

К сожалению, существующие нормы гражданского права и действующие конструкции договорного права не отражают в необходимой степени интересы всех хозяйствующих субъектов. Учитывая постоянное развитие и совершенствование рыночной экономики, имущественных отношений, право объективно не успевает урегулировать появляющиеся новые общественные отношения на законодательном уровне. В частности, «как только оборот принимает новые формы, так сразу же рождаются новые типы обязательств»².

Право должно обеспечивать юридическим механизмом те договорные отношения, которые того требуют. В этом – одна из составляющих эффективности правового регулирования. В современных условиях развития правопонимания именно непоименованные договоры призваны отражать субъективные интересы отдельных субъектов. Учитывая отсутствие возможности своевременно создавать новые типы (виды, подвиды) договоров, отражающих юридически значимое разнообразие экономического оборота, в гражданском законодательстве необходимо закрепить понятие и признаки «непоименованного договора».

¹ Каранетов А. Г., Савельев И. А. Свобода заключения непоименованных договоров и ее пределы // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 4. – С. 17.

² Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – М.: Статут, 2000. – С. 146.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей. Вып. 10 / под ред. О. Ю. Шилохвоста. – М.: Норма, 2006.
2. *Зверева Е. А.* Проблемы заключения рекламного договора // Арбитражный и гражданский процесс. – 2001. – № 4.
3. *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – М.: Статут, 2000.
4. *Каранетов А. Г., Савельев И. А.* Свобода заключения непоименованных договоров и ее пределы // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 4. – С. 12–56.
5. *Кислицына О. В.* Формирование условий договора в современном гражданском праве РФ. – Тюмень, 2004. – 249 с.
6. *Майорова Т.* Свобода договора – миф или реальность? // Бизнес-адвокат. – 2004. – № 24.
7. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Лань, 2000.
8. Институционализация интересов собственников. – Минск: Беларуская навука, 2017.

Ж. Г. Павлова

аспирант кафедры теории и истории
государства и права юридического факультета
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
адвокат Ростовской областной коллегии
адвокатов «СТАТУС»

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АДВОКАТА**

**THEORETICAL AND LEGAL BASIS OF COMPULSORY INSURANCE
OF PROFESSIONAL RESPONSIBILITY OF THE LAWYER**

В статье рассмотрены проблемы осуществления обязательного страхования профессиональной ответственности адвоката как института гражданского права. Автор приходит к выводу о том, что введение обязательного страхования профессиональной ответственности адвоката является преждевременным в современной России в сложившихся условиях. Действующее в этой сфере законодательство нуждается в совершенствовании, а вопрос обязанности адвокатов страховать свою профессиональную ответственность подлежит дальнейшему изучению с учетом мнения как членов адвокатского сообщества, так и их доверителей.

Ключевые слова: адвокат; клиент; обязательное страхование; профессиональная ответственность; страхование ответственности; добровольное страхование; адвокатская деятельность.

In this article the problems of compulsory insurance of professional responsibility of lawyers as an institution of civil law are researched. The author arrives at the conclusion that it is premature to introduce the compulsory insurance of professional responsibility of lawyers in the current conditions of the Russian Federation. The existing law in this area needs to be improved and the issue of the duty of lawyers to insure their professional responsibility is a subject of further research, taking into account the views of both members of the lawyer community and their trustees.

Keywords: lawyer; client; compulsory insurance; professional responsibility; liability insurance; voluntary insurance; practice of law.

Вопросы страхования профессиональной деятельности в любые времена занимали важное место в системе гражданских правоотношений. Особый интерес

представляет страхование адвокатской деятельности как уникального вида процессуальной деятельности. Особенность страхования данного вида деятельности заключается в том, что государство уделяет повышенное внимание квалификации адвокатов, уровню их образования. Так, каждый кандидат в адвокаты должен выдержать специальный квалификационный экзамен, который позволит ему приобрести полномочия по осуществлению адвокатской деятельности на конкурсной основе за счет отбора самых лучших специалистов.

Обязанность для адвокатов страховать свою профессиональную имущественную ответственность появилась в России более 15 лет назад. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» еще в 2000 г. ввел для адвокатов обязанность страховать свой риск профессиональной ответственности¹. В 2007г. Государственной Думой было принято решение о необходимости отдельного закона в данной сфере. Несмотря на это, соответствующий закон до сих пор не разработан, а эксперты высказывают мнение о том, нужна ли адвокату страховка. Потребность в страховании профессиональной юридической деятельности в России возникла в связи с ее вступлением в ВТО в 2012 году. Так, в ВТО действует Генеральное соглашение по торговле услугами, которое выделяют задачу организации обеспечения свободы оказания платных услуг внутри ВТО, в том числе и в сфере юридических услуг, при этом страхование определяется в качестве одного из особо эффективных методов регулирования коммерческих видов деятельности².

Отвечая на вопрос о том, зачем нужно страхование адвокатской деятельности, следует обратить внимание на зачатую недостаточно квалифицированную защиту прав и свобод человека и гражданина адвокатами. К сожалению, сегодня далеко не все адвокаты обладают высокой квалификацией, что приводит к судебным ошибкам, некачественному рассмотрению отдельных категорий дел. Клиент, сотрудничая с адвокатом, уплачивает ему определенную

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.06.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 23, ст. 2102.

² Тикиджи В. Н. Заключение договора страхования ответственности адвоката и нотариуса // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 5. – С. 72–76.

сумму в форме гонорара. После того, как выявляется факт оказания неквалифицированной помощи, клиенту приходится возвращать свои деньги в судебном порядке, проходя через большое количество инстанций. Предполагается, что страхование позволит не тратить дополнительные деньги на защиту своих интересов, а быстро вернуть затраченные средства.

Во второй половине 90-х гг. XX в. существовало лицензирование платных юридических услуг, которое показало свою абсолютную несостоятельность ввиду того, что не всегда однозначно можно было оценить качество выполнения работ, оказания юридических услуг. Например, если адвокат проиграл дело, то это не всегда выступает показателем некачественной юридической помощи¹.

Кроме того, несмотря на требования страхования деятельности адвокатов, страховыми компаниями не выработана единая политика в данной сфере. Существует правовая неурегулированность ряда вопросов. Например, до сих пор непонятно, что конкретно нужно страховать, как определить наступление страхового случая в адвокатской практике, на какой срок должен быть заключен такой договор и какой должна быть страховая сумма.

Определение понятия «профессиональная имущественная ответственность адвоката» отсутствует в законе, поэтому соответствующее определение зависит, прежде всего, от трактовки практиков. Адвокатская деятельность не является предпринимательской, о чем говорят нормы российского закона об адвокатуре. Это, по сути, делает невозможным применение страхования в качестве обязательного института, так как оно выступает в качестве способа обеспечения интересов лица, которое воспользовалось предоставленными товарами, работами и услугами².

Правильно ли, что адвокатская деятельность не является предпринимательской? С одной стороны, адвокат оказывает юридические услуги, удовлетворяя спрос клиентов, что в некоторой мере схоже с предпринимательством. Условно можно

¹ Новиков Р. В. Проблемы страхования денежных средств на счетах нотариусов и адвокатов // Юрист ВУЗа. – 2011. – № 12. – С. 27–31.

² Понов В. С. Профессиональная имущественная ответственность адвоката» как орудие разрушения адвокатуры: матер. VI междунар. науч.-практич. конф. – Уфа: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2016. – С. 288–291.

сказать о том, что адвокат осуществляет профессиональную имущественную деятельность и, соответственно, может нести профессиональную имущественную ответственность. С другой стороны, такой подход к адвокатской деятельности способен сделать ее крайне нежизнеспособной, что неизбежно приведет к угасанию данного института. Вместе с тем страхование способно сыграть и положительную роль в развитии адвокатской деятельности, позволит отсеивать неквалифицированных специалистов, что приведет к более качественному оказанию услуг в этой сфере.

Рассмотрим вопрос, связанный с критерием определения наступления страхового случая, один из главных вопросов при введении данного института. Для того, чтобы клиент мог получить страховую выплату, должен наступить страховой случай. Одно дело, когда адвокат не предпринимал никаких действий, в результате чего процесс был проигран. Другой случай, когда адвокат сделал все возможное, активно участвуя в процессе, но суд не принял его аргументы. Судебный процесс, как известно, характеризуется таким принципом, как состязательность, который существует очень давно. Всегда кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает.

По сути, если адвокат выиграл суд, то он оказал квалифицированные услуги, а если нет, то происходит обратный результат. Если бы адвокат сделал все правильно, по мнению клиента, то решение суда было бы другим. Но такая ситуация может привести к созданию органа, на который фактически будет возложена часть полномочий судебной системы – определять выигравшую сторону. Кроме того, такая ситуация будет способствовать тому, что система адвокатуры станет фактически зависимой от страховых выплат, это окажет сильнейшее давление на адвокатское сообщество.

Более того, совершенно непонятно, по каким критериям оценивать труд адвоката. Даже речь адвоката является творческим процессом и не поддается объективной оценке. А каждое дело требует своего творческого подхода. Большой вопрос вызывает также подсчет убытков. В гражданском или арбитражном процессе подобный вопрос не возникает. Но как посчитать убытки в уголовном процессе? Особенно это касается государственных адвокатов, которые зачастую вступают в

заранее невыигранные дела, так как по закону подозреваемый (обвиняемый) имеет право на бесплатного защитника.

Кроме того, говоря о деятельности адвокатов, нельзя не затронуть и консультационный аспект. Адвокаты не только выступают в судах, но и дают гражданам консультации по различным юридическим вопросам, однако за дачу консультации едва ли можно привлечь адвоката к какой-либо ответственности. Европейские ассоциации более продвинуты в данном плане. Так, ассоциация «Eurojuris International», которая включает в себя более 600 юридических фирм из 12 стран Евросоюза, предъявляет требования страхования деятельности консультантов на общую сумму свыше 370 тысяч евро в год¹.

Во многих странах, в частности, в ФРГ, Франции, Швеции, Ирландии, Польше, обязательная программа страхования для адвокатов давно и успешно функционирует. Так, например, в Германии минимальная страховка для адвокатов составляет 250000 евро. В европейских странах страхование адвокатов осуществляется на основе Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского сообщества, где согласно п. 3.9.1 адвокат всегда должен быть застрахован от предъявления исков, связанных с недостаточной профессиональной компетентностью².

В то же время в некоторых других странах адвокаты создают свои ассоциации и добровольно могут оформить страхование. За счет членских взносов коллег создаются специальные резервные фонды, основное назначение которых – производство выплат для клиентов, которым была оказана некачественная помощь юристов. Но нельзя не упомянуть и об обратной стороне медали: например, в США у некоторых юридических фирм затраты на страхование превышают затраты на содержание офиса и расходы на аренду³. Сегодня на Западе существует определенное правило, которое обязывает адвокатов

¹ Мышланова А. Н. Страхование профессиональной ответственности // Экономика и социум. – 2016. – № 3 (22). – С. 883–891.

² Тикиджи В. Н. Страховой (имущественный) интерес и цели страхования в деятельности адвоката и частнопрактикующего нотариуса // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 6. – С. 145–149.

³ Федорова М. Ю. Особенности правового положения самозанятых граждан как субъектов обязательного социального страхования в решениях конституционного суда Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. – 2012. – № 1 (25). – С. 82–87.

предъявлять свой страховой статус потенциальному клиенту, сообщать о наличии страхового полиса¹. Для России также возможно применение данного правила. Но Россия сегодня, с одной стороны, стремится к созданию качественного рынка услуг, а с другой – к разнообразию имеющихся видов деятельности. И не совсем понятно, какие меры следует предпринять российскому законодателю для достижения золотой середины.

В первую очередь, представляется необходимым создание единой стратегии в данной сфере, которое бы выработало в ней единые правила. Кроме того, важно выработать единые стандарты и требования к данному виду деятельности. Это связано с тем, что сегодняшнее законодательство не в полной мере регламентирует указанные вопросы, между многими нормами права имеются противоречия, которые можно устранить только путем прихода к единообразию правовых норм и имеющихся стандартов.

Следует отметить, что существующие в рассматриваемой нами сфере правовые нормы оказались нежизнеспособными в России, о чем свидетельствует российский правовой опыт. Введение обязательного страхования, на наш взгляд, может разрушить адвокатуру как институт путем совмещения его с коммерческой системой.

По мнению некоторых авторов, страхование в российском государстве не должно стать обязательным пунктом для деятельности адвокатов. Законодательство сегодня развивается в любом случае, в русле абсолютной защиты прав и свобод граждан, в том числе обратившихся за квалифицированной юридической помощью. Кроме того, некоторым адвокатам будет невыгодно страховать свою деятельность в связи с тем, что в России достаточно трудно найти страховую фирму с адекватными тарифами. Кроме того, статья 10 Кодекса профессиональной этики адвоката запрещает обещать клиенту положительный результат по любому делу².

По мнению самих адвокатов, доказать, что именно ошибка адвоката привела к принятию судебного акта не в пользу клиента, возможно только по решению суда. Более того, если

¹ Ситдикова А. Б. Страхование профессиональной ответственности в сфере оказания услуг // Юридический мир. – 2011. – № 11. – С. 40–44.

² Там же. С. 884.

страхование станет обязательным для всех адвокатов, оно должно коснуться также государственных защитников, которые оказывают бесплатную квалифицированную помощь, при этом получая весьма маленький доход. При введении обязательного страхования станет просто невыгодным оказывать такую помощь бесплатно, что приведет к нарушению конституционных прав граждан на бесплатную юридическую помощь в случаях, предусмотренных законом, на основании ч. 1 ст. 48 Конституции РФ¹.

Конечно, переход к обязательному страхованию ответственности займет очень длительный период, даже не столько по времени, необходимому для реализации норм права, сколько в связи с необходимостью подготовки минимума гарантий и условий для осуществления такого перехода.

Таким образом, в отношении страхования рассматриваемого нами вида деятельности существуют разные мнения. Те, кто ратует «за» перемены в этой сфере, приводят в пример позитивный опыт других стран и возможность получить денежную сумму за некачественно оказанные услуги. Те, кто «против», – апеллируют к аргументам о невозможности определения точной суммы ущерба и недостаточной правовой регламентации данной сферы.

Таким образом, данный институт противоречив, и, по нашему мнению, преждевременно говорить о его обязательном введении в России. Пока все доводы указывают на его несостоятельность. На наш взгляд, институт страхования профессиональной деятельности адвоката имеет право на существование в добровольном порядке, а не в обязательном.

Библиографический список

1. Мышланова А. Н. Страхование профессиональной ответственности // Экономика и социум. – 2016. – № 3 (22). – С. 883–891.
2. Новиков Р. В. Проблемы страхования денежных средств на счетах нотариусов и адвокатов // Юрист ВУЗа. – 2011. – № 12. – С. 27–31.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Попов В. С.* Профессиональная имущественная ответственность адвоката» как орудие разрушения адвокатуры: матер. VI междунар. науч.-практич. конф. Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. – Уфа: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2016. – С. 288–291.

4. *Ситдикова Л. Б.* Страхование профессиональной ответственности в сфере оказания услуг // Юридический мир. – 2011. – № 11. – С. 40–44.

5. *Тикиджи В. Н.* Заключение договора страхования ответственности адвоката и нотариуса // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 5. – С. 72–76.

6. *Тикиджи В. Н.* Страховой (имущественный) интерес и цели страхования в деятельности адвоката и частнопрактикующего нотариуса // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 6. – С. 145–149.

7. *Федорова М. Ю.* Особенности правового положения самозанятых граждан как субъектов обязательного социального страхования в решениях конституционного суда Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. – 2012. – № 1 (25). – С. 82–87.

Д. Е. Рубан

соискатель кафедры теории и истории
государства и права
юридического факультета
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национально-исследовательский университет»
donskoi.rostov@yandex.ru

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И РЕПРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ В ИНКВИЗИЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ)

THE INTERCONNECTION OF CRIMES AND REPRESSIVE PENAL SYSTEM IN INQUISITIONAL COURTS OF THE RUSSIAN EMPIRE (HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE)

Статья посвящена историографии проблематики влияния системы преступлений на развитие системы наказаний в инквизиционном суде Российской империи, в период, когда усилились репрессии за преступления против государства. Формированию репрессивной сущности отечественного досоветского права способствовали внутривнутриполитические, внешнеэкономические и социально-экономические факторы, что отражено в исследованиях. В работах классических авторов и в трудах современных юристов права рассмотрены вопросы об общественном строе, государственности и развитии законодательства. Отчасти прослеживается формирование репрессивной основы в праве Российской империи. Заложённая на заре имперской эпохи тенденция репрессивных санкций получила дальнейшее развитие в российском праве, в том числе в периодах, выходящих за рамки рассмотрения в данной статье.

Ключевые слова: феодализм; репрессии; Соборное Уложение; Уложение о наказаниях; Артикул Воинский; смертная казнь; каторга; ссылка; тюрьма; пытки; внесудебная расправа; произвол.

This article is dedicated to the study of the influence of crime system upon the development of system of penalties in inquisitional court of Russian Empire during the first half of the 19th century. At that time the number of repressions for the crimes against the state increased. Internal political, external economic and social-economic factors contributed to the formation of repressive nature of the domestic law, as can be observed in the legislature of the given time. As it was created during the rise of the imperial power, the trend of repressive sanctions was further developed in Russian law, including the periods not stated in this article.

Keywords: feudalism; repression; Council Code; Penal Code; Articles of War, death penalty; penal servitude; exile; prison; torture; extrajudicial execution, arbitrariness.

В историко-правовой тематике проблемы выделяется ряд важных направлений. Первое из них основано на историографии уголовного права как науки периодов Российской империи и с точки зрения советских ученых. В данной плоскости прослеживается мысль о взаимовлиянии концепций в изучении досоветского уголовного права на современную юридическую науку теории и истории государства и права, а также влияние позитивных достижений на современную юридическую историографию.

Другое тематическое направление говорит о влиянии историографии зарубежного права на современную науку истории государства и права, в том числе классической досоветской зарубежной историко-правовой науки на современную юридическую историографию. При этом и современная историко-правовая наука влияет на уголовно-правовую специализацию. Названный аспект более четко просматривается при обобщении достижений фундаментальных историко-правовых работ, их актуальности и применении на практике.

Исходя из методологических особенностей, можно проследить историографические ретроспективы по нескольким периодам. В досоветское время появляются первые работы по уголовно-правовой тематике с некоторой историко-сравнительной составляющей. Так, в 1830-х гг., когда историческая наука вышла за рамки формального, рационалистического объяснения исторического процесса и начала формироваться сравнительно-историческая методика исследования источников уголовного права (например, в трудах М. Т. Каченовского, Н. В. Калачева, М. П. Погодина, Н. И. Надеждина). В 1860–1917-е гг. формируется новая методика исследований (в советской литературе она называлась этапом буржуазной юридической). В это время рационализм и романтизм 1800–1850-х гг. постепенно вытесняется такими новыми философскими учениями, как гегельянство, позитивизм, неокантианство, (например, в работах А. С. Лаппо-Данилевского, И. Д. Беляева, М. Ф. Владимирского-Буданова, Н. С. Суворова). Более подробно названные периоды и персона-

лии ученых предложены в работах В. К. Цечоева¹, а также в диссертациях и публикациях В. А. Гринева и А. В. Малихова². Тем не менее историография уголовного и уголовно-процессуального права в отечественной юридической науке не предложена, тем более с учетом вопроса о взаимовлиянии репрессивной уголовной системы Российской империи и системы наказаний. Другими словами, в досоветское время данная проблематика в научных работах не выявлена.

Большой вклад в развитие решения этой проблемы внесли видные советские историки: С. Ф. Качекьян, С. В. Юшков, З. М. Юшков, З. М. Черниловский, Е. А. Скрипилев, С. С. Иванов, В. М. Курицын³. Методологические вопросы исследовали А. И. Королев, Г. Г. Гальперин, А. И. Косарев⁴. Источниковедческая база по памятникам уголовного права отражена в книгах классиков советской школы С. В. Юшкова⁵, Б. Д. Грекова⁶, А. А. Зимина, Л. В. Черепнина, а также в «Российском законодательстве X-XX вв.» под редакцией О. И. Чистякова⁷. Развитие русского права в первой половине XIX в⁸, отражено в «Истории государства и права России»⁹, учебном пособии Ю. К. Краснова¹⁰, работы историко-правового анализа¹¹, которая в настоящее время получает широ-

¹ Цечоев В. К. История суда России. – М.: Проспект, 2010. – С. 88–92.

² Гринева В. А. Формирование историко-правовой науки России. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2009. – С. 134–136; Малихов А. В. Историография советской и зарубежной русской историко-правовой науки (1917–1990-е гг.): автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар: КубГАУ, 2009. – С. 20.

³ Советская историко-правовая наука. Очерки становления и развития. – М.: Наука, 1978. – С. 76.

⁴ Косарев А. И. Специфика историко-правового исследования // Советское государство и право. – 1980. – № 10. – С. 48–50.

⁵ Юшков С. В. История государства и права России (IX–XIX вв.). – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – С. 67.

⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь. – М.: Наука, 1953. – С. 230.

⁷ Российское законодательство X–XX вв. В 11 т. Т. IX. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Наука, 1994. – С. 4–54.

⁸ Развитие русского права в первой половине XIX в. – М.: МГУ, 1994. – С. 14–34.

⁹ Рогов В. А. История государства и права России IX – начала XX вв. – М.: МГУ, 1993. – С. 88–89.

¹⁰ Краснов Ю. К. История государства и права России: учеб. пособие. – М.: Юрайт, 1997. – С. 120–126.

¹¹ Министерство юстиции России за 200 лет (1802–2002). Историко-правовой очерк. – М.: Риор, 2002. – С. 168–169.

кое признание¹, а также предлагает конспективное изложение обозначенных актуальных проблем.

Автор нескольких исследований историко-правовых проблем российского абсолютизма М. И. Сизиков в своих работах рассматривает уголовное законодательство² и анализирует не только актовый материал, но и специальную литературу³, в том числе по истории полиции в Российской империи⁴. В его книге «История полиции России (1718-1917 гг.): становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII в.» более подробно рассмотрены полицейские репрессии и произвол властей, конкретные решения судов по наиболее «громким» делам.

В одном из современных учебников «История государства и права России» (С. Г. Кара-Мурза, В. М. Курицын, С. А. Чибиряев) рассмотрена обозначенная тематика, исходя из цивилизационного подхода в историко-правовой эволюции России⁵. Не менее содержательным является исследование по процессуальному праву России XVII-XVIII вв. Интерес представляет книга «Развитие русского права в первой половине XIX в.»⁶ и другие современные исследования.

В трудах по отраслевому праву также представлены исторические эссе. Авторы этих книг акцентировали внимание на происхождении и развитии норм, институтов, отрасли уголовного права (М. А. Чельцов-Бебутов), криминалистики и других вопросах. Рассматриваемая нами тема отражена и в учебных пособиях, появившихся в столичных и региональных издательствах, например, учебное пособие Т. Е. Новицкой⁷, «История государства и

¹ *Исаев И. А.* История государства и права России. Полный курс лекций. – М.: Инфра, 2000. С. 230–240.

² *Сизиков М. И.* История государства и права России с конца XVII до начала XIX вв.: учеб. пособие. – М.: МГУ, 1998. – С. 157.

³ *Законодательство Петра I* / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. – М.: Юрид. лит., 1997. – С. 234–235.

⁴ *Сизиков М. И.* История полиции России (1718-1917 гг.): становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII в. – М.: МГУ, 1992. – С. 45–48.

⁵ *История государства и права России: учебник* / отв. ред. С. А. Чибиряев. – М.: Юрайт, 2000. – С. 356–358.

⁶ *Развитие русского права в первой половине XIX в.* – М.: МГУ, 1994. – С. 224–226.

⁷ *Новицкая Т. Е.* История отечественного государства и права. – М.: МГУ, 1992. – С. 178.

права России IX – начала XX в.в.» В. А. Рогова¹, учебное пособие Ю. К. Краснова², пособия В. К. Цечоева и других авторов. В этих книгах авторы не только обзорно рассматривают историю системы наказаний России с древности до конца XX в., но и предлагают подробную библиографию, способствующую самостоятельному изучению проблематики³. Этой теме посвящено и современное учебное пособие по истории отечественного государства и права⁴. Данная проблематика находит отражение и в диссертациях.⁵

В советской и современной историографии проблематика истории российской системы наказаний на примерах преследования общественных движений, примерах решений суда по делам о преступлениях против государя и государства пополняется различными работами. Однако решения судов по уголовным делам (грабеж, грабеж, мошенничество и т.д.), в том числе политическим, не подтверждаются документами, фактами. Глубоких исследований недостаточно, немало необъективных и непроверенных с научной точки зрения материалов. Тема истории репрессивной системы наказаний Российской империи на примере историографии тесно переплетается с актуальностью проблематики, отраженной в названии статьи.

Итак, обзор работ по историографии проблемы в истории государства и права показывает сложность формирования и развития тематики влияния репрессивной системы в Российской империи и в СССР, а также необходимость серьезного переосмысления названной проблематики в современной отечественной историко-правовой науке. Опыт историографического исследования свидетельствует о том, что проблематика взаимовлияния системы преступлений и наказаний объединяется в репрессивной сущности права, сложившейся до 1917 г. и отчасти предопределившей тенденции развития права в советский период истории. Следовательно, исследования по этой проблематике могут в ка-

¹ Рогов В. А. История государства и права России IX – начала XX вв. – М.: Проспект, 1993. – С. 86–88.

² Краснов Ю. К. История государства и права России: учеб. пособие. – М.: МГУ, 1997. – С. 134–136.

³ Цечоев В. К. История государства и права России с древнейших времен до 1861 г. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – С. 360–370.

⁴ Цечоев В. К., Власов В. И., Степанов О. В. История отечественного государства и права: учеб. пособие. – М.; Ростов н/Д, 2003. – С. 178–196.

⁵ Погожаева О. В. Монархия как форма правления в Российской империи (историко-правовой аспект): автореф. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2004. – С. 3–6.

кой-то степени восполнить пробел в отечественной историко-правовой науке.

Библиографический список

1. *Гальперин Г. Г., Королев А.И.* Методология и теория. Вопросы науки история государства и права СССР. – Л.: ЛГУ, 1974. – 266 с.
2. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. – М.: ВШ, 1953. – 548 с.
3. *Гринева В. А.* Формирование историко-правовой науки России. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2009. – 188 с.
4. Законодательство Петра I / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. – М.: Юрид. лит., 1997. – 880 с.
5. *Зимин А. А.* Правда Русская. – М.: Наука, 1999. – 468 с.
6. *Исаев И. А.* История государства и права России в вопросах и ответах: учебное пособие. – М.: Проспект, 1999. – 562 с.
7. История государства и права России: учебник / отв. ред. С. А. Чибиряев. – М.: Юрайт, 2000. – 486 с.
8. *Косарев А. И.* Специфика историко-правового исследования // Советское государство и право. – 1980. – № 10. – 160 с.
9. *Краснов Ю. К.* История государства и права России: учебное пособие. – М.: Март, 1997. – 368 с.
10. *Малихов А. В.* Историография советской и зарубежной русской историко-правовой науки (1917-1990-е гг.): автореф. канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – 28 с.
11. Министерство юстиции России за 200 лет (1802-2002). Историко-правовой очерк. – М.: Риор, 2002. – 434 с.
12. *Новицкая Т. Е.* История отечественного государства и права. – М.: МГУ, 1992. – 268 с.
13. *Погожаева О. В.* Монархия как форма правления в Российской империи (историко-правовой аспект): автореф. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2004. – 26 с.
14. Развитие русского права в первой половине XIX в. – М.: Наука, 1994. – 388 с.
15. *Рогов В. А.* История государства и права России IX – начала XX вв. – М.: МГУ, 1993. – 264 с.
16. Российское законодательство X-XX вв. В 11 т. Т. IX. / под ред. О. И. Чистякова. – М.: Наука, 1994. – 654 с.
17. *Сизиков М. И.* История государства и права России с конца XVII до начала XIX вв.: учебное пособие. – М.: МГУ, 1998. – 320 с.

18. *Сизиков М. И.* История полиции России (1718-1917 гг.): Становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII в. – М.: МГУ, 1992. – 112 с.

19. Советская историко-правовая наука. Очерки становления и развития. – М.: МГУ, 1978. – 286 с.

20. *Цечоев В. К.* История государства и права России с древнейших времен до 1861 г. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 456 с.

21. *Цечоев В. К.* История суда России: учебное пособие. – М.: Проспект, 2010. – 180 с.

22. *Цечоев В. К., Власов В. И., Степанов О. В.* История отечественного государства и права: учебное пособие. – М.; Ростов н/Д: Март, 2003. – 462 с.

23. *Черепнин Л. В.* Земские Соборы Русского государства XVI-XVII вв. – М.: ВШ, 1978. – 488 с.

24. *Юшков С. В.* История государства и права России (IX-XIX вв.). – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 556 с.

С. С. Саров

аспирант кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
sarov.ss@ya.ru

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБОГАЩЕНИЕ КАК СЛЕДСТВИЕ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

UNREASONABLE GAINS AS A RESULT OF THE MISCONDUCT BY THE AUTHORITIES IN CHARGE OF EXECUTION OF JUDGMENT

В данной научной статье рассматриваются нарушения гражданско-правовых отношений ввиду неосновательного обогащения. Проводится анализ кондикционных обязательств, возникающих вследствие неправомерных действий и бездействия должностных лиц Федеральной службы судебных приставов. Исследуются изучаемые учеными сравнения видов правовой защиты граждан, являющихся потерпевшими, случаи необоснованного приобретения прав на имущество обогатившейся стороной.

Ключевые слова: неосновательное обогащение; кондикция; кондикционный иск; виндикация; взыскание долгов; судебные приставы; суд; защита гражданских прав; гражданское правонарушение.

In this scientific article the violations of civil law relations in the field of unreasonable gains are studied. The analysis of unjust enrichment obligation arising from unlawful actions and inaction of officials of the Federal bailiff service is performed. Comparisons of types of legal protection of citizens, who became victims of the enriched party by having unjustly lost the property rights to the latter are made.

Keywords: unreasonable gains; clause; unjust enrichment claim; vindication; debt collection; bailiff; court; protection of civil rights; civil violation.

Органом, восстанавливающим нарушенные гражданские права и свободы граждан и юридических лиц, справедливость, является суд. Судьи рассматривают и разрешают гражданские дела в условиях, исключающих постороннее на них воздействие. Любое вмешательство в деятельность судей по осуществлению правосудия запрещается и влечет за собой установленную законом ответственность (ст. 8 Гражданского кодекса РФ).

Тем не менее принятие решения судом и вступление его в законную силу не исключает возможного прекращения нарушенных интересов сторон судебного разбирательства. Именно судебная система является показателем способности государства защищать права и интересы граждан и юридических лиц, применять закон и вершить правосудие¹. Соглашаясь с Е. А. Борисенко, также следует дополнить, что действенным можно назвать правосудие, которое предопределяет фактическое исполнение принятого судом решения.

Этими функциями обладают судебные приставы, чья работа заключается в приведении в исполнение решений судов, актов других органов и должностных лиц применением мер принудительного характера. Правовое регулирование деятельности Федеральной службы судебных приставов (ФССП) основано на Конституции Российской Федерации и состоит из Федерального закона от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Федеральный закон «Об исполнительном производстве»), Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» (далее – Федеральный закон «О судебных приставах») и иных федеральных законов, регулирующих условия и порядок принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц (ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). Задачами исполнительного производства являются правильное и своевременное исполнение

¹ Борисенко Е. А. Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Принудительное исполнение актов судов и других органов. Полномочия должностных лиц при осуществлении исполнительных действий» (6-8 июля 2010 года, г. Санкт-Петербург, Россия). – М.: Статут, 2013. – С. 16.

судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также в целях обеспечения исполнения обязательств по международным договорам Российской Федерации (ст. 2 Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

Согласно пунктам 1 и 4 ст. 4 ФЗ «Об исполнительном производстве» исполнительное производство осуществляется на принципах законности и неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи. В процессе выполнения исполнительных документов должностное лицо службы судебных приставов совершает предусмотренные законом исполнительские действия и применяет меры принудительного характера.

Одной из мер, применяемых судебным приставом-исполнителем, является обращение взыскания на периодические выплаты, получаемые должником в силу трудовых, гражданско-правовых или социальных правоотношений (п. 2 ч. 3 ст. 68 ФЗ «Об исполнительном производстве»). Особенности данной меры регулируются в главе 11 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

В последние годы с учетом развития электронных технологий главной целью ФССП в процессе осуществления должностных полномочий, в особенности структурными подразделениями, является переход на электронный документооборот между государственными ведомствами, кредитными и иными организациями. В настоящее время данная практика оказала существенное влияние на работоспособность ФССП.

В работе такого рода помимо положительных сторон существуют и отрицательные моменты. Одной из наиболее распространенных проблем в деятельности должностных лиц ФССП является применение мер принудительного характера в виде наложения судебными приставами-исполнителями ареста на денежные средства должников, находящихся в банках или иных кредитных организациях, и их списании с лицевого счета. Суть проблемы состоит в следующем.

После возбуждения исполнительного производства судебный пристав-исполнитель, а также без его ведома автоматизированная система базы данных исполнительных производств направляют электронные запросы для установления принадлежащих

должнику на праве собственности имущества, денежных и иных счетов, места работы и т.п. Таким образом, из кредитных организаций приходят электронные ответы о наличии либо отсутствии счета (счетов) и денежных средств на них, и, соответственно, находящиеся средства списываются. Далее наступает процесс разбирательства, так как денежные средства могли оказаться доходами, на которые, согласно законодательству, не могло быть обращено взыскание. Сведений об этом в ответах на запросы судебные приставы не получают.

Допустим, взысканные средства оказываются доходом, выплачиваемым в возмещение вреда, причиненного здоровью. Такое неправомерное действие подлежит наказанию и возврату списанных средств. Нельзя учитывать и тот факт, что должник, получающий эти доходы, может находиться в беспомощном состоянии либо в силу своей неграмотности неспособен предотвратить беззаконие. Средства после списания перечисляются взыскателю в счет погашения долга платежным поручением должностного лица ФССП. В подобных случаях, на наш взгляд, допускается явное нарушение принципов исполнительного производства, так как не соблюдены нормы законности и неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина.

Следует учитывать, что получение взыскателем таким образом денежных средств либо после принятия судом решения о признании взыскания средств незаконным, несет за собой обязательственную правовую ответственность в виде неосновательного обогащения. Поскольку денежные средства были перечислены взыскателю в счет погашения долга, то последний, несмотря ни на что, не вернет их.

Неосновательное обогащение, будучи закрепленным в гл. 60 ГК РФ, имеет неоднозначное понимание в своем значении. Возникновение такого обязательства восходит ко времени развития римского права. Многие ученые-цивилисты рассматривают неосновательное обогащение как обязательный возврат обогащенным лицом недолжно полученного имущества от потерпевшей стороны.

В случае с судебными приставами, полагаем, имеет место для удовлетворения кондикционный иск, предъявленный должником к ФССП, так как закон предусматривает предъявление иска лицу, нарушившему правовые нормы либо причинившему ущерб. Впоследствии на основании принятого об удовлетворении

решения суда нарушившие закон должностные лица ФССП могут потребовать от взыскателя возмещения денежных средств, размер которых признан судом недожно полученным, путем нарушения правовых норм ст. 1102 ГК РФ, предусматривающего обязанность возратить неосновательное обогащение.

Применение кондикции (*condictio sine causa*) основывается на принципах естественной справедливости. Таким образом, разумным является недопущение обогащения одного лица в ущерб другому. Исследуя такой правовой аспект, А. Н. Романов обуславливает это тем, что в римском праве считалось, что всякое неоснованное владение какой-либо вещью приводит к возникновению квазиконтракта между собственником вещи и ее владельцем. На основании этого квазиконтракта владелец обязан либо возратить собственнику эту вещь, либо предоставить то же количество таких вещей¹.

Полагаем, что с такой однозначной позицией нельзя согласиться. Понятие квазиконтракт – это признание несуществующего договора существующим в том случае, когда возникшие обязательства между сторонами гражданско-правовых отношений по своему характеру и содержанию сходны с обязательствами, возникшими из контрактов, которые, согласно закону, должны были быть заключены. В римском праве квазиконтракт раскрывается несколько иначе, где последний – это действие, не относящееся к договору, но порождающее последствия, сходные с договорными. В обоих случаях – договор, хотя и не заключенный. Таким образом, высказанная мысль А. Н. Романова исчерпывает ясность защиты гражданских прав при неосновательном обогащении, возникших в совершенно иных обстоятельствах.

По словам Д. Д. Гримма, возникновение, рост, уменьшение и прекращение обогащения определяются своеобразными законами и не поддаются произвольной юридической регламентации. В зависимости от того, какие обстоятельства ему сопутствовали, это экономическое явление может приобретать различное правовое значение².

¹ Романов А. Н. Неосновательное обогащение работодателя в России. Способы обогащения. Ответственность XXI век: монография / отв. ред. Г. В. Хныкин. 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта, 2011. – С. 14.

² Гримм Д. Д. Очерки по учению об обогащении. Вып. 1. – Дерп.: Тип. Шнакенбурга, 1891. – С. 4.

Исследуя случай, который складывается в правоотношениях с государственной властью, а именно с судебными приставами, также имеет место виндикационный иск. На разных этапах развития отечественной и зарубежной цивилистической науки вопросы защиты права собственности посредством виндикации всегда вызывали дискуссии среди ученых-правоведов¹. Виндикация – это иск невладеющего собственника к владеющему несовладельцу. Ввиду этого становится очевидным тот факт, что денежные средства, полученные посредством взыскания должностными лицами ФССП у должника, взыскателем, находятся во владении последнего, так как были взысканы неправомерно. Учитывая практику деятельности в связи с образованием таких правоотношений и поведение взыскателей, полагаем, что предъявление виндикационного иска теряет основания.

По мнению сторонников «виндикационной теории» Савиньи, заключается принцип для применения кондикции: обязательственный кондикционный иск дается только тогда, когда в силу утраты права собственности невозможно предъявить иск вещный, виндикационный. Применительно к нормам гл. 60 это означает, что фактическое владение чужой вещью без приобретения права собственности на нее само по себе не может рассматриваться в качестве обогащения владеющего лица².

Уже в условиях действия ГК 1964 г. О. С. Иоффе также подчеркивал, что в чем бы неосновательные имущественные выгоды ни заключались, они подлежат возврату целиком, и отмечал, что в этом смысле кондикционные обязательства «в такой же степени подчиняются принципу полного возмещения, как и деликтные обязательства или иски об убытках, вытекающие из договоров»³. Соглашаясь с О. С. Иоффе, полагаем, что необходимо закрепить на законодательном уровне возможность, регулирующую восстановление нарушенных прав в сфере неосновательного обогащения в случае применяемой ежедневной практики должност-

¹ См.: Камышанский В. П. Приватизация как способ распоряжения государственным и муниципальным имуществом // Закон. – 2005. – № 11. – С. 25–30; Камышанский В. П. Некоторые проблемы приватизации земельных участков особо охраняемых природных территорий // Хозяйство и право. – 2008. – № 10. – С. 63–68.

² Гурвич М. А. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. – 1925. – № 2 (14). – С. 92.

³ Иоффе О. С. Обязательственное право. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 860.

ными лицами органа, уполномоченного на осуществление функций по принудительному исполнению исполнительных документов. Считаем, что законотворчество правовых норм в области неосновательного обогащения и деятельности исполнительного производства не должны иметь недостающих оснований для защиты, дабы не противоречить общим принципам гражданского права и нормам морали.

Библиографический список

1. *Борисенко Е. А.* Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Принудительное исполнение актов судов и других органов. Полномочия должностных лиц при осуществлении исполнительных действий» (6-8 июля 2010 года, г. Санкт-Петербург, Россия). – М.: Статут, 2013. – 368 с.
2. *Гримм Д. Д.* Очерки по учению об обогащении. Вып. 1. – Дерп.: Тип. Шнакенбурга, 1891. – 107 с.
3. *Гурвич М. А.* Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. – 1925. – № 2 (14). – С. 88–111.
4. *Иоффе О. С.* Обязательственное право. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.
5. *Камышанский В. П.* Некоторые проблемы приватизации земельных участков особо охраняемых природных территорий // Хозяйство и право. – 2008. – № 10. – С. 63–68.
6. *Камышанский В. П.* Приватизация как способ распоряжения государственным и муниципальным имуществом // Закон. – 2005. – № 11. – С. 25–30.
7. *Романов А.Н.* Неосновательное обогащение работодателя в России. Способы обогащения. Ответственность XXI век: монография / отв. ред. Г. В. Хныкин. 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта, 2011. – 186 с.

О. В. Татарина

аспирант 3 года обучения кафедры гражданского
права и процесса Юридического института БФУ им И.Канта
tatarinova.olga@bk.ru

**ИНСТИТУТ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ БАЛАНСА
ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА
(АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ)**

**INSTITUTION OF REGULATORY IMPACT ASSESSMENT AS A WAY
OF IMPLEMENTING THE BALANCE OF PRIVATE AND PUBLIC IN-
TEREST (REGULATORY ENFORCEMENT ANALYSIS)**

Статья посвящена институту оценки регулирующего воздействия, встроенному в процесс принятия регуляторных решений, который является инструментом для организации действенного диалога между властью и бизнесом. Сегодня ни одно значимое решение, касающееся бизнеса, не может быть принято властью в одностороннем порядке. Процедура оценки регулирующего воздействия, как действенный инструмент обеспечения баланса частных и публичных интересов, находится на стыке административного и предпринимательского права, являясь важной частью последнего. В статье рассматриваются вопросы соблюдения баланса частного и публичного интереса в предпринимательском праве. Проводится анализ первых судебных решений об оспаривании нормативных правовых актов с использованием заключений об оценке регулирующего воздействия.

Ключевые слова: гражданский процесс; арбитражный процесс; судебные решения; оценка регулирующего воздействия; ОРВ; частное право; публичное право; нормативные правовые акты; «умное регулирование»; предпринимательское право; частный интерес; публичный интерес.

The Institute of Regulatory Impact Assessment, which is a part of the regulatory decision-making process, is a tool for organizing an effective dialogue between government and businesses. Today, no significant decision regarding business can be made unilaterally by the authorities. The Institute of Regulatory Impact Assessment is an effective tool to ensure the balance of private and public interests and at the junction of administrative and business law - an important part of the business law. The article studies the issues of observing the balance of private and public interest in business law. The article analyzes the first court decisions on challenging normative legal acts with the use of conclusions on the regulatory impact assessment.

Keywords: civil process; arbitration process; court decisions; Regulatory Impact Assessment; Regulatory Impact Assessment; private law; public law; legal act; “smart regulation”; business law; private interest; public interest.

Разделение права на частное и публичное восходит к римскому праву. Это разграничение связывают с именем Домиция Ульпиана, сформулировавшего тезис о том, что «...публичное право относится к положению римского государства, частное – к пользе отдельных лиц»¹. Таким образом, дуализм системы права связан с выяснением границы взаимных отношений личного и государственного интересов. Вместе с тем личный интерес не может находиться в стороне от интересов государства и общества в целом. В то же время и государство, как носитель власти, имеет ряд закрепленных обязанностей перед личностью.

Принцип свободы экономической деятельности гарантирован ч. 1 ст. 8 Конституции РФ². Но допускается возможность ограничения перемещения товаров и услуг. Стоит согласиться с мнением Е. П. Губина, полагающего, что «...основное предназначение государства состоит не в том, чтобы все запретить, ограничить и отрегулировать. ... Прежде всего государство должно обеспечить свободу экономической деятельности независимых субъектов рыночной экономики, установить права и обязанности участников рынка. ... Влияние же на бизнес государство может оказывать лишь постольку, поскольку его действия направлены на установление баланса интересов отдельных субъектов и групп экономических отношений»³.

Появление комплексных отраслей, включающих нормы нескольких отраслей права – это не что иное, как показатель необходимости достижения баланса частных и публичных начал. Предпринимательское право сформировалось именно на границе регулирования частных и публичных правоотношений. Однако выделение предпринимательского права в самостоятельную отрасль, по мнению некоторых ученых, является преждевремен-

¹ Римское частное право: учебник для вузов / под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2000. – С. 5.

² Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

³ Губин Е. П. Правовое обеспечение свободы экономической деятельности // Предпринимательское право – 2015, – № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

ным. Против, например, выступает Е. А. Суханов, полагая, что «единое качество правового регулирования»¹ оправдывает «неограниченное вмешательство государства в сферу экономики»².

Тем не менее многие исследователи находят место предпринимательскому праву в современной правовой системе. О. М. Олейник считает, что «предпринимательское (хозяйственное) право – это система правовых норм и институтов, регулирующих на основе сочетания публичных и частных интересов общественные отношения, возникающие в процессе осуществления предпринимательской деятельности, в том числе отношения по государственному регулированию экономики в целях обеспечения интересов государства и общества»³. По мнению В. В. Лаптева, «значительное место в предпринимательском праве занимают публично-правовые моменты, составляющие вместе с частноправовыми единую сферу правового регулирования»⁴, то есть один из принципов предпринимательского права – это баланс между государственным регулированием и свободой предпринимательской деятельности.

Обратимся к возможности применения заключений об оценке регулирующего воздействия (далее – ОРВ), как доступного инструмента практической реализации баланса публичного и частного при осуществлении защиты экономических интересов субъектов инвестиционной деятельности при рассмотрении дел об оспаривании нормативных правовых актов.

Несмотря на то, что в доктрине российского права официально прецедент как источник права не признается, судебная практика – это существенная часть огромного механизма правового регулирования, суть которого в цикличности: правотворчество – правоприменение – правотворчество, направленное на устранение выявленных в ходе правоприменения пробелов.

¹ Суханов Е. А. Вступительная статья // Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). – М.: Спарк, 1994. – С. 6.

² Савина В. О соотношении норм предпринимательского права и права интеллектуальной собственности ИС // Авторское право и смежные права. – 2016. – № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

³ Предпринимательское (хозяйственное) право. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. О. М. Олейник. – М.: Юристъ, 2000. – С. 16.

⁴ Лаптев В. В. Предпринимательское право: понятие и субъекты. – М.: Юристъ, 1997. – С. 21.

В процессе анализа 44 судебных актов¹ сделаны следующие выводы:

1. Факт проведения процедуры оценки регулирующего воздействия является второстепенным или вспомогательным в процессе оспаривания нормативного правового акта.

2. Суды общей юрисдикции на данном этапе развития института ОРВ, как правило, ошибочно трактуют нормы о необходимости проведения ОРВ.

3. Субъекты предпринимательской и инвестиционной деятельности редко используют процедуру ОРВ в обосновании своей позиции или используют неверно, трактуя ОРВ как обязательную процедуру в отношении каждого принимаемого нормативного правового акта, что свидетельствует о низкой информированности об ОРВ, и, как следствие, связано с отсутствием навыков оценки выгод и издержек для своей отрасли.

Стоит отметить, что использование заключений об ОРВ при рассмотрении дел об оспаривании нормативных правовых актов растет с каждым годом, и если в 2016 году их число составило около 19, то в 2014 году – только 4. Если еще пять лет назад упоминание об ОРВ являлось скорее декларативным, то есть рассматривался факт наличия заключения об ОРВ, то с течением времени появляются решения, закладывающие фундамент развития судебной практики.

Одним из первых судебных споров, где заключение об ОРВ было приведено представителем заинтересованного лица в качестве дополнительного доказательства, обосновывающего несостоятельность требований заявителей, связано с решением Вологодского областного суда от 8 октября 2013 г. по делу № 3-23/2013² о признании недействительным приложения 21 к постановлению Правительства Вологодской области от 17 декабря 2012 г. № 1499 «Об установлении порядка определения размера арендной платы, порядка, условий и сроков внесения арендной платы за использование земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена на территории Вологодской области, а

¹ 11 определений Верховного Суда Российской Федерации, 8 решений Верховного Суда Российской Федерации, 4 решения Арбитражного суда, 22 решения судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

² Решение Вологодского областного суда от 08.10.2013 по делу № 3-23/2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

также за использование земельных участков, находящихся в собственности Вологодской области, на 2013 год».

Обосновывая свои требования, заявители указали, что оспариваемое положение НПА устанавливает процентные ставки арендной платы без проведения анализа и оценки экономических факторов, то есть практически прямо заявили о том, что принятые ставки наносят ущерб экономическим интересам субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности. Представитель заинтересованного лица рассматриваемое обоснование не признала на том основании, что при подготовке оспариваемого нормативного правового акта уполномоченным органом была проведена оценка регулирующего воздействия, по результатам которой в акте не выявлены положения, способствующие возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности.

Ошибочность использования довода о непроведении процедуры ОРВ при оспаривании нормативных правовых актов иллюстрирует решение Псковского областного суда от 28 мая 2015 г. о признании недействующим полностью Закона Псковской области от 26 декабря 2014 г. № 1469-ОЗ «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Псковской области и органами государственной власти Псковской области»¹ (далее Закон Псковской области) и определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2015 г. № 91-АПГ15-9² об оставлении без изменения решения Псковского областного суда от 28 мая 2015 года, которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим Закона Псковской области.

В качестве основания для признания Закона Псковской области недействующим заявители ссылались на поспешность и необоснованность его принятия, а также не проведение оценки регулирующего воздействия на стадии законопроекта. Однако в данном случае довод заявителей правомерно признан судами несостоятельным, так как оценка регулирующего воздействия проводится только в отношении актов, затрагивающих инвести-

¹ Решение Псковского областного суда от 28.05.2015 по делу № 3-21/2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

² Определение Верховного Суда РФ от 23.09.2015 № 91-АПГ15-9 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

ционную или предпринимательскую деятельность, а рассматриваемый Закон Псковской области не регулирует подобные вопросы. Неверное его использование заявителями подтверждает низкую информированность о доступном для субъектов предпринимательской деятельности инструменте влияния на принимаемые государством акты на этапе их рассмотрения.

Следует обратить внимание и на апелляционное определение от 29 июля 2015 года по делу № 33-7010/2015¹ Алтайского краевого суда о признании решения районного Совета депутатов Немецкого национального района Алтайского края от 28 ноября 2014 г. № 202 «Об утверждении коэффициента целевого использования при сдаче в аренду земель сельскохозяйственного назначения на территории Немецкого национального района Алтайского края», которым было отменено решение суда первой инстанции и удовлетворено требование о признании недействующим в части пунктов 1 и 2 указанного решения районного Совета депутатов.

Истец обратился с заявлением о признании недействующим решения районного Совета депутатов Немецкого национального района Алтайского края в части установления коэффициента целевого использования при сдаче в аренду земель сельскохозяйственного назначения. В материалах дела нашел отражение тот факт, что оценка регулирующего воздействия до принятия проекта оспариваемого нормативного правового акта не была проведена. Однако, как видно из материалов дела, данное обстоятельство не стало предметом рассмотрения судебной инстанции в связи с тем, что на период принятия оспариваемого НПА у муниципальных образований обязанности проведения процедуры ОРВ в отношении принимаемых муниципальных нормативных правовых актов не было.

Между тем проведение оценки регулирующего воздействия позволило бы надлежащим образом изучить экономические, природные и иные факторы, влияющие на уровень доходности земельного участка, и либо обоснованно поддержать увеличение коэффициента, либо, рассчитав объемы возможных расходов субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности на

¹ Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 29.07.2015 по делу № 33-7010/2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

этапе разработки проекта нормативного правового акта, пересмотреть коэффициент и не допустить излишних расходов.

В отношении вопросов развития института ОРВ на региональном уровне интересным, на наш взгляд, является апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.2017 № 78-АПГ16-34 об отмене решения Санкт-Петербургского городского суда от 05 октября 2016 г. и о признании недействующим пункта 25 Перечня мест, запрещенных для стоянки и остановки самоходных транспортных судов на водных путях Санкт-Петербурга, утвержденного постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 23 апреля 2010 г. № 435¹ (далее – постановление Правительства Санкт-Петербурга). Суд первой инстанции ошибочно счел рассматриваемое постановление Правительства Санкт-Петербурга не регулирующим отношения в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности², а, следовательно, не принял во внимание доводы административных истцов о том, что при принятии рассматриваемого постановления не были соблюдены требования о проведении оценки регулирующего воздействия.

Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что поводом для включения спорного участка реки Мойки в перечень мест, запрещенных для стоянки, утвержденный постановлением Правительства Санкт-Петербурга, послужила информация об организации на данном месте городского причала, то есть предполагалось изъятие участка у одних хозяйствующих субъектов с целью передачи другим. Таким образом, спорный участок не изымался из хозяйственного оборота в принципе, а, следовательно, нормативный правовой акт, устанавливающий передачу, должен был пройти процедуру оценки регулирующего воздействия, как ограничивающий права субъектов предпринимательской деятельности.

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что правительство Санкт-Петербурга приняло рассматриваемую норму в том числе без учета экономических интересов города, то есть без проведения процедуры оценки ре-

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 22.03.2017 № 78-АПГ16-34 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

² Решение Санкт-Петербургского городского суда от 05.10.2016 по делу № За-93/16 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

регулирующего воздействия, а решение суда первой инстанции признал незаконным и необоснованным, следовательно, подлежащим отмене.

В настоящий момент во всех субъектах Российской Федерации приняты законодательные акты, устанавливающие обязанность муниципальных образований принять на своем уровне акты, устанавливающие порядок проведения органами местного самоуправления оценки регулирующего воздействия в отношении проектов муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих интересы субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности.

Представляет интерес апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2016 г. № 14-АПГ16-8¹ об отмене решения Воронежского областного суда от 10 февраля 2016 года и признании недействующими пункта 4.7 и подпункта «л» пункта 6.1 Положения о порядке размещения нестационарных торговых объектов на территории городского округа город Воронеж (далее – Положение), утвержденного решением Воронежской городской Думы от 25 апреля 2012 г. № 790-III². Истец обратилась в суд первой инстанции с заявлением о признании противоречащим нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, и недействующими п. 4.7, подпункт «л» п. 6.1 Положения, в части введения запрета на передачу нестационарного торгового объекта третьим лицам на условиях аренды или безвозмездного пользования для осуществления торговой или иной предпринимательской деятельности без переоформления разрешительных документов на установку, а также в части установления в качестве основания для одностороннего отказа от исполнения договора на размещение нестационарного торгового объекта, его передачу третьим лицам на условиях аренды или безвозмездного пользования для осуществления торговой или иной предпринимательской деятельности без переоформления разрешительных документов на установку, процедура принятия которого была существенно нарушена, в том числе ввиду несоблюдения требований о проведении процедуры ОРВ.

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2016 г. № 14-АПГ16-8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

² Официально решение Воронежской городской Думы от 25 апр. 2012 года № 790-III // Воронежский курьер. – 2012. – 12 мая.

Суд первой инстанции, изучив доводы истца, пришел к выводу, что нормативный правовой акт в оспариваемой части не направлен на ухудшение положения субъектов отношений в области предпринимательской и инвестиционной деятельности, не создает угрозы нарушения их прав в дальнейшем, не содержит положений, вводящих избыточные обязанности, запреты, ограничения, и не способствует возникновению необоснованных расходов. При этом суд первой инстанции не усмотрел нарушения в части порядка проведения оценки регулирующего воздействия, аргументируя тем, что уполномоченным органом определена администрация городского округа город Воронеж в лице соответствующих структурных подразделений, являющаяся в данном случае инициатором оспариваемых изменений¹, а, значит, процедуру ОРВ проводить в отношении таких актов не обязательно.

Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что решение Воронежского областного суда является незаконным. Непроведение оценки регулирующего воздействия проекта в совокупности с установленным фактом принятия органами местного самоуправления рассматриваемой нормы с нарушением полномочий позволило Верховному Суду Российской Федерации отменить решение суда первой инстанции и признать оспариваемую норму недействующей.

Бесспорно, основой экономического развития государства является бизнес, который создает рабочие места, разрабатывает и внедряет новые технологии, способствует прогрессу, наконец, платит налоги. Принцип баланса публичного и частного интереса в предпринимательском праве соединяет в себе горизонтальные отношения между субъектами предпринимательской деятельности и вертикальные – между предпринимателями и государственными органами. Вместе с тем главный метод правового регулирования, отражающий характер административной отрасли права – метод властных предписаний, закладывающий отношения власти-подчинения², при разработке государственными органами нормативных правовых актов балансируется с помощью института оценки регулирующего воздействия. Сегодня

¹ Решение Воронежского областного суда от 10.02.2016 по делу № За-8/2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

² Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник. 5-е изд. – М.: НОРМА ИНФРА, 2017. – С. 51–52.

у предпринимателей есть возможность обоснованно высказать свое мнение в отношении предлагаемого регулирования, а у государственных органов – обязанность это мнение учесть. То есть, уже сейчас процедура оценки регулирующего воздействия является действенным инструментом обеспечения баланса частных и публичных интересов и находится на стыке административного и предпринимательского права, являясь важной частью последнего.

Библиографический список

1. *Губин Е. П.* Правовое обеспечение свободы экономической деятельности // Предпринимательское право – 2015. – № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).
2. *Лаптев В. В.* Предпринимательское право: понятие и субъекты. – М.: Юристъ, 1997. – 141 с.
3. Предпринимательское (хозяйственное) право. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. О. М. Олейник. – М.: Юристъ, 2000. – 368 с.
4. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2000. – 246 с.
5. *Россинский Б. В., Стариков Ю. Н.* Административное право: учебник. – 5-е издание. – М.: НОРМА ИНФРА, 2017. – 576 с.
6. *Савина В.* О соотношении норм предпринимательского права и права интеллектуальной собственности ИС // Авторское право и смежные права. – 2016. – № 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).
7. *Суханов Е. А.* Вступительная статья // Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). – М.: Спарк, 1994. – 335 с.

А. Р. Чиришьян

аспирант по кафедре гражданского права
ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ
tarkhanlu@yandex.ru

**ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**ENERGY CONSERVATION BY RENEWABLE ENERGY RE-
SOURCES: ISSUES AND PROSPECTS**

В статье рассматриваются проблемы правового обеспечения развития зеленой энергетики с использованием возобновляемых источников энергии. Обосновывается актуальность использования возобновляемых источников энергии, необходимость модернизации существующей нормативно-правовой базы, регулирующей отношения энергоснабжения и энергосбережения. Предлагается в субъектах Российской Федерации принять специальные законы, регулирующие отношения в сфере производства и энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии. Активное развитие и внедрение в российскую энергетику генерирующих установок, работающих на возобновляемых источниках энергии, позволят снизить потребность в строительстве новых линий электропередач. Это позволит направлять дополнительные средства на капитальный ремонт и восстановление уже существующих, значительная часть которых находится в критическом состоянии, сократить выбросы углекислого газа в атмосферу.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии; энергетическая безопасность; энергоресурсы; энергосбережение; энергоснабжение;

источники гражданского права; экологическая безопасность; энергоэффективность; энергетическое право.

The article deals with the problems of legal support for the development of green power using renewable energy resources. The relevance of the use of renewable energy sources, the need to modernize the existing regulatory and legal frame work governing the relations of energy supply and energy conservation are justified. It is proposed to adopt special laws regulating relations in the sphere of production and energy supply using renewable energy resources in the constituent entities of the Russian Federation. Active development and introduction into the Russian energy of generating units operating on renewable energy resources will allow us to reduce the need for the construction of new power transmission lines. This will allow additional funds to be spent for overhaul and restoration of existing ones, a significant part of which are in critical condition, and reduce emissions of carbon dioxide into the atmosphere.

Keywords: renewable energy resources; energy security; energy resources; power saving; power supply; sources of civil law; environmental Safety; energy efficiency; energy law.

В настоящее время становится все более очевидным, что, продолжая обеспечивать растущие потребности граждан и юридических лиц в тепловой и электрической энергии за счет сжигания углеводородного сырья, мы наносим непоправимый вред экологии планеты. Нефть, газ, уголь, дрова, используемые для производства тепловой и электрической энергии, влекут за собой выбросы парниковых газов в атмосферу и загрязнение окружающей среды. Именно поэтому сейчас так остро стоят вопросы обеспечения экологической безопасности, в том числе и посредством энергосбережения с помощью использования возобновляемых источников энергии.

Необходимость развития зеленой энергетики посредством более активного использования возобновляемых источников энергии в качестве генерирующих источников обусловлена совокупностью следующих основных факторов: обеспечение экологической безопасности и сохранение окружающей среды для будущих поколений; обеспечение энергетической безопасности; сохранение запасов невозобновляемых углеводородных источников энергии; развитие новых более дешевых технологий выработки электроэнергии с использованием ВИЭ и устойчивый рост цен на невозобновляемое углеводородное сырье; расширение спектра применения углеводородного сырья в неэнергетическом секторе.

В Российской Федерации нарастает понимание необходимости пересмотра энергетической политики в сторону расширения применения ВИЭ. Разработан целый ряд документов, в том числе доктринального и нормативного характера, в которых подчеркивается важность и актуальность этого направления развития экономики. Однако следует признать, что этого уже недостаточно. От слов и деклараций уже пора переходить к делу. Необходим механизм реализации продекларированных намерений активного развития ВИЭ в российской энергетике. С этой целью дальнейшее развитие энергетического законодательства должно содержать вполне определенные меры экономического стимулирования, финансовой поддержки, в том числе и за счет бюджетных средств, выделяемых на охрану экологии, сокращение числа административных преград на пути развития малой энергетики с использованием ВИЭ. Самый короткий путь для этого лежит через активное использование передового опыта законодателей стран Западной Европы, Азии и США, которые уже прошли значительный участок этого пути и успели накопить определенный позитивный опыт, заслуживающий внимания России. Возобновляемыми источниками энергии можно назвать постоянно существующие в природе процессы (имеется ввиду их неистощаемость, способность восстанавливаться). Они используются для преобразования в электрическую или тепловую энергию.

Наиболее полное определение возобновляемых источников энергии включает в себя: энергию солнца; энергию ветра; энергию воды (в том числе энергию сточных вод), за исключением случаев использования такой энергии на гидроаккумулирующих электроэнергетических станциях; энергию приливов; энергию волн водных объектов, в том числе водоемов, рек, морей, океанов; геотермальную энергию с использованием природных подземных теплоносителей; низкопотенциальную тепловую энергию земли, воздуха, воды с использованием специальных теплоносителей; биомассу, включающую в себя специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья, а также отходы производства и потребления, за исключением отходов, полученных в процессе использования углеводородного сырья и топлива; биогаз, газ, выделяемый отходами производства и по-

требления на свалках таких отходов, газ, образующийся на угольных разработках¹.

До настоящего времени в развитии энергетики приоритетными были те направления, которые были наиболее рентабельны, приносили максимальную прибыль при наименьших затратах. При этом все остальные последствия извлечения и потребления углеводородных ресурсов за малым исключением особо не брались в учет. Колоссальные запасы разведанных месторождений нефти и газа не позволяли долгое время обращать внимание на возобновляемые источники энергии как на какую-то альтернативу. Было принято считать, что их время придет в далеком будущем и будет связано с существенным сокращением углеводородных источников энергии. Вопрос экологии, экологической безопасности, сохранения окружающей природной среды для будущих поколений на государственном уровне если и рассматривался, то носил в значительной степени риторический характер.

Однако мир изменился: проблемы экологической безопасности приобрели международный характер. Государства с развитой рыночной экономикой стали понимать, что мир взаимосвязан, и рост негативных антропогенных воздействий на окружающую среду ведет к существенному ухудшению среды обитания человечества. Задача поддержания окружающей среды в нормальном состоянии и обеспечения ее самосохранения превращается в одну из наиболее приоритетных в обеспечении жизнедеятельности в первую очередь государств с развитым сектором реальной экономики и высокого уровня проживания. Социальные и экологические требования к сфере производства и потребления становятся приоритетными по отношению к традиционным экономическим оценкам результатов производственной деятельности через традиционные показатели получения чистой прибыли, доходов, валового внутреннего продукта и рентабельности. На повестку дня выдвигается в качестве одной из приоритетных задач проблема энергосбережения, снижения потребления энергии на единицу произведенной продукции, уменьшения вредных выбросов в атмосферу тепловыми и электрическими станциями, работающими на нефти и угле.

Следует отметить, что для этого есть все основания. По оценкам некоторых специалистов, общий потенциал всех возоб-

¹См.: Ст. 3 Федерального закона «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

новляемых источников энергии в мире в настоящее время оценивается в 20 млрд тонн условного топлива, что в два раза превышает объем годовой добычи всех видов ископаемого топлива. Из них на Россию приходится 270 млн тонн условного топлива. Одновременно с этим из года в год добыча угля, нефти и газа становится все более затратной и труднодоступной, растет себестоимость углеводородного сырья. Нефтяники уходят все дальше на север и в море, а шахтеры вглубь земной поверхности. Эти обстоятельства со всей очевидностью показывают вектор направления дальнейшего развития энергетики в ближайшие десятилетия¹.

В Российской Федерации необходимость расширения использования возобновляемых источников энергии в сфере энергетики более чем очевидна, даже с экономической точки зрения, опуская при этом проблемы обеспечения экологической безопасности. Примерно на 70 процентах территории России, где в настоящее время проживают около 20 млн человек, объекты жизнедеятельности не подключены к системе централизованного энергоснабжения, поскольку это либо технически невозможно, либо крайне невыгодно экономически. Эти обстоятельства приводят к необходимости дорогостоящего завоза. Приходится завозить в эти регионы с большими трудностями и дополнительными расходами на транспортировку топлива. Развитие нетрадиционной энергетики позволило бы решить проблему энергообеспечения отдаленных труднодоступных регионов, снизить экологическую нагрузку.

Активное развитие и внедрение в энергетику генерирующих установок, работающих на возобновляемых источниках энергии, будут способствовать снижению объемов строительства новых линий электропередач. Это позволит направлять дополнительные средства на капитальный ремонт и восстановление уже существующих, значительная часть которых находятся в критическом состоянии, сократить выбросы в атмосферу углекислого газа и других вредных продуктов сгорания. К сожалению, следует признать, что в российской энергетике это направление развивается крайне медленно. По состоянию на 2002 г. общий вклад возобновляемых источников энергии в энергобаланс России составлял

¹ Возобновляемые источники энергии [Электронный ресурс]. URL: <http://verdit.ru/finansing/4217-renewable-energy.html> (дата обращения: 12.02.2018).

мизерную величину и не превышал 0,1 %.¹ Самым дешевым и распространенным способом использования солнечной энергии является ее преобразование в тепловую.

При всей очевидности необходимости развития энергетики с использованием возобновляемых источников энергии в Российской Федерации продолжает оставаться нерешенными целый ряд проблем, среди которых к одной из важнейших относится проблема правового обеспечения отношений энергоснабжения с использованием ВИЭ. Действующее российское законодательство пока не содержит комплекса мер, обеспечивающих стимулирование инвестиций в этот сектор энергетики. Нет реального правового механизма упрощенного подключения к сети энергоустановок малой и средней мощности для реализации излишков выработанной электрической энергии в сеть и обеспечения государственной поддержки владельцам генерирующих установок, работающих на ВИЭ.

Следует признать, что Министерством энергетики Российской Федерации разработан проект государственной программы «Энергоэффективность и развитие энергетики», а также целый ряд законопроектов, нацеленных на развитие зеленой энергетики. В них затронуты вопросы развития использования возобновляемых источников энергии. Предлагается ряд мер стимулирования развития использования ВИЭ в субъектах РФ, в том числе по привлечению внебюджетных средств на развитие использования ВИЭ и создание инфраструктурных предпосылок для активного развития использования ВИЭ. Однако механизма реализации выдвинутых идей до сих пор нет.

Вместе с тем давно существует положительный зарубежный опыт в этой сфере, который прошел проверку временем и вполне может быть использован в российском правовом порядке. Как нам представляется, к числу наиболее интересных и полезных наработок законодателей можно отнести опыт США, где еще в 1992 году был принят базовый закон «Об энергетической политике», который предоставлял льготное налогообложение для производителей, использующих энергию ветра и биомассы, предоставлял инвестиционный кредит для технологий, основанных на солнечной и геотермальной энергии. Согласно этому закону предусмотрены

¹ Возобновляемые энергетические ресурсы (ВЭР) России и перспективы их использования [Электронный ресурс]. URL: http://www.gigavat.com/netrad_icionnaya_energetika_v-i-e_3.php (дата обращения: 12.02.2018).

десятипроцентный инвестиционный кредит для технологий, основанных на использовании солнечной энергии; льготное налогообложение для производителей, использующих энергию ветра и биомассы; система стимулирующих выплат для предприятий, которые не могут получить налоговые льготы на федеральном уровне, и целый ряд других мер.

В США разработаны стандарты (условия) взаимоподключения (Interconnection Standards), которые представляют собой порядок, процедуры и технические требования, определяющие, как именно электрогенерирующие предприятия конкретного штата должны рассматривать возобновляемые источники энергии, которые необходимо подключать к действующим электросетям¹. Как нам представляется, именно региональный подход к правовому регулированию энергоснабжения с использованием ВИЭ может быть наиболее эффективным, поскольку это позволяет на уровне конкретного региона определять приоритет внедрения именно тех источников ВИЭ, которые в наибольшей степени преобладают в данном регионе, с учетом энергообеспеченности региона, его экономического потенциала и природно-климатических особенностей. Это означает, что в субъектах Российской Федерации необходимо принять специальные законы, регулирующие отношения в сфере производства и энергоснабжения с использованием ВИЭ.

Библиографический список

1. Возобновляемые источники энергии. [Электронный ресурс] URL: <http://verdit.ru/finansing/4217-renewable-energy.html> (дата обращения: 12.02.2018).

2. Возобновляемые энергетические ресурсы (ВЭР) России и перспективы их использования. [Электронный ресурс] URL: http://www.gigavat.com/netradicionnaya_energetika_v-i-e_3.php (дата обращения: 12.02.2018)

¹ Дакалов М. А. Нормативно-правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в США: основные документы [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-vozobnovlyaemyh-istochnikov-energii-v-ssha-osnovnye-dokumenty> (дата обращения: 12.02.2018).

3. *Дакалов М. А.* Нормативно-правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в США: основные документы. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-vozobnovlyаемых-istochnikov-energii-v-ssha-osnovnyye-dokumenty> (дата обращения: 12.02.2018).

С. С. Клещенко

помощник мирового судьи судебного участка
№ 49 Прикубанского внутригородского округа
г. Краснодара

ПУБЛИЧНЫЕ И ЧАСТНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СОБСТВЕННИКОВ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS OF LAND OWNERS

В середине XVII века происходит снижение роли сословных органов, взят курс на утверждение абсолютной монархии. Начиная со второй половины XVII-XVIII вв. в России формируется абсолютная монархия. Этот процесс сопровождался постепенным упразднением сословно-представительных институтов, местных органов власти, отделением церкви от государства. Были созданы централизованный государственный аппарат, регулярная армия, введена система налогов, поэтому данный период представляет особый интерес для настоящего исследования.

Ключевые слова: правотворчество; абсолютная монархия; сословно-представительные органы власти; манифест; указ; систематизация права; кодификация норм права.

In the middle of 17th century the role of class agencies regressed and the assertion of absolute monarchy became the main task in Russia. From the second half of 17th century to the 18th centuries the formation an absolute monarchy took place. This process was accompanied by the gradual abolition of the nobility representative organizations, local authorities, and the separation of the Church from state. Centralized state apparatus and the regular army were created, a system of taxation was introduced. Because of all this the stated period represents a particular interest to the researchers.

Keywords: lawmaking; absolute monarchy; nobility representative organizations; manifesto; decree; law systematization; codification of the law norms.

Особую роль в формировании абсолютизма сыграли преобразования Петра I, которые, вопреки сложившемуся мнению, были направлены не на разрушение старых порядков, а на государственное благо. Безусловно, для сохранения государственного суверенитета, экономического, социокультурного развития эти реформы были необходимы. Именно в этот период наиболее четко прослеживается закрепление правотворческой функции за государственной властью. Подсчитано, что только во

второй половине XVII в. издан 1821 указ, соответственно, по 160 указов ежегодно¹.

Е. Ю. Супрун² утверждает, что «говорить о законе как об акте правотворчества государственной власти применительно к Российскому государству можно лишь, начиная со времен Петра I, хотя и тогда еще сохранялось прежнее наименование такого акта – «государев указ»; в предшествующую эпоху удельные князья издавали уставы, которые в большинстве случаев представляли собой официальный свод юридических обычаев».

Петр I уделял особое внимание правотворчеству. Известно, что Устав воинский 1716 г. имеет около 200 поправок, сделанных лично Петром³. Он считал, что закон, изданный своевременно и сформулированный максимально определенно, способен значительно упорядочить правоотношения в обществе. Император полагал, что «надлежит законы писать ясно, чтобы их не перетолковывать». Следовательно, к закону предъявлялись два основных критерия: ясность и четкость. Петр искренне верил, что установление добрых порядков, то есть издание тщательно продуманных текстов законов и надлежащая организация органов управления, призванных их реализовывать, приведет к всеобщему благу его подданных.

По инициативе реформатора появляются новые виды правовых актов: манифесты, уставы, регламенты, артикулы, в чем прослеживалось явное подражание иноземной терминологии. Манифесты стояли первыми в числе законодательных актов, издавались самим императором или по его поручению Сенатом, регулировали наиболее важные государственные вопросы.

Помимо императора правом законотворчества обладал Сенат, учрежденный взамен Боярской Думы. Однако после усиления законотворчества самого государя эти полномочия у Сената изъяты в 1722 г. Действие законов во времени, придание им обратной силы полностью зависело от воли государя. Впервые при Петре I законы стали обнародовать. Происходит окончательное закрепление законодательной функции в руках царя, который в 1721 г. провозгласил себя императором. Идея окончательного за-

¹ История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 1 / под. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юристъ, 2007. – С. 319.

² Супрун Е. Ю. Правотворчество в реформационные периоды истории России: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 97.

³ Епифанов П. П. Воинский устав Петра Великого. Петр Великий: сб. статей. – М.-Л., 1947. – С. 196.

крепления абсолютизма нашла свое отражение в многочисленных законодательных актах.

Отличительной чертой всех актов правотворчества Петра I являлась рассудительность. Император считал, что подданному необходимо разъяснить необходимость предписываемых правил поведения. Столкнувшись же с неисполнением предписаний, Петр раз и навсегда ввел санкции за нарушение предписаний. Пренебрежение законами он рассматривал как государственное преступление, поэтому и санкции были соответствующие. В указе об уборке хлебов косами царь писал президенту Камер-коллегии Д. М. Голицыну: «Сами знаете, хотя что добро и надобно, а новое дело, то наши люди без принуждения не сделают»¹.

А. С. Пушкин обнаружил существенные противоречия между образованными государственными органами и указами: «Первые – суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, – вторые вырвались у нетерпеливого самовольного помещика»².

В целом, оценивая правотворчество в период правления Петра I, можно сделать следующие выводы: во-первых, началась систематизация законодательства по отраслевому признаку, усовершенствовались приемы законодательной техники; во-вторых, царь стремился упорядочить практически все отношения в обществе; в-третьих, правотворчество иногда было спонтанным, импульсивным, непоследовательным, впрочем, как и характер реформатора. Проникновение государства во все сферы жизни общества создало предпосылки для формирования полицейского, а впоследствии и правового государства. Закон становится основным источником права, обычные нормы права отходят на второй план.

Соответственно, если ранее, в XVII в., правовая действительность основывалась на обычаях, то с момента начала реформ Петра I направление правового развития России изменилось

¹ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях / под ред. Б. И. Сырмятникова. – М.-Л: из-во Академии наук СССР, 1945. – С. 111.

² Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 8. – М.: ГИХЛ, 1959-1962. – С. 323.

принципиально, когда единственным источником права становится воля законодателя, выраженная в законе.

За период своего правления Петру I удалось создать довольно обширную законодательную базу, но с воцарением потомков великого реформатора правотворческая деятельность значительно снизилась. Возможно, это было связано с начавшейся эпохой дворцовых переворотов, политической нестабильности и неопределенности.

В период реформ Петра I предпринимались также попытки кодификации действующего законодательства, в том числе Юстиц-коллегией, однако особых успехов в этом деле достигнуто не было. Поэтому в XVIII в. продолжали действовать акты предыдущего столетия и вновь принятые, которые нередко противоречили друг другу. Отдельные попытки кодификации предпринимала в 1730 г. Анна Иоанновна, повелевшая составить новый Кодекс. В 1754 г. к этой же проблеме вернулась Елизавета Петровна. Возможно, причиной неудач кодификации этого периода являлось стремление создать принципиально новые кодексы без обобщения предыдущего законодательства, но из-за низкого качества состава кодификационных комиссий дело продвигалось с большим трудом, а в конечном итоге было признано неэффективным.

Начинания Петра I нашли свое логичное завершение только при Екатерине II, период правления которой называют временем «просвещенного абсолютизма». Эта императрица привнесла новую идею в правотворчество: сопоставление государственных законов с состоянием умов в народной среде. В своем знаменитом «Наказе» 1766 г. Уложенной комиссии императрица отмечает: «...что когда умы еще не приготовлены, нельзя установить и самого полезного дела»¹. Данный документ составлен Екатериной II под влиянием работ Ш. Монтескье «О Духе законов», Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», Д. Дидро и Д. Аламбера. Само по себе создание Уложенной комиссии свидетельствует о первых попытках зарождения парламентских институтов, хотя и не очень удачных. Деятельность Уложенной комиссии 1767–1768 гг. вызывала у Екатерины II большое неудовольствие. Члены комиссии, не имея четкого плана работы, занимались решением

¹ Конституционные проекты в России XVII-начале XX века / под ред. С. Бертолисси, А. Н. Сахарова. – М.: Институт российской истории РАН, 2000. – С. 249.

частных рутинных вопросов, поэтому ее деятельность была прекращена под предлогом начала русско-турецкой войны.

«Наказ» был призван указать на то, что правовая система должна отличаться стабильностью и фундаментальностью. Законы, как считала императрица, должны быть просты и четки в своих формулировках, их должно быть немного, они должны оставаться неизменными. Последнюю из характеристик закона нельзя рассматривать однозначно. С одной стороны, раз и навсегда принятый закон есть результат кропотливой работы законодателя, закон хорошо известен всем участникам правоотношений и применяется длительное время, с другой – закон не может оставаться неизменным, иначе он просто перестанет регулировать постоянно изменяющиеся общественные отношения. Тем не менее, отстаивая принцип постоянства и неизменности в правотворчестве, Екатерина II и ее преемники прилагали все усилия для того, чтобы закрепить позиции абсолютизма. Примечательно, что рамками закона императоры связывали и себя. Александр I писал: «Закон должен быть для всех единственен. Коль скоро я себе позволяю нарушать законы, кто тогда почтет за обязанность наблюдать их?».

В сфере государственного управления произошли следующие изменения: в 1802г. – расширение законодательных функций Сената, в 1810 г. создан Государственный Совет – законосовещательный орган при императоре, который продолжает действовать в этом качестве до замены его Комитетом министров в 80-е г. XIX века. К этому времени сформировались три вида актов: законы, уставы, учреждения. Впервые закон стал возглавлять систему источников права.

Первая половина XIX века ознаменовалась новым витком систематизации, масштабнее которого Россия еще не знала. К тому времени последним результатом систематизации, как известно, было Соборное Уложение 1649г. Следует отметить, что попытки систематизации предпринимались и до XIX века, еще Петр I задумывался над этим, но возможность реализовать задуманное представилась позднее. Проведение столь ответственного мероприятия было поручено М. М. Сперанскому, который планировал провести систематизацию в три этапа, но пришлось ограничиться только первыми двумя. Результатом работы стало издание Полного Собрания законодательства, которое включало в себя акты законодательства с момента издания Соборного Уложения до начала правления Николая I. Был создан Свод законов Россий-

ской империи. По словам самого М. М. Сперанского, «свод есть верное изображение того, что есть в законах, но он не есть ни дополнение их, ни толкование».

С воцарением Александра II начался новый этап реформ. Законотворческая деятельность резко активизировалась. В отличие от ранее проводимых реформ реформы царя-освободителя были продуманы и подкреплены законодательно. Решающая роль в проведении реформ принадлежит внутривластной ситуации, сложившейся в тот период в России. Вступив на путь реформирования, Россия восприняла немало буржуазных правовых идей, российская правовая доктрина уходит постепенно от своих первоначальных основ и воспринимает в том числе и естественно-правовые тенденции развития западноевропейского права. Благодаря усилиям видных теоретиков и практиков, созданы законодательные акты: Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Устав о наказаниях уголовных и исправительных. Именно в это время появляется первый в России печатный источник для официального опубликования. С 1 января 1863 г. стало издаваться Собрание узаконений и распоряжений правительства. В нем официально публиковались манифесты, трактаты, указы с последующим внесением в Полное Собрание законов Российской империи.

Юридической технике уделялось незаслуженно мало внимания. Задача юристов того времени состояла не столько в правильной формулировке нормы, сколько в ее трактовке. Толкованием законов занялся Сенат, результаты толкования были обязательны для юридической практики. Более четко сформировались стадии законотворческого процесса: законодательная инициатива или право законодательного почина, составление текста законопроекта, обсуждение, утверждение, обнародование. Законодательство продолжает формироваться по отраслевому признаку. В связи с большими темпами развития экономической сферы появляются новые отрасли права: финансовое право, торговое, рабочее право. В правотворчестве стал активно проявляться принцип законности, равенства перед законом и судом, суд перестал быть сословным.

Реформирование судебной системы оказалось своевременным, поскольку до реформы судебная система, по выражению министра юстиции Троцинского, представляла собой «...море

громадное и пространственное, и в нем же гадов несть числа»¹. Одним из способов правотворчества становится способ устранения архаизмов. Например, телесные наказания были отменены, но сохранялись наказания розгами для крестьян. Право законодательной инициативы признавалось только за монархом. Министрам разрешалось «...представлять о необходимости нового закона или учреждения, или об отмене прежнего», но опять же с разрешения монарха.

Правовая действительность рассмотренного периода показывает, что проводимые реформы и последовавшие после контрреформы имели своей целью снизить нарастающую революционную ситуацию в стране, монархия шла на определенные уступки, при этом оставаясь все еще жизнеспособной формой правления.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что стремление к всеобщему благу проявилось в активной реформаторской деятельности Петра I, Екатерины II, Александра II. Поэтому нельзя утверждать, что развитие правотворчества происходило стабильно и однородно. Естественно, что в реформационные периоды оно развивалось наиболее активно. Идеи и направления правотворчества во многом зависели от личности самого законодателя. Если у Петра I зачастую спонтанные, иногда противоречащие друг другу указы, то уже у Александра II указы отличаются определенной степенью продуманности и четкости. Существенное влияние на правотворчество оказали две масштабные систематизации, предпринятые в XVII и XIX веках, что послужило основанием для совершенствования юридической техники.

Библиографический список

1. *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях / под ред. Б. И. Сыромятникова. – М.-Л.: из-во Академии наук СССР, 1945. – 469 с.
2. *Епифанов П. П.* Воинский устав Петра Великого. Петр Великий: сб. статей. – М.-Л., 1947. – 317 с.
3. История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 1 / под. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юристъ, 2007. – 402 с.

¹ История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 1 / под. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юристъ, 2007. – С. 356–363.

4. Конституционные проекты России XVII-начале XX века / под ред. С. Бертолисси, А. Н. Сахарова. – М.: Институт российской истории РАН, 2000. – 350 с.

5. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. 8. – М.: ГИХЛ 1959-1962. – 390 с.

6. *Супрун Е. Ю.* Правотворчество в реформационные периоды истории России: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 194 с.

Раздел

Критика и рецензии

В. П. Камышанский
заведующий кафедрой
гражданского права ФГБОУ ВО
Кубанский ГАУ
директор НИИ АПСП
доктор юридических наук
профессор
vpkam@rambler.ru

В. М. Марухно
доцент кафедры
гражданского права ФГБОУ ВО
Кубанский ГАУ
кандидат юридических наук
vasilisa_amg@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ А. Л. КОРНЕЕВА «ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ СДЕЛОК С ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ» (М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ГОРОДЕЦ», 2017. 304 С.)

REVIEW OF THE TEXTBOOK "PECULIARITIES OF LAND LOTS TRANSACTIONING". (MOSCOW: PUBLISHING HOUSE "GORODETZ", 2017. 304 P.)

Учебное пособие Корнеева Александра Леонидовича «Особенности совершения сделок с земельными участками» является актуальным исследованием, которое в силу сложившихся обстоятельств долгое время оставалось вне поля зрения исследователей. История и современная действительность показывают, что основанное на законе правовое регулирование сделок с земельными участками благотворно влияет на качество жизни. В связи с социально-экономическими и политико-правовыми изменениями последних лет в нашей стране, увеличением количества объектов права частной собственности, в том числе и земельных участков, участвующих в гражданском обороте, возрастает роль гражданско-правового регулирования имущественных отношений. Как

показало содержание рецензируемого исследования, в дальнейшем совершенствовании нуждаются нормы материального права, регулирующие сделки с земельными участками, с целью создания благоприятной законодательной основы для формирования единообразной судебной практики по разрешению соответствующих споров между участниками гражданского оборота на рынке недвижимости.

Структура рецензируемой работы вполне логична, последовательна, что позволило автору наиболее полно и системно раскрыть особенности совершения сделок с земельными участками. Учебное пособие включает в себя три главы: общие вопросы законодательства о сделках с земельными участками; сделки, связанные с приобретением права собственности и ограниченных вещных прав на земельный участок; отдельные вопросы совершения сделок, обеспечивающих оборот земельных участков. Однако, на наш взгляд, вопрос об ограниченных вещных правах, рассмотренный автором наряду со сделками относительно земельных участков во втором параграфе второй главы, с учетом своей масштабности вполне мог стать предметом самостоятельного исследования в отдельном параграфе. Несмотря на многоуровневый характер обсуждаемой темы, автору удалось выделить и обозначить пути решения важнейших проблем правового регулирования сделок с земельными участками, а также сделать определенные аргументированные выводы и предложения.

Рецензируемое учебное пособие представляет собой обстоятельное и глубокое исследование земельных отношений, содержащее важную информацию о наиболее актуальных направлениях развития указанных правоотношений в РФ. Прежде всего, следует отметить проведенный в первой главе «Общие вопросы законодательства о сделках с земельными участками» учебного пособия анализ эволюции законодательства, регулирующего оборот земельных участков, на основе которого автор делает обоснованный вывод о том, что многие из существующих в древнем римском праве ограниченные вещные права, претерпев модернизацию в связи с дальнейшим развитием рыночных отношений, существуют в ныне действующих правовых системах.

Для доктрины гражданского и земельного права ценность представляет проведенное автором исследование существующих классификаций сделок с земельными участками, так как в юридической литературе вопрос о классификации сделок с землей отдельно раньше не поднимался (с. 41-42 учебного пособия).

Важным представляется исследование пределов и ограничений права собственности, в том числе и при совершении сделок с земельными участками. Препятствия в осуществлении права собственности, ограничения свободы собственника существовали всегда. Они были нацелены на учет интересов третьих лиц и общества в целом и сдерживание эгоистических устремлений собственника. Однако, несмотря на это, пределы и ограничения права собственности продолжают толковаться по-разному (с. 43-44 учебного пособия). В связи с этим, как нам кажется, недостаточно убедительна точка зрения тех авторов, которые не различают пределы права собственности и ограничения права собственности.¹ На наш взгляд, пределы осуществления права собственности характеризуют степень свободы собственника по реализации правомочий владения, пользования и распоряжения, раскрывают его содержание. В свою очередь, ограничения права собственности предполагают определенные изъятия из этой свободы, основанные на законе и предусмотренные для достижения строго определенных целей, сформулированных в п. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации и п. 2 ст. 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации. Таково общее правило.

Применительно к общему правилу, закрепившему в ст. 209 ГК РФ усмотрительный характер осуществления права собственности, в отношении земельного участка, как нам представляется, следует руководствоваться специальной нормой п. 2 ст. 260 ГК РФ «Общие положения о праве собственности на землю», которая предписывает для земель сельскохозяйственного и иного целевого назначения осуществлять только те правомочия, которые установлены законом или закрепленным в законе порядком.

Работа А. Л. Корнеева является, несомненно, актуальной как для общей теории права, так и для отраслевых наук, в том числе земельного и гражданского права. В учебном пособии автор, прежде всего, рассматривает понятие «земельный участок», так как в базовых федеральных законах в настоящее время отсутствует универсальное законодательное понятие земельного участка. Однако данный вопрос является важным, поскольку в различных отраслях права, исходя из стоящих задач, под земельным участком понимают различные явления (с. 50 учебного пособия).

¹ Более подробно см.: *Камышанский В. П.* Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ): дис. ...д-ра юрид. наук. – СПб., 2000. – С. 70-239.

Очевидна значимость вывода о необходимости оптимизации положений отечественного законодательства, определяющих основания изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд, с точки зрения того, в какой степени в них отражена «общепольность». И, как верно отмечает автор, процедура изъятия требует уточнений. Так, например, в соответствии с п. 3 ст. 56.3 ЗК РФ решение об изъятии земельного участка должно быть принято не позднее трех лет от даты принятия проекта планировки территории, предусматривающего такое изъятие, что не всегда может быть обеспечено. В то же время не совсем ясно, как именно будет действовать норма п. 7 данной статьи: следует ли полагать, что даже при минимальном финансировании соответствующей организацией строительства или реконструкции необходимо ее ходатайство? (с. 90 учебного пособия).

Интересен авторский подход к исследованию понятий «кадастровая», «рыночная» и «нормативная» цена, среди которых приоритет отдан первым двум (с. 241 учебного пособия). При этом автор отмечает, что существующие методы оценки рыночной стоимости земельных участков нуждаются в оптимизации, в том числе для оценки земельных участков в конкретных ситуациях, в случаях, когда оценке подлежит совокупность земельных участков вместе с постройками на них и т.д. Разработка универсальных методик могла бы помочь, как отмечает Корнеев А. Л., не только для исключения споров, но и для того, чтобы результаты оценочных действий стали необходимым компонентом правовой системы и экономической жизни (с. 248 учебного пособия).

В своем исследовании автор обращает внимание и на пробел в правовом регулировании предоставления служебного надела. Так, законом предусмотрено, что служебные наделы предоставляются по заявлению работника. К сожалению, этим исчерпывается весь механизм предоставления: в частности, нет правил о том, как именно возвращается участок, возможно ли неоднократно предоставление и т.д. Пункт 6 ст. 47 ЗК РФ предоставляет уволенному работнику право использовать принадлежащий ему служебный надел «до окончания сельскохозяйственных работ». В литературе отмечается, что такая формулировка не совсем удачна. В частности, она не позволяет определенно установить срок прекращения данного права. В связи с этим автор полагает, что было бы уместно вопрос о периоде сельскохозяйственных работ решать на уровне законодательства субъектов РФ, где можно было бы учесть сроки завершения сельскохозяйственных работ,

исходя из региона, фенологических и иных особенностей (с. 271 учебного пособия).

Интересен вывод Корнеева А. Л. о том, что передача отдельных земельных участков, а также объектов недвижимости, находящихся на земельных участках, в отношениях между публичными образованиями иногда квалифицируется как договор дарения, является спорной (с. 275 учебного пособия).

В учебном пособии использована обширная библиографическая база, изучению подвергнуты множество научных источников и нормативно-правовых актов, находящихся в прямой взаимозависимости с предметом исследования. Существенный акцент сделан как на общенаучных, так и на прикладных, практически значимых аспектах темы, широко представлены примеры из судебной практики, которые, как правило, удачно иллюстрируют выдвинутые автором теоретические положения.

Таким образом, мы полагаем, что читатели, серьезно и основательно занимающиеся проблемами оборота земельных участков, найдут в опубликованном научном труде множество ответов на интересующие их вопросы, получат богатую пищу для размышления и активного обсуждения поднятых автором проблем, получат дополнительную аргументацию для формирования собственных позиций.

Надеемся, что всесторонний анализ и оценка выводов и предложений, нашедших отражение в учебном пособии А. Л. Корнеева, неоднократно станут предметом оживленных научных дискуссий. Учебное пособие «Особенности совершения сделок с земельными участками» имеет высокий теоретический уровень, очевидную практическую значимость и будет интересно научным работникам, аспирантам, практикам, бакалаврам, магистрантам, всем, интересующимся проблемами гражданского оборота земельных участков в условиях многоукладной рыночной экономики.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по **e-mail: vzlaw@yandex.ru** для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт **Times New Roman**, размер шрифта – **14**, межстрочный интервал – **одинарный**, абзацный отступ – **1,25 см**, поля сверху, снизу, слева, справа – **2 см**, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи должен быть **не менее шести**, но не более **15** страниц – для аспирантов и соискателей; **20** страниц – для авторов, имеющих степень кандидата или доктора наук.

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Научная статья проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- индекс УДК;
- заглавие статьи на русском и английском языках;
- фамилии и инициалы автора(-ов) на русском и английском языках;
- должность и место работы автора(-ов) на русском и английском языках;
- аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

– 7–10 ключевых слов на русском и английском языках;

– список литературы (библиографический список). В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее семи источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы **не приводят** в списке литературы (библиографическом списке). Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10 % от общего количества цитирования источников из библиографического списка. Ссылки на электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты приводят в постраничных (подстрочных) сносках и в библиографический список **не выносят**.

7. Все ссылки в статье на литературу и другие источники должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки в тексте статьи – под-

строчные, вынесенные из текста вниз полосы документа (в сноску), шрифт ссылок – **Times New Roman**, размер шрифта – **12, одинарный** межстрочный интервал.

8. После проверки подписанные автором(-ами) оригиналы статьи и всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович). Документы в распечатанном виде (на бумажном носителе) должны полностью соответствовать электронной версии.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Уведомляем Вас о возможности
приобретения научно-практического журнала

«Власть Закона»

в интернет-магазине: www.niiapsp.ru

Стоимость продукции:

КВАРТАЛ (ОДИН ВЫПУСК) – 400 РУБ.
ПОЛУГОДИЕ (ДВА ВЫПУСКА) – 700 РУБ.
ГОД (ЧЕТЫРЕ ВЫПУСКА) – 1100 РУБ.

С уважением, редакция журнала!

